

СТРЕЛЬЦОВА ВИКТОРИЯ

ПЕЧАТЬ
ЧЕТЫРЁХ
СТИХИЙ

18+

Виктория Стрельцова

Печать Четырёх Стихий

«Автор»

2026

Стрельцова В.

Печать Четырёх Стихий / В. Стрельцова — «Автор», 2026

Четыре стихии. Два сердца. Одна печать, способная изменить судьбу мира. В мире, где магия переплетена с древними клятвами, а любовь может стать как спасением, так и гибелью, судьба сводит наследников двух великих королевств. Когда древняя Печать Четырёх Стихий начинает пробуждаться, принцу Тэреону и принцессе Амелии предстоит сделать выбор между долгом, чувствами и судьбой целого мира. Драконы возвращаются из легенд, старые тайны выходят на свет, а силы, которые должны были остаться запечатанными навеки, вновь пробуждаются.

© Стрельцова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Цикл: Дыхание Стихий	5
Пролог. Обсидиановое сердце	6
Глава 1. Часть Дыхания	8
Глава 2. Корни судьбы	18
Глава 3. Зов крови	22
Глава 4. Цена чести	26
Глава 5. Падение	37
Глава 6. Выбор	41
Глава 7. Там, где ты	59
Глава 8. Секрет	63
Глава 9. Право на тепло	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Печать Четырёх Стихий

Цикл: Дыхание Стихий

Алматы 2026

*Посвящается тем, кто верит в иные миры,
даже если видел их только во сне.
Тем, кто любит без оглядки,
борется без меча и побеждает вопреки.
Тем, чьи шрамы стали их самой красивой историей.
Пусть ваша стихия всегда указывает путь **домой** .*

Пролог. Обсидиановое сердце

*«Среди лепестков, что расцветают в ночи, рождается зов,
не принадлежащий этому миру.*

Кто слышит его — тот пробуждает древнее вновь».

— Фина, Хранительница Равновесия

Говорят, правители Драугона бессмертны. Их сердца — обсидиан, а кровь — золото. Я верил в это пока мой собственный камень не дал трещину.

* * *

Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар. 400 год после первого вызова печати.

Ветер нёс первый осенний дождь над вершинами Драконьих гор. Уперевшись длинными пальцами в парапет с изображениями драконов, я стоял на балконе самого высокого шпиля в окружении резных крыльев и колонн из чёрного обсидиана. Плащ бился о камень, рубашка расстёгнута у горла — жара тяготила, но мысли были далеко. Взгляд ярко-золотого оттенка был устремлён на север, откуда считанные минуты должен был вернуться брат, чья трёхдневная вылазка из-за упрямства коней затянулась на неделю.

— Стоило брать Оникса вместо Грозы. Она и с турнира не успела оправиться, — сощурившись, отметил я, скрещивая руки на груди.

Тишину нарушил лёгкий стук в дверь и шелест мягких шагов. Асоби — молодая горничная, назначенная в мои покои несколько недель назад. Её облик был почти театральным: тонкие пальцы, изящный наклон головы, чёрные локоны, спадающие на плечи — всё в ней было выверено. В платье серо-голубого цвета, подчёркивающим фигуру, она походила не столько на горничную, сколько на гостью бала.

— Ваше Высочество, мне поручили принести вам новые перчатки для полётов. Но я могу помочь и с чем-то ещё... если пожелаете.

Она подошла ближе, задержавшись рядом со мной дольше, чем было необходимо. В её руках лежала аккуратная бархатная коробочка. Асоби приоткрыла её и протянула руку, будто собираясь вложить перчатки прямо мне в ладонь и позволив пальцам соприкоснуться. В этот момент я резко, хотя и не грубо, перехватил перчатки, обрывая её планы. В моих движениях не было злости, лишь отчётливое «нет».

— Сколько раз ей ещё нужно объяснить? — устало подумал я, делая шаг в сторону. — Зачем так близко подходить? Думает, что взгляд или кивок — это приглашение?

— Я рядом, если что-то понадобится или если просто захочется

Девушка стояла в нерешительности ещё пару секунд, затем отступила и неслышно вышла; дверь за ней закрылась мягко, будто сама не решилась хлопнуть.

Я наконец выдохнул. Пустота в людях раздражала меня сильнее, чем проигранный бой. Я давно знал, кто мне нужен рядом. И это была не она. К счастью, я видел горничную редко: с самого начала дал понять, что не позволю приставить ко мне личную прислугу, которая будет следовать за мной как тень. Мне хватало и собственных мыслей, чтобы чувствовать себя в осаде.

Через пару минут двери из чёрного дерева отворились вновь. В проёме появился Райарн — один из надёжных воинов королевской стражи. Высокий, в серебряных доспехах с чеканной чешуёй, с чёрным плащом на плече и брошью в виде когтя — древнего символа Драугона, основанного более тысячи лет назад моим предком, королём Рионом. На поясе — двуручный меч, положенный тем, кто охраняет не только корону, но и семью.

— Ваше Высочество, — голос Райарна прозвучал по-военному четко, но я уловил в этой сухости скрытый резонанс. — Мы нашли её.

Я резко обернулся и ветер сорвав воротник рубашки, поднял его к лицу, желая скрыть внезапный жар, вспыхнувший под кожей.

— Где?

— В Храме богини Фины, Ваше Высочество. Она ухаживает за алтарём, поёт в ритуалах пробуждения. Донесение разведки однозначно: это та, кого мы искали.

Я молча опустил взгляд на ладонь. Метка на коже вспыхнула золотом — ярче, чем прежде, словно отзывалась на имя, которого я ещё не знал.

— Имя.

— Амелия Флоретийская, пр.

— Достаточно. Подготовь Вёрона. Я поеду сам. И проследи, чтобы Эмир не устроил драмы в моё отсутствие.

Я в последний раз задержал взгляд на хвойном лесу. Где-то там, вдали, была та, с кем меня уже связала судьба. И на мгновение небо тихо озарилось вспышкой четырёх цветов — словно дыхание самих стихий.

Мрамор гулко откликался на мои шаги, пока я стремительно спускался по винтовой лестнице. В груди бился драконий пульс — зов в самих венах, заставлявший метку пульсировать в унисон с сердцем. Холодный металл наплечников тускло отблескивал в полумраке, а в воздухе медленно разлился знакомый с детства аромат дыма и мёда. На нижнем ярусе пространство сгустилось, как перед грозой, но стоило мне ступить в сводчатый коридор, как за спиной, подобно удару клинка о щит, раздался властный, до боли знакомый голос.

— Принц Тэреон. Прошу, остановитесь.

Глава 1. Часть Дыхания

«Когда Стихии Дышали Вместе».

Когда-то мир дышал ровно.

С каждым вздохом рассвета, с каждой дрожью земли четыре первородных пели в унисон, создавая гармонию — дыхание жизни.

Аларис, Дракон Огня, был раскалённым сердцем мира. Его пламя ковало волю и мужество, питая жизнь светом, а врагов — карающим гневом.

Сия, Драконица Воды, текла сквозь века, омывая раны прошлого. В её глубинах рождались зеркала, отражавшие истинную суть вещей.

Ария наполняла мир музыкой ветров. Её дыхание дарило свободу от тяжести мыслей, возрождая надломленные сердца.

Тэррон, Дракон Земли, закладывал основу. Там, где он замирал, вырастали города, а там, где дышал — расцветали леса.

Они были четырьмя струнами одного инструмента. Их гармония держалась не на власти, а на согласии равных стражей. Но равенство — хрупкая ткань, и на границе веков оно было разорвано. Говорят, всё началось с человеческого выбора: сердце одного из древних медленно и неотвратно потянулось к людям. В их судьбах, в их страхах, клятвах он увидел то, чего не было даже в песнях стихий.

Когда единство дало трещину, вспыхнула первая война. Смертный король Флоретии и правительница Гор в отчаянной попытке спасти народы совершили ритуал Печати. Они хотели сковать хаос в круге равновесия, но в момент закрытия один из древних не подчинился. Его сила осталась незапертой, обратившись в голос, шепчущий в снах его потомков.

«Когда тень пламени коснётся сердца воды,

Когда камень дрогнет от дыхания ветра —

Тогда круг распадётся вновь.

И только те, кто помнит пепел, смогут удержать свет».

Спустя четыре сотни лет Печать дрожит. Стихии снова дышат, но уже не в лад, и то, что должно было стать новой эпохой, теперь грозит стать её последним вздохом.

Пока одни ищут любовь, другие зовут силу. Пока короны сверкают, мечи затачиваются в тени, а тот, кто первым разорвал круг, ждёт. В чьих снах он появится сегодня? В чьей крови заговорит завтра? Станет ли древнее дыхание жизнью... или оно поглотит мир, превратив его в ничто?

* * *

Королевство Флоретия. Город Лиэстэрия. Дворец Альмерийн. 400 год после первого вызова печати.

Я проснулась резко, с ощущением, будто воздух в лёгких обернулся огнём. Аромат цветов, казавшийся всегда утешением, сегодня был удушлив. Лоб был мокрым от пота, а сердце грохотало в груди, как запертый зверь.

Во сне пылал мой сад; цветы опадали чёрным пеплом. Над ним кружил силуэт — чёрный, бесформенный, как сама ночь, а у статуи Фины, богини доблести, справедливости и мужества, стоял мужчина. Высокий, статный, с волосами цвета воронова крыла и ослепительно яркими глазами.

Всё ещё вспоминая сон, я не заметила, как дверь скрипнула.

— Всё хорошо? — тихо спросила девушка, прерывая мои размышления.

— С каждым сном он всё яснее. В этот раз я почти услышала имя: Тэ

На миг Хризалия замерла, тревожная тень скользнула по её лицу. Девушка прищурилась, обвела меня взглядом и в лучших традициях сестёр, которым скучно и слишком рано для серьёзных разговоров, склонила голову набок:

— «Тэ»? Тэфан? Тэрнандо? Или он хотел сказать: «Тэбя, Амелия, я заберу в подземелье»?

— Хри

— Нет-нет, погоди! Может, это предупреждение? «Тэ» — как «Тэбе крышка!»

— Хризалия! — рассмеялась я, швырнув в неё подушкой.

— Что? — она увернулась и, уже направляясь ко мне, пробормотала: — Если окажется, что он красив, зови меня, я помогу допросить его! А если серьёзно, что будешь делать?

— А что мне делать? Искать его самой? Отправить шпионов?

— Ами, только тебе решать, но моё предчувствие говорит: тебе нужно найти его. И как можно скорее. Неважно как... хоть Сифоса отправь.

Я фыркнула. Мы обе знали: Сифос — мой страж — не оставит меня ни на миг, а уж надолго — тем более. Мы обе засмеялись, по-настоящему; смех будто сорвал с плеч покрывало сна и страха.

— Я найду его, а теперь иди. Гонцы скоро придут.

— И пока не прибежали Анстезия с Фризой.

— Это их работа. Будь благосклонней, — поддразнила я её и босиком исчезла за дверью в ванную.

— «Будь благосклонней»... — пробормотала Хризалия и с драматичным вздохом накрылась лёгким одеялом.

Я улыбнулась, но где-то внутри дрожал жар — не сна, не страха. Предчувствия, что осталось в моей крови.

Закрыв за собой дверь ванной, я оставила комнату и тревоги позади. Внутри были только тишина и лёгкий запах жасмина и мёда. Подойдя к высокому серебряному зеркалу я посмотрела в своё отражение: Лоб блестел от пота, в светло-голубых глазах застыла тревога. За зрачками пульсировала чужая искра.

— Тэ...мбн? Нет... Тэар? Тэрон?

Отражение на долю секунды дрогнуло, но я это точно видела. Зрачки стали чуть уже, а в глубине глаз мелькнул отблеск золота.

— Тэ... Но всё же... кто ты?

В зеркале, на уровне моих губ, будто проступила едва заметная тень улыбки, не принадлежавшая мне. В тот же миг я ощутила, как по коже пробежал холодок, будто кто-то прошептал моё имя так близко, что дыхание обожгло ухо:

— Амелия.

Я обернулась, но за спиной никого не было. Только холод, жасмин и моё отражение, которое теперь смотрело на меня с лёгким укором, словно знало больше, чем я.

— Кто ты? Почему я тебя чувствую?

В этот момент дверь распахнулась.

— Ваше Высочество, пора приводить себя в порядок! — заявила громким, звонким и немного писклявым голосом Анстезия.

Горничная уже стояла в дверях с подносом украшений, лент и маленьких флаконов. За её спиной были разложены платья разной степени вычурности: одни богато украшены изумрудами, сапфирами и рубинами, другие — простыми золотыми и серебряными вышивками в виде виноградной лозы и плюща.

— Я почти закончила.

Комната встретила нас тишиной — Хризалии не оказалось. Анстезия хлопотала над моими волосами, вплетая жемчужные нити, пока я, словно гостья в собственном утре, наблю-

дала, как на мне струится лёгкое золотое платье, сотканное будто из первого солнечного луча. На подоле цвели серебряные лозы, а корсет украшали нежные розы, перенесенные на шёлк искусными мастерами Флоретии. Из предложенных украшений я выбрала серьги с каплями цитрина — они сияли, как застывший мед, отражая теплое утро.

В коридоре нас ждали мама и сестра. Королева Мёнфиса в лазури и серебре смотрела на нас с тихой гордостью. Хризалия же практически заставила Фризу лишь наблюдать, как сама собирает волосы: быстро, без расчёта на идеальный вид, будто не волосы, а мысли ей мешали. На ней было платье цвета васильков с серебристой вышивкой, напоминающей морозный узор, а на пальце поблескивало кольцо с нашей детской гравировкой — знак нашего общего секрета.

— Вы опаздываете, — напомнила мама, поворачиваясь к нам.

— Доброе утро, — сказала я, подходя ближе.

— Ты хорошо спала?

Я ответила не сразу, и сестра взглянула на меня внимательнее.

— Она опять видела его.

Мама нахмурилась, но ничего не сказала.

— Обо всём — после. Сейчас — завтрак, пока он ещё не остыл, а придворные не начали пересуды.

Мы зашагали по ковру сквозь длинный коридор, где солнечные зайчики танцевали на стекле, отражаясь в полированных панелях, будто пытались передать утреннее волнение. Зал для трапезы был залит мягким сиянием витражей. Запах свежего хлеба с лавандовым мёдом и лепесткового варенья наполнял пространство уютом, который, казалось, не могли потревожить даже мрачные предсказания.

Мы расселись за столом: мама, папа, Хризалия и я. Король Джэрред привычно изучал утренние указы, попивая горячий цветочный чай — из цветов, выращенных в тайной части моего сада. Служанки заканчивали сервировку, и хотя нас было четверо, серебристые блюда и фаянсовые подносы ломились от изобилия.

— Мы просили меньше... — начала было Хризалия, но одна из служанок подошла чуть ближе и обратилась к нам извиняющимся шёпотом.

— Простите, принцесса... это всё Мерисса. Она хотела показать вам, чему научилась у нового кулинарного мастера из королевства Териннос...

— Ещё один? — спросила мама, поднимая брови. — Девочки, дайте шанс Мериссе продемонстрировать, что она умеет. Гордитесь тем, что у вас всё есть.

— Что ж, — сказала я, поднимая чашку чая, — попробуем, чему она научилась.

Я лишь успела поднести чашку к губам, как в зал вошёл гонец в форме с фиолетовой вышивкой герба Флоретии — цветком пиона на фоне солнца.

— Ваши Величества, Ваши Высочества, — он низко поклонился. — Только что доставлен новый список гостей, выразивших желание прибыть на предстоящий бал.

Король отложил чашку, взял свиток и развернул его. Мы продолжали трапезу, не обращая особого внимания, пока его брови не взлетели вверх.

— Вот это неожиданность

Королева подняла голову, глядя на мужа.

— Что-то важное?

Он молча передал свиток ей. Мама, пробежав глазами первые строки, замерла, затем отложила вилку и аккуратно протянула список Хризалии, которая уже придвинулась ближе.

— Королевство Драугон Без указания имён.

— Вальтáрис... Мы с ними не поддерживаем отношения, — тихо сказал папа, вновь беря чашку. — С момента, как их Совет разорвал соглашения более двадцати лет назад, у нас не было даже дипломатического обмена. На момент расторжения договора в Драугоне правили

король Эдгар с супругой — королевой Сирёной. У них был сын, Турэн, или Гáрен, уже не вспомню.

— Но теперь они хотят явиться на бал — подала голос мама.

Я почувствовала, как сердце пропустило удар. Где-то внутри, в тени сна, снова прозвучало имя. Я не знала, кто он Но всё внутри будто отозвалось.

— Можно мне взглянуть?

Отец кивнул. Я взглянула на список и там действительно было только: «Королевство Драугон — четыре представителя и семь членов королевской семьи Вальтарис». Без званий. Без имён. Без пояснений. В этот момент из бокового входа, вошёл Сифос.

— Простите за вторжение, Ваше Величество, прибыла первая карета. От королевства Драугон — первые четыре представителя.

Все замерли. Отец встал, надевая корону.

— Кажется, наш бал начинается раньше, чем мы думали.

Из-под арки центральных ворот донёсся скрежет колёс. Карета цвета обсидиана медленно выкатывалась по гравиевой дорожке, оставляя за собой едва заметный след в утренней дымке. Четверо всадников сопровождали экипаж, неся герб Драугона — резной силуэт дракона, охватывающего круг стихий.

Я стояла у ворот дворца вместе с Хризалией, пока король с королевой замерли чуть впереди, там, где уже выстроилась почётная стража.

— Они прибыли без флагов приветствия, — заметил папа, прищурившись. — Только символ Драугона. Ни королевского знамени, ни знаков примирения.

— Значит, не дружеский визит, но и не открытая угроза, — добавила Хризалия почти шёпотом.

Карета остановилась, дверь распахнулась, и первым на землю ступил мужчина средних лет с угольно-чёрными волосами, убранными в плетёный хвост, и глазами, будто выточенными из полированной стали. В его мантии угадывался авторитет: ткани строгих форм, с незаметной золотой вышивкой по краю.

— Синон, главный советник короля Эдгара, — тихо сказал отец. — Запоминайте: Синон — хитроумный стратег, всегда видит на два хода вперед. Даже когда всё спокойно, он говорит мало и только по делу.

Следом на землю ступила женщина с распущенными вьющимися каштановыми волосами. Платье сложной конструкции струилось по ней, а на груди сияла золотая брошь в форме цветка, подозрительно похожая на эмблему Флоретии.

— Лилия, советница королевы Сирены. — серьёзно произнесла мама. — Она родом отсюда, знает наши законы и традиции. В пятнадцать лет уехала с родителями в Драугон; мы раньше были хорошо знакомы.

— Неудивительно, что мы не поддерживали связей столько лет, а они прислали сразу лучших, — прошептала Хризалия.

— Или худших, — отозвалась я.

Из кареты вышел третий — мужчина с длинными платиновыми волосами.

— Фирграэро́з, представитель внешней дипломатии. Сдержан, вежлив до ледяного спокойствия, но, если выведен из себя — опасен как стихийное проклятие, — произнёс король, нахмурившись. — По слухам, он был изгнан много лет назад или нет?

Последней из кареты вышла высокая девушка, а точнее — эльфийка. Стройная, с фарфоровой кожей и серебристо-лавандовыми волосами, убранными назад, — этот цвет достался ей по наследству от отца. Один её глаз был светло-голубым, а второй — зелёным, как молодая хвоя в лесах Ульдар, что простирались вблизи дворца ДарКсар.

Одета она была в элегантное платье из ткани, похожей на живой пергамент: по нему бежали мелкие символы, менявшиеся в зависимости от мыслей и чувств хозяйки. Её высокий

воротник в форме свитка был расшит тончайшими серебряными узорами — символами королевства Флоретия, из которого она была родом.

— Аэлия — прошептала я, чувствуя, как лёгкий ветер коснулся щёк.

— Легендарная Хронистка, — добавила сестра, подходя ближе.

— Она прибыла не ради нас, — заметила мама. — Её цель — отец.

— Тинтельвинд, — кивнул папа. — Пожалуй, он единственный, кто может говорить с ней на равных.

В этот момент стражник в холле провозгласил на весь коридор:

— Делегация из Драугона прибыла!

Отец, уже развернувшись к дверям дворца, подзывал приближённых.

— Говорите аккуратно, продумывайте каждую фразу, — сказала мама, глядя на нас. — Сегодняшний день может стать началом новой главы или последней строкой старой.

Я всё ещё смотрела вперёд, на четвёрку фигур у входа. И вдруг ощутила взгляд — мимо-лётный, но словно скользнувший по самой коже. Аэлия смотрела прямо на меня, и в её разноцветных глазах плескалось само время.

Зал Совета Флоретии возвышался, подобно храму решений, где купол в форме раскрытого лепестка венчали символы стихий и медальоны Великих Домов, окружающие знак единства. Сквозь изумрудные окна мягкий свет падал на малахитовый ковёр и древний круглый стол, чьи прожилки, по легенде, вспыхивали от дыхания истины. Тяжелые кресла советников и скамьи для гостей утопали в густой тени бархатных драпировок, создавая атмосферу сакрального величия.

Воздух здесь оставался тихим даже в разгар споров, храня клятвы прежних монархов, выгравированные на языке королевской крови. Люстра из стекла и бронзы лишь подчеркивала весомую торжественность места, где цена каждого слова была невероятно высока. Здесь царила истина, ибо лгать под сводами, помнящими древние заветы, было невозможно.

В зале уже находились советник отца — Норифам, советница мамы — Айларин и международный дипломат Палладий. Они стояли, встречая гостей. Хронист Тинтельвинд занял место у стены, а рядом с ним — Аэлия. Они почти не смотрели друг на друга, но тонкая игра взглядов скользила между ними, как волны в пруду: тихо, глубоко, полнясь старыми воспоминаниями и догадками.

— Добро пожаловать, — первым заговорил Норифам, и его голос слегка дрожал, будто он опасался, что каждое слово может стать ловушкой. — Мы признательны, что вы прибыли лично.

Синон склонил голову ровно настолько, насколько требовал этикет, и ни на градус больше. Его глаза скользнули по залу, фиксируя каждую деталь.

— Драугон счёл необходимым проявить уважение. Учитывая важность предстоящего события.

— Бал? — Айларин усмехнулась, даже не пытаясь скрыть насмешку. — Или праздник в честь дня осеннего равноденствия? Уточните, чтобы мы знали, к чему готовиться.

— Бал — лишь формальность, — голос Синона оставался ровным, холодным. — Мы здесь ради новой эры. Король Эдгар выразил желание восстановить торговые и военные соглашения. А также, разумеется, возобновить обмен культурным наследием.

Палладий приподнял бровь, и его губы сложились в вежливую, почти заискивающую улыбку.

— Интересно, что вы заговорили об этом лишь спустя двадцать лет после того, как сами же расторгли все договорённости. Неужели память так быстро угасает в Драугоне?

— Иногда прошлое нужно отпустить, чтобы создать что-то новое, — Фирграэроз говорил медленно, отмеряя каждое слово. — Иначе оно поглотит настоящее. Вы не находите?

Он не ждал ответа. Просто замолчал, и его тишина оказалась красноречивее любых аргументов. Слышался лишь лёгкий шелест «живой» ткани Аэлии, когда она пошевелилась. Тинтельвинд почти незаметно качнул головой, словно отвечая на мысленный вопрос дочери.

Палладий первым нарушил молчание — его голос стал мягче, почти вкрадчивым.

— Мы будем рады видеть королевскую семью Драугона на балу. Но давайте проясним: вы прибыли только ради возобновления старых бумаг? Или есть иные предложения?

Синон ответил не сразу. Он потянулся к внутреннему карману камзола и достал запечатанный конверт с гербом дома Вальтарис.

— Это письмо от короля Эдгара. Оно адресовано лично вам, король Джарред. — Синон положил конверт на стол и слегка отодвинулся, давая пространство. — Нам велено передать его без посредников. Его Величество рекомендует ознакомиться с содержанием до начала бала.

— Норифам, передайте мне письмо, — спокойно произнёс Джарред, восседая во главе стола.

Норифам подскочил, едва не опрокинув стул. Его пальцы дрожали, когда он брал конверт, но он справился и, низко поклонившись, передал письмо королю.

— Это угроза? — Айларин даже не скрывала презрения, сверля Синона взглядом.

— Это предложение, — мягко ответила Лилия. — Или, если угодно, шанс. Смотря как посмотреть.

Джарред развернул письмо, пробежал глазами первые строки. Его лицо не дрогнуло.

— Я ознакомлюсь с письмом сегодня же. А пока — наслаждайтесь гостеприимством Альмерина. Ситуация может измениться в любой момент, особенно когда речь идёт о дыхании стихий.

— Одно дыхание — много голосов, — пробормотала Аэлия в пустоту и только Тинтельвинд под столом крепко сжал пальцы в кулак.

Когда двери снова запахнулись, в зал вошла королева Менфиса. Следом за ней шёл генерал дворцовой стражи — Реннáv Астреллор, а замыкали шествие мы с Хризалией. Отец выглядел предельно собранным: волосы убраны назад, в глазах читалась острота, накопленная за годы дипломатии и сдержанной ярости. На столе всё ещё лежало письмо с печатью дракона, оставленное послами.

Менфиса медленно провела пальцами по краю пергамента и произнесла, не глядя на советников:

— Вы говорите, они не упомянули ни брака, ни союза?

— Ни слова, Ваше Величество, — ответил Норифам. — Они заявили, что цель визита — «обмен культурной информацией, торговые и военные соглашения». Но мы предполагаем, что их также интересует доступ к архиву хронистов.

— К архиву? Почему теперь? Десятилетиями никто из Драугона не интересовался нашей историей.

Айларин заговорила, как всегда мягко, но с острыми акцентами:

— Перед уходом их посол обронил: «Некоторые знания спят, пока не дрожит печать». Думаю, речь может идти о Печати Четырёх Стихий. Они что-то ищут.

Джарред резко поднял голову:

— Значит, они знают. Или догадываются. Четыре сотни лет молчания, и теперь — архивы, хронисты, древние тексты. Ни слова о союзе, но приезд Аэлии, одной из самых уважаемых Хранительниц памяти Драугона, говорит сам за себя.

Тинтельвинд стоял неподалеку, словно вырезанный из мифического материала — не совсем из плоти, не совсем из света. Несмотря на почтенный возраст, он выглядел максимум на пятьдесят, если не моложе: ни единой морщинки не омрачало его лицо. В облике хрониста чувствовалась неподвластная времени аристократическая точность черт. Лицо обрамляла аккуратная серебристо-белая борода, а длинные волосы спадали потоками утреннего тумана

в светло-сиреневых тонах. В присутствии Тинтельвинда хотелось говорить только истину или покорно молчать.

Хронист впервые за долгое время подал голос; он явно не был счастлив после встречи с дочерью:

— Она избегала взгляда. Что бы они ни искали — она знает, что это опасно. И знает, что мы не должны узнать об этом слишком рано.

— Думаешь, это драконы? — тихо и холодно, как ледяной дождь, прошептала Менфиса.

Джарред опустился в кресло и медленно разломал печать, пока глаза скользили по строчкам письма, зрачки сужались.

— «Не открывать двери, если не знаете, кто стоит за ними», — процитировал он. — Это не дипломатия. Это — угроза. Пока послы наслаждаются гостеприимством, ни одна из принцесс не должна контактировать с ними без сопровождения. Тинт, проанализируй их фразы — ищи ключи.

— И что вы прикажете, если они действительно ищут способы открыть печать? — тихо добавила Айларин, опасаясь, что их могут подслушать.

Король остановился и быстро обвёл взглядом сначала свою королеву, затем хрониста.

— Она уже треснула, Айларин. Мы должны действовать на опережение и если придётся, оторвать её сами, на своих условиях. А пока — все свободны.

Позже вечером стук моих каблуков по мраморному полу гулким эхом разносился в полумраке, пока я спешила по коридору к Залу Хроник. Тонкий шёлк платья тихо колыхался в такт моим шагам, а пальцы судорожно сжимали свиток, оставленный сестрой.

— *Спроси у Тинта. Он знал хроники до падения Печати,* — говорилось в приписке.

Дверь в зал была приоткрыта. Я уже подняла руку, чтобы постучать, но изнутри донёсся голос. Хронистка из Драгона, старая, но выглядящая юной эльфийкой, говорила с отцом.

— Хризалия, младшая... Она не осознаёт до конца, кто она, — голос Аэлии звучал тихо, как шелест страниц. — Но дыхание земли в ней глубокое. Почти первородное.

— Ты говоришь о ней как о носителе? — Тинтельвинд произнёс это с осторожностью, словно боялся, что стены его предадут.

— Она — кровь Тэррона, я чувствую это. Он оставил след. Не напрямую, возможно, через поколения Но это дыхание древнего духа, не сомневайся. Девочка станет либо ключом, либо замком.

— Значит, двое из одного рода Это опаснее, чем я думал.

— Особенно теперь, когда Амелия тянется к тому, кто связан с той же линией. Это не совпадение.

Я затаила дыхание.

— *Разве Аэлия не уехала пару часов назад? Двое из одного рода?*

Тишина продлилась всего пару мгновений, и Аэлия продолжила чуть тише:

— Не дай ей узнать. Ещё не время. Если она узнает о связи между Хризалией и Тэрроном её чувства запутаются. А они уже нужны ему.

— Аларису?

— Или кому-то хуже. Древнее дыхание... оно слушает и ждёт.

У меня сжалось горло. Отпрянув от двери, я даже не подумала войти. Шёлк платья скользнул по дереву, сердце оглушительно билось. Я пришла за ответами, но получила лишь страх.

— *Бежать, быстро, мне нужно бежать от сюда.* — пульсировало в мыслях.

Я растворялась в тенях мозаичных витражей, где отражения теперь казались страшнее самой реальности.

Рассвет едва коснулся высоких шпилей, окрашивая стены дворца в бледное золото. Вокруг царила тишина, и я шла по холодным коридорам, плотнее прижимая к себе легкую накидку. Никто ещё не проснулся.

Только тень в моей голове не давала покоя после сна: чёрный силуэт над садом, статуя Фины в пепле и мужчина с золотыми глазами. В этот раз он подошел ближе, протягивая мне руку, и его взгляд жег сильнее солнца.

Комната хрониста находилась в восточном крыле. Лишь полоска света в дверной щели указывала, что хозяин уже не спит. Я осторожно постучала.

— Входи, дитя, — раздался спокойный голос Тинтельвинда, которого мы с детства называли просто Тинт — мягко, по-родному. — Я слышал твои шаги ещё до того, как ты коснулась двери.

Хронист сидел за рабочим столом в полумраке; лишь тонкий луч солнца проникал сквозь витражи, разливаясь по древним свиткам и его ладоням. Я прошла в комнату и присела на скамью у окна. Несколько мгновений мы молчали — я собиралась с духом, а он терпеливо ждал.

— Я снова видела его. Во сне. Он стоит у статуи Фины. Чёрные волосы, глаза, будто сотканы из света. Я слышу одно и то же: «Тэ» — и больше ничего.

— Ты говорила с родителями об этом?

— Да, однажды Я хотела. Но вчера послы, двор, совет... Всё закрутилось. Я не знаю, известно ли им это имя, но ты ведь знаешь. Знаешь, кто он. Я это чувствую.

— Принцесса иногда сон — это просто сон. А иногда — нечто большее. Но сны, которые приносят имена, почти никогда не бывают случайными.

— Значит, он реален?

— Тэ Возможно, это древнее имя. Старое, как сам мир. Или слишком молодое, чтобы принадлежать простому человеку.

— Но я видела его. Он молод. Высок. Такой настоящий.

— Бывает и так. Истории стираются, но имена остаются. Прошлое и настоящее порой сплетаются особенно для тех, кто слышит дыхание стихий.

— Это всё, что ты можешь сказать? Мне страшно и я не понимаю, что делать.

Тинтельвинд медленно подошёл и сел напротив, глядя мне прямо в глаза.

— Ты должна сама найти ответ, Амелия. Иногда судьба не нуждается в помощи взрослых. Она выбирает и ждёт, когда ты сделаешь шаг ей навстречу.

Мы просидели в тишине несколько минут. Где-то внизу зазвенели первые колокольчики, возвещая о пробуждении дворца.

— Спасибо. Но, если ты всё же вспомнишь или узнаешь, кто он... скажи мне. Пожалуйста.

Когда за мной мягко закрылась дверь, Тинтельвинд остался в тишине, опершись локтями на массивный дубовый стол. Тени от витражей стекали по полу, точно призрачные потоки воды. Он смотрел на дверь, за которой я скрылась, прислушиваясь, достаточно ли далеко я ушла, и тихо произнёс:

— Моя маленькая, хрупкая девочка, что несёт на плечах больше, чем должна... Какие же испытания подготовила тебе судьба? Помоги ей, Тэреон. Ты ей нужен.

Затем он медленно поднялся. Его шаги — тихие, отточенные, почти танец привычки — увели его к дальней полке за резную ширму. Там, под несколькими слоями материи и охраняемых чар, хранилась она: Первая книга пророчеств. Переплёт из чёрной кожи был обтянут нитями серебра. На обложке — четыре круга, сплетённые в один, а внутри каждого символ: пламя, вода, ветер и земля. На ощупь книга была тёплой, будто дышала. Он осторожно развернул страницы, как будто боялся разбудить того, кто спит внутри. Строки на старом языке пульсировали еле заметным свечением, но лишь одна страница сияла чуть ярче остальных.

Тинт чувствовал это. Чувствовал давно и знал, что однажды она откроется сама и этот день пришёл. Он остановился. Вдохнул. И прочёл:

*«Когда ночь уронит своё чёрное веко на лепестки Амелии,
Принцесса, носящая имя золотой крови, увидит огонь во сне,
И имя её суженого будет шептать пепел.
К стражу Времени с вопросом обратится она,
А тот скроет дрожь в своих руках.
Так начнётся восстание дыхания,
И Печать дрогнет дважды.
И имя, что было сплетено из света и тьмы, вновь оживёт: Тэреон.
Она — его судьба. Он — её свет. Но одна любовь обернётся войной четырёх».*

Тинтельвинд медленно провёл пальцами по строчкам. Сердце глухо стучало в груди. Ни один хронист, даже он, не верил до конца, что пророчество исполнится так буквально. Он был готов ко всему — к политическим интригам, к падению стен, к возвращению драконов на его земли — но не к этому. Тинт ощущал, как кожа на руках покрывается мурашками. В этих строках таилось не просто предсказание, в них звенело предупреждение. Всё уже началось. И та, кого он держал на руках в день её рождения, теперь стояла на самом краю бездны.

Хронист тяжело опустился в кресло и закрыл глаза, позволив себе один-единственный глубокий вдох. Не как Хранитель Знаний, а как старик, который слишком много видел и слишком мало мог изменить. Книга дрожала в его руках. Или это дрожали его собственный пальцы.

— Прости меня, дитя. Я знал и всё равно молчал. А теперь даже время нам не союзник.

Сад ещё дышал утренней прохладой. Я медленно вышла на центральную аллею, где лепестки белоснежных глициний падали на камни, словно мягкий, беззвучный дождь.

За поворотом, в расцветающем саду, сидела Хризалия. В тонком платье цвета стебля молодой розы она казалась естественным продолжением этого сада. Сестра сидела на скамье у фонтана, окружённая стайкой оживлённых девушек. Их звонкие голоса переливались, сплетаясь с утренним ветром, но стоило мне сделать шаг вперёд, как смех мгновенно оборвался.

Младшие придворные и служанки неловко склонились в поклонах и почти враспынную бросились прочь по дорожкам, словно я была не принцессой, а внезапно набежавшей грозовой тучей. У фонтана остались только две родные мне фигуры.

— Ами! — воскликнула вдруг Афелия, и в следующий миг меня объяли тонкие, но крепкие руки.

— Ты здесь... ты правда здесь... — прошептала я, обнимая подругу в ответ и с трудом сдерживая облегчённую улыбку.

— Мы только вернулись, точнее этой ночью, — вмешалась в наши объятия Шель, фрейлина Хризалии и наша общая близкая подруга. — Горничные умоляли нас отдохнуть, но Афелия упрямо настояла: «Сначала — к принцессам!».

— Ты думаешь, я смогла бы уснуть, зная, что ты бродишь где-то в этом же саду и не ведаешь о моём возвращении? — усмехнулась черноволосая девушка, отступая на шаг, чтобы разглядеть меня. — Ты стала ещё красивее. Волосы блестят, как горячий шоколад на солнце.

— А ты всё так же преувеличиваешь. Рассказывайте. Где вы были? Что видели?

— В королевствах Реймэрия и Тарнэль, добрались до ледяных земель Нёлара — и не спрашивай как! Мы живы, и слава богине. Афелия чуть не устроила дуэль с местным купцом за то, что он неправильно подал чай.

— Он назвал тебя «служгой с жемчугом», Шель! Я защищала честь фрейлины принцессы Флоретии!

— Признаться, без вас было непривычно тихо. Но всё же, каковы истинные причины столь бурного возвращения?

— Судьба. Или почти судьба. Ами... я кое-что сделала.

Я ощутила, как внутри что-то ёкнуло. В такие моменты рядом с Афелией лучше заранее за что-нибудь крепко держаться.

— Я рассказала о тебе принцу Арвэну Сёлланду из Реймари. Он был сражён.

— Что именно ты рассказала?

— Только правду! Что ты умна, добра, справедлива и до сих пор не обручена. А потом он спросил, может ли приехать на бал, чтобы узнать тебя поближе.

— Он приедет?! Почему ты не рассказала мне по дороге? У нас было столько времени!

— Конечно, приедет. И с подарками! У него, между прочим, личный скакун, похожий на золотую статую. Но главное — его глаза: в них будто отражается ночной океан под лунным светом. Он сильный, властный. Ему, кстати, недавно исполнилось двадцать четыре, мы как раз успели на бал в честь его именин.

Мы с Хризалией переглянулись — один краткий, полный смысла взгляд. Сестра знала. О снах. О Тэ И эта новость от Афелии лишь усилила нашу общую тревогу.

— *Я ведь вижу его. Каждую ночь. Я чувствую, будто знаю его.* — мысленно тараторила я, пытаясь не выдать себя подругам.

— Ты молчишь. Ты не против? Или кто-то уже успел украсть твоё сердце?

— Нет я просто Это неожиданно. Правда. Но бал всё расставит по местам.

— Если что — я рядом, — мягко проговорила Хризалия, становясь плечом к плечу со мной.

— Я тоже, — поддержала Шель. — И не переживай. Даже если он, красив как бог, ты можешь прогнать его одним лишь взглядом.

— Особенно если он начнёт красоваться богатствами отца.

Они смеялись, но я всё сильнее ощущала холод в груди. Я должна была им всё рассказать, но не могла. В самом сердце, перекрывая звонкий смех, звучал голос:

— *Ты уже выбрана. Ты — часть дыхания.*

Глава 2. Корни судьбы

*«Ты — не только плод своей страны, но и корень,
что спит в почве другого мира.*

*Прими в себе и грязь, и золото,
иначе шаги твои треснут на первом камне».*

— Тэррон, Дракон Земли

Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар. Конец июля 392 год после первого вызова печати. Воспоминание Тэреона.

Воздух над скалами был колючим, будто дракон царапал небо, но арена внутри южного двора ДарКсара всё равно пылала от ударов деревянных мечей, грохота шагов и громового голоса преподавателя:

— Щит держи как волю, а не как поднос! — рявкнул Дразэгиас, высокий мускулистый мужчина с длинными русыми волосами и бородой, заплетёнными в косы. Он оглядывал двух соревнующихся с таким выражением, будто выбирал, кого из них легче утопить в фонтане. — Если руку унесёт в бою, я вам новую не вырежу.

Я был тогда почти на голову выше Эмира, хотя разница в возрасте и составляла всего полтора года, но младший брат компенсировал рост взрывным характером, доставшимся ему от отца и сильно контрастирующим с его внешностью. Эмир внешностью пошёл в маму: светлые волосы, на закате казавшиеся рыжеватыми, как листья клёна поздней осенью, светлые голубые глаза. Даже родинка на локте левой руки у них находилась на одном и том же месте. Он скакал вокруг меня, как воробей вокруг дракона, и всё никак не мог попасть по ноге, хотя очень старался.

— Я видел, как ты смотришь на принцесс из свитков, златоглазка! Это не тренировка. Это ты воображаешь, как защищаешь даму сердца!

— Замолчи и подними щит. Или я сам натяну его тебе на голову.

Сидевший под стеллажом с оружием Зориан громко засмеялся над словами старшего брата и тут же затих под пронзительным взглядом учителя.

— Вы бы лучше занялись своей растяжкой, мой принц. Сначала выходите на бой неподготовленным, а потом сидите всю тренировку побитый, потому что не можете вовремя развернуться. Что будете делать в бою с тем, кому всё равно, кто перед ним?

— Больше не повторится, обещаю, — тихо, но убедительно произнёс четвёртый наследник трона драконьего королевства.

Драксáрий, мой третий младший брат, которому тогда было всего четыре года, сидел на краю арены, держа щит почти вдвое больше себя и отчаянно стараясь казаться серьёзным.

— Я уже выучил удар в пах, Драз!

— Сначала выучи, где этот пах находится. Потом бей, — буркнул Дразэгиас.

На его лице промелькнула едва заметная ухмылка. Она появлялась почти каждый раз, когда на арену выходил младший наследник — точная копия меня в детстве. Только глаза отличались: у брата они были карие, более тёмного, карамельного оттенка, как у отца.

Я вздохнул, смахивая пот. Где-то в глубине груди уже тогда жила странная тревога, словно ветер знал что-то, чего не знали мы. Я вновь поднял меч, и Дразэгиас подошёл ближе, внимательно посмотрел мне в глаза и произнёс то, что говорил уже неоднократно всем своим подопечным:

— Ты всегда будешь держать удар первым. И последним. Это — твоя судьба.

— А если я не хочу судьбу?

— Тогда судьба выберет тебя сама. И удар будет не по щиту, а по сердцу.

Тень от стены легла на мою ладонь — и я увидел на коже очертания пятиконечной звезды — маленькая, но значимая не только для меня, но и для всего королевства, а то и мира.

— Ты не возьмёшь этот меч, Аурелия, ты слишком мала, — строго сказала Сирена.

Королева наблюдала за поединком сыновей со сложенными на груди руками. Последнее время она повторяла это всё чаще. На её шёлковом платье цвета ночного океана колыхались тончайшие цветы, вышитые в форме водных завитков.

— Я не прошу взять, я прошу разрешения сражаться!

Волосы принцессы, густые и чёрные, как у отца, были собраны в аккуратный пучок; голубые глаза сияли решимостью, а поза была точь-в-точь как у нас, когда мы просили отца взять нас на утреннюю охоту.

— Принцессы не обязаны уметь сражаться.

— А принцы обязаны? Тогда я хочу быть принцем!

— Мы зашли далеко

— Пусть попробует. Я всё равно снова победил. — Я подкинул меч и поймал его так легко, словно тот ничего не весил. — И если смотреть здраво, сестрёнка уже выиграла этот спор.

И вот мы на арене. Поначалу я смеялся: первые два обмена ударами были мягкими, тренировочными. Но уже на третьем сестра, одетая в непышное платье алого цвета, резко сменила хват, увернулась и поставила подножку — в точности так, как меня самого учил Драз в последние недели. Через секунду я уже лежал на спине в пыли с выражением полного, восхищённого шока.

— Вода, брат, всегда находит трещину в скале.

— А ты — трещина в моём достоинстве.

Увидев столь быструю победу дочери, Сирена произнесла:

— Так уж и быть. Если моя дочь будет держать меч — пусть держит его лучше собственных братьев.

Вечером того же дня, после непродолжительного отдыха в своих покоях, я направился к пруду в западном саду, куда обычно приходил только один человек — я сам. Мне нравилось молчание воды; я считал, что там живёт ответ, на который я ещё не знал вопроса.

Пройдя дальше, я заметил девушку в синих одеждах, сидевшую у пруда. Она не смотрела на меня — просто чертила круги по глади воды. Её волосы были длинными и серебрились, будто сотканы из самого водопада. Она казалась вечной.

— Обычно здесь бываю только я.

— А ты — король?

— Нет. Пока.

— Тогда мы оба здесь на равных. Пока.

Я подошёл ближе, дабы рассмотреть ту, что не должна была оказаться в этой части сада. Или всё же должна была?

— Кто вы?

— Кто-то, кто однажды скажет тебе, когда вода начнёт кипеть.

— Вода не кипит без причины.

— А иногда — просто потому, что кто-то перестал быть ребёнком.

Она медленно поднялась. Вода стекала по подолу её платья, не оставляя следов на траве. Я нахмурился.

— Что вы делаете?

Но девушка лишь улыбнулась — тихо, почти ласково — и шагнула в озеро. Вода сомкнулась вокруг её щиколоток, затем талии. Она не обернулась, погрузилась глубже, до плеч, до подбородка. Ещё мгновение — и поверхность стала гладкой. Я бросился следом, с разбегу

вошёл в воду, ожидая погрузиться с головой, но озеро встретило меня лишь привычной прохладой по пояс. С того вечера я видел её во снах, и все, у кого я спрашивал про неё, молчали.

«Когда ты позволишь себе чувствовать не долг, а голос?»

* * *

Королевство Флоретия. Город Лиэстэрия. Дворец Альмерин. 393 год после первого вызова печати. Воспоминание Амелии.

Сады пылали всеми оттенками весны: алые пионы, золотые лилии, облака нежной глицинии. В центре мраморного дворика, под сенью розовых кистей, у каменной чаши с лепестками сидели две сестры. Обе мы были в платьях, подобранных мамой ещё вчера вечером: она прекрасно понимала наше нежелание рано вставать и выбирать наряд. Будь наша воля — мы бы так и вышли в ночных сорочках или вообще не вставали с постелей до самых сумерек.

— Я всё равно думаю, что у тебя будет корона красивее, — бурчала Хризалия, которой на тот момент было всего десять лет, вытаскивая из волос очередную булавку.

— Ты только что обвинила мою голову в высокомерии?

— Нет. Я обвинила твою причёску в восстании!

Мы часто спорили — так дети солнца спорят с облаками: всегда ярко, но никогда всерьёз. Из глубины сада вышли две статные фигуры — король и королева. Мама в длинном платье цвета астильбы грациозно держала в руках небольшой букет, собранный нами. И папа — высокий мужчина, одетый в зелёный костюм с золотой вышивкой в виде виноградной лозы. Он нёс в руках маленькую корзинку с фруктами и выглядел не как правитель, а как папа — простой и любимый.

— Мои королевы, сегодня вы свободны от уроков, если сможете отгадать загадку.

— О нет... Опять загадки про деревья.

— Я — то, что исчезает, если ты пытаешься меня удержать, но остаётся, если позволяешь мне идти. Что я?

— Время, — тихо ответила я.

— Верно.

— Тогда почему мы всегда хотим его замедлить? — прошептала мама, садясь между мной и Хри.

Хризалия подняла голову и вдруг сказала со всей серьёзностью — так, как она говорила со знатными леди, показывая, у кого больше власти:

— Я не хочу быть взрослой, если это значит забыть, как мы пахнем цветами и как смеёмся в этом саду.

— Тогда давай пообещаем: мы будем помнить. Даже когда станем королевами. Даже когда мир станет другим.

Мама смотрела на нас, и в её глазах жила тревога, которую мы, будучи детьми, ещё не замечали. Она знала: цветы расцветают лишь для того, чтобы однажды быть сорванными. Но в тот день она молчала, потому что это был наш день.

Позже весенняя ночь накрыла Флоретию нежным покрывалом росы. Звёзды таяли в небе, цветы закрывались в сладкой дреме, и даже стрекозы затаились. Во дворце давно уснули слуги, сестра, родители, но я уснуть не могла. Тихо прошмыгнув мимо Сифоса, босиком, я выбежала в сад. Платье цеплялось за ветви, волосы липли к щекам. Добравшись до небольшого озерца — зеркального и всё ещё тёплого от дневного солнца, — я присела у воды и прошептала:

— Я не хочу быть такой, как хотят другие. Я не понимаю, кто я.

И тогда в отражении появилась девушка. Плавная, прозрачная, с длинными водянистыми волосами, в одеждах цвета лунной пены. Она стояла так, будто всегда была там и просто ждала, когда я её увижу.

— Ты слишком рано смотришь на мир глазами королевы.

— Я должна. Иначе они будут разочарованы.

Незнакомка присела рядом. Я почувствовала от неё запах летнего дождя и лёгкий аромат лилий, растущих на противоположной стороне сада.

— Когда ты позволишь себе чувствовать не страх за корону, а любовь, которая не ищет одобрения?

— Но, если я перестану быть такой, как они ждут, меня не будут любить.

— Те, кто требует, чтобы ты молчала, — не те, кто умеют любить.

Я смотрела на воду, отражение дрожало, но впервые я чувствовала, что моя душа не пуста. Там была глубина. Там была она. И, может быть, кто-то ещё. Перед тем как исчезнуть, девушка наклонилась и едва слышно сказала:

«Вода не боится принимать любую форму, она всегда остаётся собой.»

Через секунду я проснулась в своей спальне под одеялом. Волосы были заплетены в длинную косу, а на щеке осталась серебряная капля, светящаяся, как луна, — маленькое напоминание про прекрасную незнакомку.

Глава 3. Зов крови

«Твоя кровь — не враг.

В ней хранится песня забытого рода.

Но берегись: если ты не различишь её музыку —

она утопит тебя, словно река без имени».

— Сия, Драконица Воды

Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар. 400 год после первого вызова печати. Тэреон.

Не успев обернуться полностью, я заметил высокую женщину с теплой золотистой кожей, которая придавала ей неземной вид. Лицо её — острое, с высокими скулами и узкой челюстью — выглядело очень уставшим, будто она не спала много дней. Снежно-белые глаза контрастировали с яркими красными губами, а длинные темные волосы ниспадали до пола.

На ней было элегантное строгое белое платье с наплечниками в виде драконьей чешуи. На руках виднелись древние символы, светящиеся золотыми нитями.

— Теміда, — медленно выдыхая, прошептал я. Голос мой звучал раздражённо, но противоречить ей я не мог. — Простите, но у меня срочные дела.

— Они теперь менее срочны, чем воля вашего отца. Король Эдгар велел найти вас. Ваше присутствие требуется на Совете.

— Отец не упоминал об этом утром.

— Письмо от посла Вантѳнии пришло всего час назад. Его Величество настоял на немедленном обсуждении.

Я задержал взгляд на её лице. Конечно, я мог пойти, но тогда оставил бы за спиной то, что звало меня. Тяжело вздохнув, я коротко бросил:

— Ведите.

Зал Совета ДарКсар был дышащим сердцем древнего королевства, встречающим торжественной прохладой и ароматом влажной зелени. Высокие колонны мрамора поддерживали свод, украшенный лепниной с героями и драконами, оживающей в лучах света из огромных витражей. В центре возвышался массивный стол из оникса, инкрустированный символами власти. Вокруг него были расставлены резные кресла, каждое — с гербом, олицетворяющим мудрость, силу, истину и память. Этот зал — храм истории, где каждое слово становилось частью великой симфонии ДарКсара.

Король Эдгар восседал на троне, словно воплощённое величие древнего рода. У круглого стола уже собрались мастера монет и меча, а в дальней части сидела эльфийка.

— *Что же тебя так часто начали тревожить, Аэлия?* — подумал я, входя в высокие тяжёлые двери и быстро отводя от Хронистки взгляд.

Темида села, сделав мне приглашающий жест, будто я в нём нуждался.

— Рад, что ты с нами, — коротко бросил отец. — Садись.

— Что за срочность?

— Мы получили закодированное письмо из Вантѳнии. Один из магистров академии сообщил: в регионе, граничащем с Флоретией, зафиксировано пробуждение древнего источника силы. И возможное появление символов, которые совпадают с текстами Хроник о Четырёх Печатах, — тихо, но чётко сказала Аэлия.

— Вы хотите сказать, что...

— Что, возможно, проснулась одна из Печатей, — закончила Феодѳра, Мастер монет. — И согласно сводам закона и предсказаний, её активация требует присутствия наследника на троне. Тебя.

Онтан стукнул кулаком по столу. Суровый мужчина, прошедший не один бой: светло-бронзовая кожа, тёмно-коричневые волосы до плеч, зачёсанные назад, и хищные зелёные глаза.

— Нам не по себе от того, что Вантония передаёт такие вести. Это не их стиль.

— Ваше Величество, вы должны принять решение. Необходимо потребовать доказательств от Вантонии. Мы также уже послали советника Синона, Лилию и Фирграэроза во Флоретию с письмом королю Джареду, — проговорила Темида, поднимая взгляд на короля.

— Под каким предлогом? — спросил я.

— Торгово-дипломатическая миссия. Мы не озвучим им истинных причин. Но Хроники не лгут. Путь должен быть открыт и, если правда скрыта там — ты найдёшь её там.

— Окончательное мнение Совета? — спросил спокойным голосом король, обводя взглядом всех собравшихся.

— Если Печать активна, нам нужно защищать свою границу и казну. Я за то, чтобы принц Тэреон остался, — громко заявила Феодора, ожидая поддержки.

— Но если Печать действительно открывается вблизи Флоретии, возможно, это и есть судьба Тэреона. Нужно, чтобы он поехал, — почёсывая лёгкую щетину, проговорил Онтан.

— Судьбы склоняются не к словам, а к действиям. Принц должен сделать выбор сам. Но в Хрониках сказано, что путь откроется только тому, кто не откажется от сердца ради короны, — наконец подала голос Аэлия, всё это время записывавшая разговор.

В зале повисла тишина. Отец посмотрел на меня и в его взгляде читался интерес.

— Что скажешь, Тэреон?

— Я чувствую, что должен быть там. Это не только интуиция, метка на моей руке пульсирует всё сильнее. Если Печать пробуждается — она ведёт меня туда.

Темида вздохнула; Феодора промолчала, а Аэлия слегка улыбнулась. Отец медленно встал и подошёл ко мне.

— Тогда ступай. Отправимся через неделю. Но знай: с этого момента ты отвечаешь не только за себя, но и за весь Драугон.

— Да, отец.

— Аэлия, поезжай во Флоретию вслед за советниками. Твой конь уже готов.

Когда я вышел из Зала Совета, мои шаги уже не звучали так уверенно. Решение было принято, путь во Флоретию звал меня. И в коридоре меня тоже уже ждали.

Зориан стоял, опираясь на перила лестницы и задумчиво вертя в руках шахматную фигуру.

— Я просчитал всё: шанс того, что нас задержат хотя бы на день, ниже двух процентов, — тихо сказал он, не глядя на меня. — Не люблю ошибаться.

— Все уже в курсе? Не всё можно просчитать, Зори, особенно то, что касается судьбы. Или хотя бы поездки на бал в королевство, в котором мы не были почти двадцать лет.

— Надеюсь, ты прав. И всё же точно ли мне нужно ехать? Я знаю, что ищешь там ты, но для чего ехать мне?

— «Приказ отца». Попроси Луану собрать твои вещи, она, в отличие от тебя, разбирается в мужской моде.

— Я и сам мог бы, — усмехнулся светловолосый парень.

Не успел я и шагнуть к лестнице, ведущей на этаж наследников и личной стражи, как в меня с разбега влетела Аурелия, обняв за талию.

— Мы едем на бал! Все вместе! Я смогу наконец-то примерить новое платье! Я уже месяц не могла придумать, куда в нём пойти!

— Я знаю, но тебе придётся ждать ещё неделю.

— Я ждала поединка с тобой месяц, брат, недельку я точно выдержу! Кстати, ты не видел случайно Эву? Со вчерашнего вечера не могу её найти.

Я засмеялся, поцеловал её в лоб.

— Не видел, сестрёнка. Спроси Луану или Кіру, они вроде подруги. Но, пожалуйста, присмотри за Зорианом — представляю, что он может взять с собой.

— Обещаю, — прошептала Аурелия.

— А если я не хочу на бал? — отозвался Драксарий, стоявший чуть поодаль.

— Почему это?

— Дорога. Я не хочу долго ехать в карете. Ты-то можешь поехать на Вороне, а мне ещё два года ждать! Я знаю, ты думаешь, что я ещё ребёнок. Но если ты поговоришь с отцом и мамой, чтобы они позволили мне выбрать собственного коня сейчас, я буду очень благодарен.

— Дракс, бери пример с нашей сестры. Она терпелива и может научить терпению тебя.

— Я мог бы отправиться на Краэлоге — Но он не успел договорить: я лишь приподнял бровь. Этого оказалось достаточно, чтобы он понял, насколько эта идея плоха. — Ладно, понял. Тогда в конце пути я всё равно поеду рядом с тобой, чтобы все видели. Если Ворон, конечно, не будет против.

— Конечно не будет. И ты даже сможешь подержать поводья.

Через пару минут, когда младшие наследники разбрелись по своим комнатам, я выпрямился, приняв осанку, подобающую будущему королю, и направился к конюшням, где меня уже ждали.

Имя «Ворон» жеребец носил не зря: угольно-черный, без единого светлого пятнышка, он казался воплощением самой тёмной бездны. Его шерсть сверкала, как полированная броня, а в умных темно-серых глазах читалась воля, равная его хозяину. Говорили, что его предки неизвестны, но позже удалось выяснить, что они принадлежали к конной гвардии древних Драконьих лордов. Казалось, в его венах течёт кровь самих стихий: Ворон мог мчаться по скалам, сквозь туман и ливень, и ни разу не оступиться.

Его сбрую украшало серебро дома Вальтарис и амулет из чешуи дракона — подарок Мора. Когда этот конь врывался на площадь, казалось, сама тень следует за ним по пятам.

Во внутреннем дворе, вдали от суеты, я коснулся его шеи, чувствуя под кожей биение сердца, в котором, казалось, мощь первых четырёх.

— Через неделю мы отправимся во Флоретию. Там нас ждут бал, советы, пафосные речи и, может, ты, наконец, перестанешь быть угрюмым одиночкой и найдёшь себе пару. Хотя, зная тебя, тебе никто не подходит, верно?

Я усмехнулся и, не оборачиваясь, потянулся за морковью из корзины, стоящей у стены. Внезапно резко замер и с силой метнул её за спину — прямо в тень под аркой.

— Ауч! — раздалось весёлое восклицание. — Ну, здравствуй, Ваше Высочество. Вы всё такой же ласковый.

Из-за колонны вышел высокий, молодой мужчина. Огненные пряди в волосах и золотистая кожа выдавали в нём странника.

— Тарен, мог бы подать голос, прежде чем подкрадываться. А не шпионить, как придворная дама.

— Я хотел посмотреть, как ты с ним разговариваешь. Кажется, ты больше доверяешь ему, чем людям.

— Он хотя бы не лжёт. Рад тебя видеть, брат.

— И я. Жаль, я тут ненадолго. Уезжаю.

— Куда на этот раз?

— На запад, через Перевал Пепельных Крыльев. Мия ждёт, да и отцу нужен отчёт о границах. Ты бы её видел — северная луна с характером южной бури. Тенмара ей под стать, кстати.

— Тенмара, она, кажется, могла бы утихомирить даже Ворона.

— Если не она, то никто. Но вот что, брат

— У меня было видение как вспышка света, как предчувствие: тебя ждёт нечто судьбоносное. Очень скоро. И это будет не меч и не корона. Видение было непривычно расплывчато, поэтому будь осторожен.

Я взглянул на него пристально, немного сузив глаза.

— Тогда пусть судьба не опоздает.

Тарен улыбнулся, поправил поводья и вскочил на свою гнедую кобылу с седлом, украшенным узором птичьих крыльев. Тенмара тихо фыркнула, будто понимала, что разговор окончен. Друг махнул на прощание и ускакал прочь, растворяясь в пыли и солнечных бликах у ворот.

— Судьба, говоришь Посмотрим.

Во дворе повисла спокойная тишина. Только шум листьев и отдалённое ржание других лошадей напоминали о жизни за пределами нашего маленького уединённого мира. Я всё ещё смотрел на дорогу, когда вдруг почувствовал лёгкий, но точный удар по бедру. Вздвогнув, я обернулся. Ворон стоял, чуть отведя голову, и с ленивой уверенностью щёлкнул хвостом ещё раз, будто говоря:

— *Прекрати витать в облаках, человек. Я тут вообще-то тоже есть.*

— А ты что? Ревнуешь?

Жеребец фыркнул и кивнул в сторону валявшейся у стены моркови. Его взгляд был настолько выразительным, что я не удержался от смеха.

— Да-да, прости, твоя порция внимания. Вот, держи. За терпение и за драматичность.

Пока конь с довольным хрустом пережёвывал угощение, я задумчиво наклонился к его уху:

— Грозу ты отверг, остальных тоже не удостоил даже взглядом. Неужели ни одна кобыла в королевстве не достойна чести скакать рядом с тобой? Ну, что скажешь о Тенмаре? Хорошенькая, правда? Характер тоже что надо. С такой ты бы не скучал. Говорят, она может одним взглядом заставить дракона послушно пастись рядом.

Ворон не отреагировал, продолжая жевать, но чуть приподнял голову, будто прислушиваясь.

— Да-да, знаю. Ты слишком горд, чтобы признаваться. Но представь, как бы вы смотрелись. Ты — воплощение тьмы и силы, она — светлая стремительная грация. Истинная пара из баллады. Если судьба и для тебя что-то приготовила, может, это она?

Конь тихо фыркнул, словно в знак сомнения, и снова ударил хвостом, но уже легко, мягко — почти как насмешка. Я усмехнулся и провёл ладонью по его шее.

— Ладно, понял. Не будем торопить. У тебя свои тайны, у меня — свои. Но запомни, Ворон: иногда судьба приходит не только в обличье пророчеств. Иногда — в виде хрустящего шага рядом.

Глава 4. Цена чести

*«Те, кто дышат ветром, часто забывают,
что даже самый лёгкий лепесток может нести в себе яд».*

— Ария, Драконица Воздуха

Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар. 400 год после первого вызова печати. Тэреон.

Воздух за конюшней пах прохладой и железом. Я шёл в свои покои, размышляя о предстоящем бале во Флоретии. По традиции каждый наследник должен привезти символ, отражающий его суть, но я до сих пор не определился.

Моё королевство — обитель редких стихийных драконов: огненно-земных, грозowych, ледяных. Я чувствовал с ними странное родство — они такие же непредсказуемые и одинокие, как я сам. Что же выбрать в дар для бала? Чешуйку редкого ящера, брошь из застывшей лавы или собственноручно нарисованный герб? Мысли тонули в тумане.

В покоях, встретивших меня холодным блеском мрамора и ароматом жасмина, я заметил Асои. Она бесшумно, словно тень, приводила комнату в порядок.

— Через сколько закончишь?

— Ваше Высочество, я только хотела разложить всё для сна, через пару минут всё будет готово.

Я кивнул и остановился, глядя в сторону сундука, в котором лежала парочка новых кинжалов, привезенные в подарок послами провинции Талморин, находящийся на юге Драугона, славившейся лучшими тёмными магами, которые преданно служили королевской семье на протяжении уже более трёхсот лет.

— *Может, привезти в подарок пару кинжалов? И нужно подготовить что-нибудь для Амелии.*

— Мой принц.

Стоя у сундука, я кожей чувствовал присутствие Асои, но когда обернулся, она уже сбросила одежды, застыв посреди комнаты в мягком свете ламп. В её взгляде не было стыда — только прямое, почти деловое предложение, одобренное ароматом сандала. Я смотрел на неё с холодной внимательностью воина, оценивая красоту тела, но не чувствуя ни капли желания, лишь растущее раздражение от этой неуместной игры.

— Если тебе так не терпится, загляни к Бэйрну. Он оценит.

— Я не хочу никого, кроме Вас! — в её голосе прорезалась отчаянная надежда. — Все знают, что вы в поисках. Но мир огромен, вы можете искать её годами и не найти. А Драугону нужен наследник. Прямо сейчас.

— И ты предлагаешь родить его мне?

— Да. Я готова.

Я подошел вплотную, заставляя её вжаться в холодную стену.

— Наследника может выносить любая. Ты ошиблась во всём: и в Драугоне, и во мне. Думаешь, союз моих родителей — это сухой договор? А мы с братьями — просто инструменты?

— Нет! О, боги, я не...

— Оденься. Сейчас же.

— Но я правда люблю вас... — по её щеке скатилась слеза.

— Это не любовь, Асои. Это слабость, которая тебе не к лицу.

Я указал на дверь ванной, пресекая любые возражения.

— Уходи сама, пока я не позвал стражу. Если исчезнешь сейчас — никто не узнает о твоём позоре.

Через минуту дверь скрипнула. Асои, кутаясь в одежду, выскользнула из комнаты, не поднимая глаз. Я остался один, чувствуя, что даже случайное прикосновение к другой теперь стало бы предательством той, чьё имя с каждой секундой становилось мне дороже.

— *В следующий раз предупреди. Я отвернусь. Это же элементарная вежливость.*

— *Сомневаюсь, что она рассчитывала на зрителей, и уж точно не на твои комментарии.*

— *Я отвернулся, но мог этого не делать. Ты сам отказался от зрелища.*

— *Я отказался от человека, который не понимает слова «нет».*

— *Ладно. Но всё равно предупреждай. Я тоже хочу быть морально готов к нашим визитёрам.*

— *Хорошо. Впредь буду предупреждать тебя.*

— *Вот, другое дело, а то ведёшь себя так, будто тебе вообще никто не интересен.*

— *Интересен. Просто только одна.*

После того как голос пропал, я услышал лёгкое постукивание в дверь.

— Войдите, — сказал я, уже зная, чья это походка.

Ивет появилась на пороге как всегда прямая, как струна, с лёгкой улыбкой и внимательным взглядом. Высокая и стройная, с волосами цвета тёмного серебра, убранными в аккуратный пучок, она выглядела строго, но по-доброму.

— Всё в порядке, Ваше Высочество? Не нужна ли помощь?

— Да, Ивет, замени постельное бельё.

Она молча подошла к постели и начала ловко снимать покрывало. Я наблюдал за её уверенными движениями и, спустя минуту, спросил:

— Как ты относишься к Асои?

— Хорошая девочка. Старается. Всегда помогает, вежливая. И, к тому же, красивая. Правда, я вот что слышала Несколько ночей назад она плакала в коридоре. Одна прачка пыталась её утешить, но она всё повторяла, что «он даже не смотрит в мою сторону», что ей «кажется, что он видит во мне только служанку».

Я вздохнул, и мысли завертелись в голове.

— *И что она ожидала? Что я, увидев симпатичное личико и пару слов в покоях, сразу брошу всё, забуду, кто я есть, или сразу женюсь? Сделаю её королевой? А что потом? За трон зацепится? Детей в зал приведёт, утверждая, что они мои наследники?*

— Что-то ещё пожелаете, Ваше Высочество?

— Нет. Спасибо, Ивет. И если услышишь что-то ещё — скажи мне.

— Конечно. — Она слегка поклонилась и покинула покои, тихо закрыв за собой дверь.

После её ухода в комнате воцарилась тишина. Я предпочитал именно такое одиночество.

В последующие дни Асои старательно избегала меня: увидев издали, она тут же опускала глаза и поспешно скрывалась. Я не придавал этому значения, пока однажды случайно не подслушал разговор. Направляясь в кабинет с письмом для Тарена, я замедлил шаг у чулана под лестницей. За дверью шептались двое: я узнал голос Асои и незнакомый, судя по всему, принадлежавший новой служанке.

— Я люблю его, — шептала Асои.

— Принца? — переспросила вторая.

— Да Но мне и Калёб — страж принца Драксария, симпатичен. Мы были вместе не раз. Я замер, не сводя глаз с двери.

— А принц Тэреон?

— У нас тоже всё было. Он сам не отпускает меня по ночам, говорит, что я необыкновенная. На людях прикидывается недоступным, но я-то знаю, какой он наедине.

Перо в моей руке хрустнуло, и чернила пятном расплылись по белоснежному рукаву. Внутри вскипел гнев: она не просто сплетничала, она нагло лгала, выставляя меня безумцем,

потерявшим от неё голову. Сдержав порыв ворваться внутрь, я отступил в служебный проход. Действовать нужно было хладнокровно, без лишнего шума.

Я задумался, к кому обратиться за советом. Аурелия просто вышвырнет служанку — и только поднимет шум. Эмир скорее посмеётся. А вот Зориан Зориан то, что нужно.

Я отправился к нему. Несмотря на свои семнадцать лет, младший брат обладал умом стратега. Я застал его в библиотеке, где он, по обыкновению, был погребён под горой древних свитков.

— Мне нужно твоё холодное мышление.

Он посмотрел на меня поверх книги и кивнул. Я рассказал ему всё: от происхождения в спальне до сплетен Асои. Он слушал, не перебивая, а затем улыбнулся, будто ему предложили сыграть в сложнейшую партию.

— У нас два пути: разоблачить её публично или заставить саму сжечь свои мосты, — произнёс брат.

Мы выбрали второе. Следующие несколько дней Эдун, один из верных стражников Зориана, собирал всё, что можно было узнать об Асои. Её разговоры, намёки, тех, с кем она делилась своей ложью. Зориан тем временем выстраивал план — аккуратно, как шахматную партию. А я я старался не слушать того, кто смеялся надо мной в моих собственных мыслях.

Служанку, с которой шепталась Асои, мы так и не вычислили, но это уже не имело значения. Эдун помог устроить «случайную» встречу, где Асои вновь выговорила — на этот раз при свидетеле. Мы разместили наблюдателя, способного подтвердить каждое слово.

На следующее утро я сделал так, чтобы Асои оказалась в зале совета при нашей матери, и начал говорить о слухах, которые порочат мою честь. Она сперва отрицала всё — конечно. Но когда я вытянул из-под мантии письмо с показаниями и подписью стражника, с которым она якобы «была», лицо Асои побелело. А когда вошёл сам стражник — вызванный заранее Зорианом — и опроверг каждое её слово, комната будто застыла.

— В следующий раз, когда захочешь сыграть с моим именем, убедись, что знаешь правила.

Асои ушла сама. Почти бегом выбежала из зала совета, даже не поклонившись ни мне, ни Зориану, ни нашей матери — действующей королеве.

Позже, в тот же день, Зориан произнёс:

— Если хочешь уничтожить чью-то ложь — дай ей зазвучать громко. Тогда она сама себя задушит.

* * *

Королевство СинФалир. Город Придан. 397 год после первого вызова печати. Тэреон.

В восемнадцать лет я отправился в королевство СинФалир на девятнадцатилетие принца Эзраэля. Нас прочили в союзники, и, хотя мы не были близки, его бесшабашная натура притягивала меня, как опасная игра. Бал поражал роскошью: залы тонули в бело-синих цветах, огнях и вине, словно готовилась коронация, а не просто праздник. К полуночи, устав от танцев, я сбежал на балкон. Эзраэль подсел рядом, залпом осушил кубок и, прищурившись, произнес:

— Знаешь, что мы с тобой сегодня сделаем?

— Если ты сейчас скажешь «выпьем ещё», я сброшу тебя с балкона, — проворчал я, притираясь лбом к прохладному камню.

— Нет. Мы сбежим. В Храм Шёлковой Звезды.

— В куда?

— Ну, как бы тебе сказать. Это не храм. Хотя удовольствие там почти духовное. — Он подмигнул, и уголки его губ быстро поползли вверх, а потом он улыбнулся настолько широко, что я вздрогнул.

— Ты хочешь сказать — бордель?

— Не такой вульгарный. Там всё красиво и достойно. Ты же ещё не ну? Самое время стать мужчиной, принц. Не переживай, я знаю хозяйку. Всё будет тайно, без последствий.

— Эз

— Не Эз, а добрый друг, решивший избавить тебя от юношеской тоски. Клянусь, ты скажешь мне потом спасибо. К тому же иллюзия. Ни ты, ни я не будем выглядеть как мы. Тебя примут за какого-нибудь седьмого сына герцога, не волнуйся.

Я ещё колебался, но вино и усталость говорили вместо разума. Наконец я встал.

— Если кто-нибудь узнает, я отрекусь от тебя публично.

— По рукам! — засмеялся он, схватил меня за руку, и мы, как два безумца, выскользнули через боковой ход, закутанные в плащи с капюшонами.

Храм Шёлковой Звезды оказался уютным и тихим — совсем не тем, что я ожидал. Там не было громкой музыки или навязчивости. Только шелест тканей, аромат цветов и мягкий свет фонарей. Эзраэль первым подошёл к женщине, что встретила нас.

— Как всегда: две комнаты, немного лунного вина, и пусть девушки будут подходящие. Мой друг скромный. Надо, чтобы остался доволен.

Она понимающе кивнула. Я чувствовал, как всё во мне сжимается. Мы прошли внутрь. В одном из уютных залов, заставленных подушками и невесомыми занавесями, нас уже ждали.

Девушка, что подошла ко мне, была примерно моего возраста, а может, и моложе. Светловолосая, с чуть застенчивой улыбкой и тёплыми глазами. Она представилась шёпотом, которого я почти не расслышал. У неё дрожали руки, и, кажется, она тоже впервые принимала кого-то. Это немного успокоило меня. Мы не говорили много, всё было неловко, но по-человечески. Она обняла меня осторожно, и в этом было что-то большее, чем просто игра.

Из соседней комнаты уже доносился смех Эзраэля и голос женщины, явно куда более опытной. Он что-то выкрикнул, и я рассмеялся. Девушка приблизилась. Её пальцы коснулись моего плеча, скользнули по груди, опустились ниже. Она расстегнула мои брюки, и я замер.

— Не бойтесь, — прошептала она, но в её собственном голосе страха было куда больше. — Всё уже оплачено. Хозяйка сказала, что вы особенный гость.

Я хотел сказать, что не в этом дело. Что я не потому медлю, что боюсь её или процесса, а потому, что всё это кажется неправильным. Фальшивым. Слишком похожим на сделку. Но вино ещё шумело в голове, молодость требовала своё, и где-то внутри шевелилось любопытство — а каково это? Быть как все? Стать наконец «мужчиной» в том смысле, который вкладывают в это слово Эзраэль и ему подобные? Я кивнул. Разрешил. И мы продолжили.

— Вы хотите, чтобы я делала это громче? Как там?

Я посмотрел на неё. В её глазах не было страсти — только растерянность и желание угодить, чтобы не выгнали.

— Нет. Не надо.

— Я я могу по-другому, — заторопилась она. — Я научусь. Я всё сделаю

— Тебя заставили? — спросил я наконец.

— Нет. Сама пришла. Деньги нужны. Семья

Я кивнул. Больше не спрашивал. Это было неплохо. Честно говоря, я ожидал чего-то другого — может, более яркого, более ошеломительного. Но она была так скована, что я постоянно ловил себя на мысли, что не хочу сделать ей больно. Её движения были робкими, дыхание — сбивчивым, а в глазах, когда она на меня смотрела, не было ни страсти, ни похоти — только старание. Желание угодить, чтобы не разочаровать.

Я понимал: у неё это впервые. Или почти впервые. И от этого всё становилось ещё более странным. Из соседней комнаты доносились совсем другие звуки — громкие, уверенные, наигранно-страстные. Эзраэль явно получал то, за чем пришёл. А здесь здесь было тихо. Почти по-детски неловко. Когда всё закончилось, она отодвинулась и натянула на себя простыню, пряча глаза.

— Простите, — прошептала она. — Я я не очень умею. Меня только неделю назад взяли. Обучали, но

— Всё хорошо, — ответил я и, к собственному удивлению, не соврал.

Позже, когда я сидел на балконе того дома, укутавшись в плед и глядя на ночное небо, девушка принесла мне воды с лепестками мяты. Я поблагодарил её тихо, не зная, что ещё сказать. Она просто кивнула и ушла.

Эзраэль вышел следом — растрёпанный, счастливый, с довольной улыбкой на лице.

— Ну что, Тэр? Теперь ты другой человек?

— Возможно. Или просто более уставший.

Он рассмеялся, хлопнул меня по плечу и сказал:

— Главное, чтобы ты это запомнил. Иногда такие ночи важнее сотни уроков.

Тот опыт в тайном доме под покровом иллюзий стал для меня не триумфом, а горьковатым уроком. Я не стал распушенным, скорее наоборот — близость начала казаться мне чем-то слишком сложным. Несмотря на то что девушки неизбежно тянулись к моему лицу и статусу, я научился держать дистанцию.

Я никогда не гнался за физической стороной, предпочитая тишину и доверие мимолётным увлечениям. Глубоко внутри я даже немного жалел, что не сохранил себя для той единственной, чьё имя узнал лишь годы спустя. Та ночь оставила в душе прохладную тень и сделала меня осторожным: теперь я знал, что истинная близость значит гораздо больше, чем просто случайная встреча.

Позже, уже в Драугоне, Эмир как-то подошёл ко мне, усевшись небрежно на перила террасы, откуда открывался вид на тренировочный двор.

— Ну что, как прошёл бал у этого павлина? Подцепил наконец какую-нибудь леди?

— Не на балу, не подцепил, не совсем леди.

Эмир удивлённо вскинул брови, а потом расхохотался так громко, что мимо проходивший страж обернулся.

— Поэтому-то я и не поехал! Прошлого года мне хватило.

— Теперь-то понятно, куда вы оба тогда пропали.

Я покачал головой. Эмир, как всегда, не мог удержаться от поддёвок, но в глубине его глаз промелькнуло нечто другое — может быть, чутьё, что я изменился. Не для всех, не сразу, но что-то во мне стало иным.

Очередной бал в королевстве СинФалир, на котором мы с Эмиром должны были присутствовать как старшие наследники, подошёл к концу. Зал ещё звенел последними аккордами вальса, а сверкающие люстры гасли одна за другой. На мраморной террасе, укрытой занавесом жасминового воздуха, Эзраэль нашёл нас у перил. В руках у него плескалось тёмное вино, а в глазах, как всегда, прыгали искры нетерпения.

— Ну, принцы Драугона! Бал — балом, но настоящая ночь только начинается. Я знаю превосходное заведение: Новый дом лазурных ветров. Тонкая музыка, мягкий дым, лучшие вина и очаровательная компания. Будет весело, особенно всем вместе.

Эмир фыркнул, а я сделал вид, что поправляю рукав камзола, пряча лёгкое напряжение.

— Благодарю, но мы остаёмся во дворце. Завтра совет и охота на рассвете. И дорога домой не ждёт. Мы не можем позволить себе дым и весёлый шум до утра, — холодным голосом произнёс я в сторону Эзраэля.

Тот чуть наклонил голову, будто взвешивал ответ.

— Ах, да-да. Клятвы долга, открытые рассветы. Всё понял: вы оба превратились в отшельников. Как-никак, Драугон славится тяжёлой дисциплиной. Не бойтесь, я скажу хозяевам Дома, что монастырь выезжает без сопровождения.

Эмир прикусил губу, не решаясь то ли улыбнуться, то ли огрызнуться. Я же лишь нейтрально кивнул, но достаточно твёрдо, чтобы поставить точку.

— Передай им привет из Драгуна. Но монастырь останется в мире с собственной совестью.

Эзраэль поднял кубок, будто соглашаясь с неизбежным.

— Когда-нибудь вы вспомните моё приглашение и пожалеете.

С этими словами он растворился в толпе поздних гостей. Мы с Эмиром стояли молча. Музыка стихла окончательно. С того года наш союз с Эзраэлем остался прочным политически — мы прилетали на советы, охотничьи недели и зимние собрания. Но его призывы «расслабиться, как прежде» вниманием не пользовались. Балы — да, если того требовал дворцовый календарь. Советы и дипломатия — обязательно. Дом лазурных ветров или любое иное «веселье» — теперь без нас. Эзраэль поддевал нас шутками про «драконьих монахов» и «братьев ордена хладного пламени», однако обиды в его голосе не было — лишь лёгкая грусть и понимание, что юношеская бесшабашность осталась в прошлом.

— Представляю, что будет с королевством, когда Эзраэля коронуют, — фыркнул Эмир, глядя вслед отдаляющемуся силуэту принца. — Будет не королевство, а бордель. Все министры в шелках, армия в постелях, бюджет — в домах удовольствия.

Я лишь усмехнулся, покачав головой:

— Зато все будут счастливы. Или хотя бы расслаблены.

— Да уж, будет весело, до первого вторжения.

Мы оба знали: Эзраэль был не так уж безответственен, как иногда казалось. Просто у него были свои приоритеты. Вино, женщины и удовольствие он ставил не ниже стратегии и дипломатии. И всё же с тех пор, как мы однажды сбежали с одного из его «весёлых балов», он пытался нас снова заманить, но без особого успеха.

* * *

Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар. 400 год после первого вызова печати. Тэреон.

Я вернулся спустя три дня. Поездка к границе была скорее формальностью — показать, что королевская семья лично следит за каждым словом в переговорах с соседями. Всё это время я прокручивал в голове слова Асои. И ложь. Особенно ложь.

Когда вошёл в покои, первым делом заметил, что сменился состав прислуги. Вместо Асои была новая девушка — молчаливая, испуганно приседающая в поклоне, будто ожидала удара за любое слово. Я даже не взглянул на неё. На обеде, когда я, как всегда, был молчалив и хмур, Эмир, разламывая хлеб, хмыкнул:

— Бедную девушку напугал. Говорят, она так избегает твоих покоев, что уже за версту их обходит. Что ты ей сделал, брат? Разбил сердце одним взглядом? Или наслал Мора?

Я чуть не подавился водой, но Аурелия отреагировала первой, скрестив руки:

— Если бы кто-то про меня такое распускал, я бы выкинула этого человека не только из покоев, а из королевства. В буквальном смысле. Через восточные ворота. Без сапог и голым.

Все рассмеялись, кроме меня. Я только пожал плечами и сказал:

— Возможно, стоит так и сделать.

Никто не понял, что я говорил вполне серьёзно. Как только обед завершился, я обсудил всё с отцом. Мы стояли в зале совета в тишине; я изложил всё как есть — без лишних слов и гнева, но с той ясностью, которую диктует честь.

— Отец, моя честь важнее одной служанки. Особенно той, что позволяет себе лгать не только обо мне, но и, по сути, о всей нашей семье.

Он долго смотрел на меня. Его лицо оставалось непроницаемым, но я знал: он обдумывает каждое слово. Наконец он кивнул.

— Ты прав, Тэреон. Честь крови не может быть предметом для сплетен и манипуляций. Мы не должны быть жестоки, но должны быть справедливы.

Так были подписаны указы. Всё оформили по закону: последняя выплата жалованья была выдана Асои ровно в том объёме, сколько полагалось, не меньше. Ей предоставили повозку и сопровождение. Мы отправили её в дальнюю резиденцию одной знатной леди — преданной союзницы нашей семьи, женщины рассудительной, но твёрдой, чей двор в Серебряной Роше всегда оставался под надзором короны.

Перед отъездом Эмир не удержался:

— Ох, ты выгнал прекрасную деву, братец!

Аурелия, сидевшая у окна с чашкой чая, хмыкнула:

— Я удивлена, что всё так спокойно разрешилось. Думала, ты на границе вручишь ей компас с картой и скажешь: «Удачи».

Я молча кивнул — шутки в сторону, дело приняло серьёзный оборот. Теперь, когда вопрос с интригами был решён, я мог вернуться к главному — к Амелии и подарку для неё.

Официальные дары для принцесс Флоретии уже ждали своего часа: три сундука, полных изумрудов и аметистов. Но для Амелии камни казались слишком холодными. Я выбрал иное — не кричащее признание, а изящное обещание защиты.

Я открыл небольшой футляр из тёмного дерева. Внутри, на чёрном шёлке, покоился изящный золотой браслет. Тонкая, искусная работа мастеров нашего края. Плетение было настолько сложным, что казалось, будто золотые нити переплетаются сами собой, подобно струям раскалённой лавы.

Центральным элементом был миниатюрный дракон, свернувшийся в кольцо. Его глазами служили крошечные искры алмазов, а дальше по браслету расположились четыре сферы из разных сплавов, символизирующие стихии. Это была вещь не для статуса, а для того, чтобы чувствовать её на запястье каждый день.

До отъезда на бал оставалось два дня. Я сам собрал вещи, отпустив новую служанку, чьё имя на букву «Л» так и не запомнил. Из приготовленных костюмов — морского синего и мшисто-зелёного — я выбрал строгий чёрный с бархатным воротом и тонкой вышивкой.

Я как раз застёгивал ремень на дорожной сумке, когда дверь приоткрылась и на пороге появился Драксарий. Он стоял, прислонившись к косяку, будто пришёл просто понаблюдать за моими сборами.

— Уже собрался? Краэлог и Ульт уже готовы лететь за нами, между прочим. Они решили, что без них мы обязательно вляпаемся во что-нибудь эпическое.

— Рад, что хотя бы они беспокоятся, и что ты пришёл не помочь, а прокомментировать. Драксарий ухмыльнулся шире.

— Помочь? Я — моральная поддержка. Говорю умные вещи, выгляжу прекрасно и наблюдаю, как ты нервничаешь. Полезней роли не придумать.

— Я не нервничаю.

— Нервничаешь. У тебя бровь дёргается. Всегда дёргается, когда дело касается поездки в новое место.

— Мы просто едем, Дракс. Это не поход и не война.

— Пока. С тобой «просто» никогда не бывает просто.

Дракс фыркнул и кивнул на плащ, лежащий рядом. Тяжёлая ткань, сшитая так, что при движении напоминала изгиб крыла, переливалась мягким матовым блеском.

— Это Мор? Или просто совпадение, что твоя новая мантия выглядит как он?

— Совпадение, — сказал я, вспоминая, как несколько недель уговаривал Моргракса отдать мне хотя бы несколько своих чешуек.

— Конечно. Совпадение. Просто решил носить плащ, который выглядит так, будто он дышит, да?

Я не ответил. Просто перекинул его через плечо, и мягкий шелест ткани наполнил комнату — будто кто-то прошёлся по воздуху невидимым крылом.

— Не забудь быть внизу вовремя. И, Тэреон Если этот плащ вдруг решит полететь без тебя — не удивляйся.

Я улыбнулся и, когда за братом закрылась дверь, провёл ладонью по ткани. Она ответила тихим теплом, почти дыханием. Не успел я застегнуть плащ, как в следующее мгновение в комнату заглянула мама. Сирена — королева драконьего королевства, женщина с глазами цвета аквамарина, которые всегда видели больше, чем ты готов показать.

— Тэр, всё может измениться в любую минуту. Бал, люди, чувства. Мы едем в сердце цветочного королевства, и я знаю, ты не любишь сюрпризов, но прошу: постарайся не рубить с плеча.

— Я постараюсь, мама. Обещать не могу. Но постараюсь.

Она улыбнулась с грустной теплотой — той самой, от которой в детстве хотелось бежать к ней и прятаться в складках её платья.

— Я верю тебе.

* * *

Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар. 399 год после первого вызова печати. Тэреон.

Вторая половина июля, мой двадцать первый день рождения — время, когда по традиции наследнику выбирают невесту. Тронный зал сиял золотом, а под куполом витал дракон из живого пламени. В этом блеске имя закрытого соседнего королевства Флоретии не звучало уже девятнадцать лет, будто его и вовсе не существовало.

За последний год я окончательно возмужал, сравнившись ростом с отцом и обретя ту литую крепость в плечах, что не нуждалась в выставлении напоказ. Сдержанный, с глазами цвета тихого огня, я сменил за вечер более двадцати партнёрш. Принцессы и знатные леди из кожи вон лезли, стараясь впечатлить меня — кто отчаянным смехом, кто робким молчанием. Но ни одна не оставила в душе ничего, кроме шлейфа духов и горького чувства несоответствия.

— Эта танцует как дерево в бурю: вся в движении, но ни капли грации, — шепнул я Эмиру, когда мы вновь оказались у колонны.

Брат, которому в ноябре прошлого года исполнилось девятнадцать, тоже не находил себе места. Девушки кокетничали, играли ресницами, сыпали комплиментами; некоторые пытались привлечь его внимание, однако всё мимо.

— Та спросила, ел ли я когда-нибудь булочку с лепестками ландыша на завтрак. Я хотел спросить, не падала ли она в детстве в колодец, — фыркнул он, откидывая назад прядь золотистых волос.

Я, уже утомлённый бесконечным парадом одинаковых лиц, неохотно подал руку следующей партнёрше — неожиданно появившейся леди Мелисанде.

— Я с детства мечтала станцевать с вами, но не думала, что вблизи вы окажетесь выше и красивее, чем со стороны.

— Вы очень добры, леди Мелисанда.

— И при этом ещё и галантны. Знаете, мама говорила, что у мужчин с такими скулами всегда тяжёлый характер. Но я думаю, вы просто скрытный. Наверное, вы по ночам пишете стихи?

— Нет. Стихи — не моё. Я больше размышляю в тишине.

— Ах! Значит, вы — философ! Я тоже часто думаю. Например, почему драконы не летают задом наперёд? Это было бы так забавно!

— А почему она сама не ходит на руках? Было бы не менее забавно. Или молчала бы вовсе — мир стал бы тише.

Моргракс. Горячее, насмешливое дыхание древней сущности коснулось мыслей, проверяя границы разума моей партнёрши.

— Люди задают странные вопросы, но редко задают правильные. Например, зачем ей столько мыслей, если половина из них бесполезна?

Тишина внутри головы стала гуще. Девушка почувствовала, как сердце дёрнулось, и на мгновение не смогла понять, сказала ли она это вслух, или всё происходило только в ней.

Я чуть не сбился с шага, услышав этот вопрос. Посмотрев поверх её головы в отчаянной попытке найти способ вежливо закончить танец, я поймал взгляд Эмира. Тот танцевал с принцессой Эледирой Аэстелин из Кастариона — королевства, где женщины носили короны даже на охоте, а мужчины — украшения из золотых перьев.

— Вы так прекрасно танцуете, принц Эмир.

— Спасибо, принцесса. Удивительно, как вам удаётся не сбить меня с ног при столь тяжёлом шлейфе. Это требует несомненного мастерства. Или помощи слуг?

Я услышал сквозь музыку ровный, ядовитый голос младшего брата, отточенный как лезвие. Смех подступил мгновенно, прорываясь из глубины груди, но я сдержал его, лишь дрогнув губами и чуть склонив голову, будто вдруг вспомнил нечто весёлое.

— О, вы смеётесь! Я знала, что моя шутка про задом наперёд летающих драконов действует! Вы ведь тоже иногда представляете их такими, да?

— Иногда. Но, боюсь, сейчас мне нужно нужно обсудить кое-что с королевским глашатаям.

Затем я элегантно разорвал хватку, чуть поклонился и жестом направил её в противоположную сторону.

— Простите меня, леди. Это был незабываемый танец.

Не дожидаясь ответа, я скрылся в толпе, обменявшись понимающей улыбкой с Эмиром, который как раз изящно уворачивался от навязчивого внимания очередной принцессы.

Ближе к трону в лёгком вальсе кружились шестнадцатилетние двойняшки — прекрасные и упрямые Зориан и Аурелия. Они явно предпочитали общество своих друзей светским притворствам: фрейлина Бёлла, темноволосая красавица с глазами-незабудками, что-то весело шептала Зориану, а белокурый Гáрен уверенно вёл Аурелию в танце. Эта четверка казалась островком искренности в море фальши.

Над всем этим, по-хозяйски закинув ногу на подлокотник моего трона, взирал одиннадцатилетний Драксарий. С надутыми губами и в цветочном венке, сплетённом сестрой, младший наследник скучающе осматривал зал с видом императора, которому наскучил собственный триумф.

— Я — Первый, — прошептал Дракс, выпрямившись и представляя, как отдаёт приказы. — И у меня не будет этих глупых балов.

Мраморный пол под моими шагами будто уставал вместе со мной — слишком много танцев, слов и притворной учтивости. Пальцы едва касались боков висящей на поясе шёлковой ленты — почти незаметное, машинальное движение, будто я пытался вытереть из памяти всё, что слышал за вечер.

Я шёл к своему трону, собираясь сесть рядом, на край подлокотника, чтобы сбросить напряжение с плеч и выдохнуть.

— «Устал как дракон после линьки», — хотел сказать я, почти усмехнувшись про себя.

Но тут — словно удар. Из толпы голос, негромкий, но чёткий, вынырнул из шума, как стрела из тумана:

— Да-да, та самая Говорят, в детстве у неё был дар видеть сны будущего, или это у

И в тот же миг — жжение. Ладонь. Правая рука будто изнутри задышала жаром, и в центре, под кожей, вспыхнул золотой знак: четыре переплетённые линии, стихийные символы, что всплывали в древних текстах, выжженные во мне с рождения. Свет не был ярким, но ощущался живым, как отблеск молнии за вековым стеклом.

Я резко остановился, дёрнул запястьем и спрятал ладонь в складках мантии, будто укрывал не руку, а сердце. Через мгновение я обернулся, но было уже поздно. Толпа замкнулась. Кто это сказал? Кто знал? Слова растворились, лица слились. Музыка продолжала звучать, словно ничего не случилось.

Я задержался лишь на секунду, затем выдохнул, разжав пальцы, и пошёл дальше.

— Позже, — подумал я. — Узнаю позже.

Достигнув трона, я сел прямо на край подлокотника.

— Я жутко устал.

— Я тоже. От того, что ты снова занял мой подлокотник. Ты тяжелее, чем выглядишь.

Но я уже не слышал — мои мысли были далеко. Позднее, когда свечи догорали и шум затих, в королевской зале, украшенной золотыми гобеленами, король Эдгар и королева Сирена, сидя бок о бок на узорчатом диване, встречали сыновей.

— Ну? — спросил Эдгар, поднимая бровь. — Кто из девушек запал в сердце?

Я, не глядя на родителей, медленно покачал головой.

— Никто. Все слишком старательны, чтобы быть настоящими.

Эмир пожал плечами и произнёс довольно тихо и сдержанно:

— Я надеялся хотя бы на загадку, но всё было предсказуемо, как учебник по истории.

Мама слабо улыбнулась. Она знала: наши сердца ещё ждут. Где-то за границами, за лесами и молчанием уже предначертана встреча, к которой все эти вечера — лишь преддверие.

Когда Эмир и младшие разошлись по своим комнатам, я задержался. Король уже собирался подняться, но я сделал шаг вперёд, заставив его остановиться.

— Отец, мне нужно, чтобы твои люди провели расспросы среди гостей. Аккуратно. Выясните, кто из приглашённых сегодня упоминал о снах или видениях будущего.

— О снах? Ты думаешь, здесь, среди всей этой суеты, действительно есть кто-то, кто владеет подобным знанием? Или тот, кто знает больше, чем положено?

— Я слышал разговор. Голос был чётким, он вынырнул из толпы прямо за моей спиной, но я не успел проследить, кто говорил — мгновение, и толпа сомкнулась.

Отец нахмурился. Он знал, что я не стал бы просить о таком из-за пустых сплетен. Если я заговорил об этом, значит, дело касалось чего-то древнего и важного для нашей крови. Он тяжело кивнул, и в его карих глазах блеснула холодная решимость правителя.

— Хорошо, Тэреон, я узнаю. Мои люди пройдут по каждому слуху, что витал сегодня в зале. Если кто-то принёс в наш дом подобные вести — мы о них узнаем.

Король вышел, и коридор опустел. Я уже собирался идти к себе, когда из тени у колонны бесшумно отделилась фигура.

— Ты хоть иногда смотришь по сторонам, Вальтарис? — знакомый, насмешливый голос разорвал тишину. — Или только на принцесс?

— Тарен? Ты не успел на бал.

— Не успел, — он оттолкнулся от колонны и шагнул ко мне. — Но пропустить день рождения будущего короля? Не дождёшься.

Мы обнялись. Крепко, по-мужски, хлопнув друг друга по спине. От него пахло дорогой и лошадиным потом — он гнал без остановки.

— Рад тебя видеть, — сказал я, отстраняясь. — Как там Мия?

— Всё так же прекрасна и своенравна. Требуется, чтобы я вернулся. Говорит, что без меня дом пустеет.

— А вы не думали о детях?

Тарен замолчал. Его лицо стало серьёзным, почти виноватым.

— Думали. Не выходит.

— Что значит «не выходит»?

— То и значит. Уже два года. Ко всем магам ходили, к целителям, даже к травникам из глухих деревень. Никто не может помочь. И никто не знает, в чём дело.

Он провёл рукой по лицу, а потом вдруг усмехнулся — той самой лёгкой усмешкой, которую я знал с детства, но в этот раз она не коснулась глаз.

— Знаешь, я ведь раньше не придавал этому значения. Думал, успеется. А теперь теперь ловлю себя на том, что считаю детей на праздниках. Чужих. И каждый раз мысленно прикидываю, сколько лет было бы нашим.

— Тарен

— Не надо, — он поднял руку, останавливая меня. — Я не за этим приехал. Просто ты спросил. Я ответил.

Он помолчал секунду, потом снова усмехнулся — на этот раз по-настоящему.

— Ладно, хватит о грустном. Я слышал, ты на балу смеялся над какой-то девушкой? Которая спросила, почему драконы не летают задом наперёд?

Я замер.

— Откуда ты

— Она прямо сияла. Всем рассказывала, как ты, грозный принц Драгона, чуть не подавился смехом. «Он такой милый, когда улыбается!» — передразнил он писклявым голосом. — Я едва ушам своим поверил. Ты, Вальтарис, и «милый»?

Я скрипнул зубами.

— Это был не я. Та леди

— Да-да, конечно. Я просто рад, что ты хоть иногда вспоминаешь, как это — быть человеком.

Он хлопнул меня по плечу.

— С днём рождения, Тэр. И береги себя.

— Ты останешься?

— Не могу. Хочу быть рядом с Мией. — Он помолчал и добавил тише: — И, может, в этот раз повезёт.

Я кивнул, но, когда он уже сделал шаг к выходу, спросил:

— А к воздушным обращались? К Сильхайру?

Тарен остановился. Обернулся. На его лице мелькнуло что-то вроде растерянности.

— К Сильхайру? — он усмехнулся, но без насмешки. — Ты представляешь, как это будет выглядеть? Духовный брат короля и я Я даже не знаю, с какой стороны к нему подойти.

— Я могу спросить за тебя. Отец

— Не надо. — Тарен покачал головой. — Мы к другим обращались. К тем, кто попроще. Маги, ведуньи, старые травники Они только молчат. Или качают головой. Никто ничего не говорит. Будто боятся.

— А Сильхайр

— Может, он и правда что-то видит. Но если другие молчат — значит, не время. Но ты ты правда хочешь помочь?

— Конечно, — ответил я.

Тарен посмотрел на меня долгим взглядом — усталым и тёплым.

— Спасибо. Правда. Но не надо. Не сейчас. Я я сам.

Он развернулся и исчез в коридоре так же бесшумно, как появился.

Глава 5. Падение

*«Когда соединяются те,
в чьих жилах спят древние дыхания, мир замирает.
И даже ветер слушает,
не прорвётся ли сквозь любовь старая угроза».*
— Тэррон, Дракон Земли

*Королевство Флоретия. Город Лиэстэрия. Дворец Альмерин. 400 год после первого
вызова печати. Амелия.*

До моего дня рождения оставались считанные дни — срок, который окружающие ждали с большим трепетом, чем я сама. Тревога нарастала: по закону рода Лювэнн именно в двадцать один год принцессе начинают подбирать жениха. Предстоящий бал обещал стать не просто праздником, а грандиозным смотром наследников со всего света.

Этим утром я устроилась у окна библиотеки, утопая в шёлковых лентах и палитрах тканей. Среди этого пёстрого хаоса мне предстояло выбрать цвета для оформления зала, хотя мысли были заняты совсем не торжеством.

— Персиково-розовый? Уже был. Золотисто-зелёный? Слишком по-весеннему. Аметист с серебром да, в этом что-то есть.

Я сделала пометку, когда в дверях показалась Анстезия — вечно собранная, с неизменной улыбкой и острым взглядом, от которого ни одна деталь не ускользала.

— Ваше Высочество, вы уже три часа здесь. Оформление подождёт. Вам нужно отдохнуть.

— Не могу. Слишком многое поставлено на карту. Посмотри сама.

Я протянула ей эскизы. Анстезия пробежалась по ним глазами, потом подняла взгляд.

— Аметист с серебром — беспроектный вариант. Но если спросите меня добавьте белые орхидеи в центры столов. Без них зал будет слишком холодным.

— Ты права. Передай оформителям. И скажи, чтобы не экономили на цветах.

— Слушаюсь, — она чуть склонила голову и вышла так же бесшумно, как вошла.

Я снова посмотрела на стол. Там лежал бесконечный список приглашённых. Я пробежала глазами по строчкам, узнавая почти каждое имя, но взгляд раз за разом, словно против воли, цеплялся за одно и то же слово. Драугон.

— Сакура, — окликнула я проходившую мимо горничную мамы. — Ты что-нибудь слышала о Драугоне?

— Конечно, Ваше Высочество. Там обитают драконы, огромные пугающие рептилии.

— Я имею в виду людей. Наследников.

— Ох Знаю только, что там правят король Эдгар и королева Сирена. Говорят, у них есть сын Но как его зовут — не помнит никто.

— И это всё?

— Простите, принцесса.

— Спасибо, Сакура. Можешь идти.

В груди странно защемило. Само название «Драугон» отзывалось в глубине души колючим холодом. Это было не просто любопытство — скорее предчувствие, которое обычно предшествует буре.

Я перечитала список ещё раз, но о Драугоне не было ничего, кроме сухих строк: «Королевство Драугон — четыре представителя и семь членов королевской семьи Вальтарис». Без званий. Без имён. Без пояснений. Мысль об этом таинственном принце не давала покоя, пуская корни в моём сознании. В груди вновь шевельнулось предчувствие — не страх, нет, скорее ожидание чего-то неизбежного. Словно мир стоял на пороге перемен, и я была их частью.

Я поднялась к себе в покои, но стоило распахнуть двери, как серьёзные мысли были безжалостно изгнаны весёлым восклицанием:

— О, наконец-то!

Афелия вовсю крутилась перед зеркалом, которое горничные предусмотрительно вынесли из ванной. В руках она держала невесомое, почти прозрачное платье нежно-сиреневого цвета.

— Смотри, Амелия, только взгляни! Не слишком ли светлое? Или может, ты сама примеришь его?

Моя спальня превратилась в филиал швейной мастерской: на ширмах замерли платья в тонких чехлах, кресла утопали в отрезках шёлка и бархата, туфли в углу образовали шатковую башню. Праздник наступал на пятки.

— Десять платьев? Не многовато ли для одного вечера?

— Выход один, а глаз — тысячи! Неужели ты не хочешь влюбить в себя хотя бы половину зала?

Я скользила пальцами по изумрудному шёлку — красиво, но не моё. Пока внутри рос трепет перед встречей с ним, я замерла у другой ширмы. Это было воплощение ночного леса: платье цвета тёмных орхидей и фиалок. Изумрудные стебли вышивки вились по корсету, инкрустированному камнями-росинками, а чернильный нижний слой юбки мерцал узорами глицинии.

— Это оно.

— Амелия Это же само величие. В нём ты будешь не просто принцессой — настоящей королевой ночи.

Мы дополнили образ аметистовыми серьгами и ажурными перчатками. Сиреневые туфли на золотом каблуке прятались под подолом: сегодня даже мои шаги должны стать тайной.

Вскоре в комнату вошла Хризалия. Её взгляд приковало другое платье — нежно-розовое, как цветущий персик в лучах рассвета. Жемчужная вышивка на корсете и лёгкие ленты-крылья на плечах делали его воздушным, словно весеннее облако.

— Оно мое, — прошептала сестра.

Наряды висели рядом: один — глубокий и загадочный, другой — сияющий и нежный. Казалось, они были сотканы не из ткани, а из наших душ. Глядя в зеркало, я гадала: принесёт ли вечер долгожданную встречу или лишь новые вопросы?

Гости начали прибывать раньше, чем ожидалось. Дворец мгновенно наполнился жизнью, голосами и ароматами дальних земель. Северное крыло заняла семья требовательного герцога Равельна из Амбрисеи, послы Лесного Альянса уединились в гостевом доме, а юная принцесса Алора из Серебряных Озёр расположилась в покоях с видом на фонтаны.

Молодые лорды состязались в блеске свит, заполняя двор шумом голосов и лязгом лат цвета заката, но всё это великолепие померкло, когда появился принц Арвэн Селланд. Его сопровождала кавалькада рыцарей в ослепительном серебре, а повозки были доверху гружены ледяным шёлком и бирюзовыми статуэтками, которые слуги едва дотащили до ступеней.

Когда я вышла поприветствовать гостей, Арвэн не стал разглядывать подношения. Его взгляд задержался на мне — всего на мгновение дольше, чем позволяли приличия, но этого хватило, чтобы воздух между нами стало ощутимо тяжелее.

— Принцесса Амелия, — Арвэн склонил голову в лёгком поклоне. — Я много слышал о вашем вкусе и изяществе. Смею ли я надеяться, что на завтрашнем балу вы подарите мне хотя бы один танец?

— Это честь, принц Арвэн Селланд. Но я ещё не решила, кто откроет бал вместе со мной.

Он принял это без тени разочарования — лишь лёгкий наклон головы, почти благодарный.

— Понимаю. Тогда позвольте надеяться, что среди множества танцев найдётся место и для меня.

— Возможно.

Он сделал шаг немного ближе и продолжил уже тише, почти доверительно:

— Если принцесса позволит я хотел бы побеседовать с вами дольше. Не только на балу, но и, быть может, после. Ваше общество — он чуть запнулся, подбирая слова, — кажется мне редкой находкой в этом море лицемерия.

Я не нашлась с ответом. Лишь кивнула, чувствуя, как под его взглядом теплеют щёки.

Арвэн был безупречен: золотые волосы, глубокие синие глаза, галантность в каждом жесте. Когда он коснулся губами моей руки, по коже пробежали мурашки. Он мне действительно понравился — статный, умный, воплощение ясного дня.

— Я буду ждать, принцесса. — Его голос звучал мягко, без навязчивости.

Но внутри отозвалось ледяное эхо:

— *Это не он.*

У мужчины из моих снов глаза пылали расплавленным золотом, а волосы были чёрными, как забвение. Стоило любому лорду подойти ближе, как этот запретный образ всплывал в памяти, пульсируя древним зовом. Арвэн смотрел на меня с интересом, но я уже была словно под невидимой охраной того, другого. Я не знала его имени, но его присутствие пустило во мне корни, делая любые комплименты и союзы лишь бледной тенью чего-то настоящего.

* * *

Королевство Флоретия. Город Лиэстэрия. Дворец Альмерин. 400 год после первого вызова печати. Тэреон.

Утро в Цветущих землях дышало тишиной. Мрамор храма Фины белел среди деревьев, птицы пели осторожно, а воздух казался наполненным ожиданием. Я оставил Ворона у подножия лестницы. Без свиты. Без герба.

В голове не было мыслей — только имя. **Амелия**. Я не знал, кто она. Не знал ни рода, ни возраста. Имя застряло где-то под рёбрами и тянуло сильнее любых доводов разума. Ради него я свернул с пути.

Я остановился у храмовой дорожки и увидел девушку. Волосы цвета спелого каштана, платье оттенка василька. Казалось, сама земля расступалась перед ней. Она обернулась, и наши взгляды встретились.

В этот миг моя правая ладонь вспыхнула золотом — ярко, обжигающе. Тепло разлилось по пальцам. Я даже не успел отреагировать. Девушка отвернулась, и свет погас. А потом раздался треск.

Всё произошло в одно мгновение. Нога девушки предательски поехала на раскисшей после ночного дождя земле. Изящная дева вдруг превратилась в ветряную мельницу: руки судорожно замолотили по воздуху в отчаянной попытке удержать равновесие, васильковое платье взметнулось, а корзинка с лепестками, описав дугу, взлетела в небо. С коротким, но сочным звуком она рухнула плашмя, приложившись лицом прямо в жирную, чавкающую грязь на дорожке. Поза была просто катастрофической: юбки задрались, одна нога неестественно вывернулась, а руки по локоть погрузились в липкое месиво. Лепестки, наконец достигнув высшей точки, начали медленно и торжественно оседать вокруг неё, как насмешливый саван. Сад замер. Даже ветер перестал шелестеть листвой.

И тогда я засмеялся. Не смог сдержаться. Сначала это был короткий, хриплый смешок, вырвавшийся из груди против воли. Я попытался зажать рот ладонью, укусил палец, но хохот уже прорывался сквозь пальцы, как вода сквозь дырявую плотину. Это было неконтролируемо, безудержно и совершенно неуместно. Плечи тряслись так, что я едва держался на ногах. Перед глазами стояла эта нелепая, постыдная, но до колик смешная картина: секунду назад — изящная богиня, парящая над землёй, и вот — она распластана в грязи. Воздуха не хватало, я

согнулся пополам, хватаясь за колени, давясь сдавленным, по-настоящему неприличным ржанием, утирая проступившие слёзы, а она всё ещё не поднималась.

— Прости... — выдохнул я, утирая слёзы. — О, Фина, прости, но это... это точь-в-точь как с Эмиром...

Память предательски подбросила картину из прошлого: трибуна, ликующая толпа, парадное облачение. Эмир, второй наследник трона, восходит по ступеням. Спина прямая, подбородок гордо вскинут. Он ступает на помост, готовый принять присягу, как вдруг яблоко. Обычное подгнившее яблоко под сапогом, неизвестно откуда взявшееся.

Жезл взмывает в небо. Руки судорожно мелькают в воздухе, пытаясь ухватить хоть что-то, но баланс безвозвратно потерян. Блондин описывает дугу, которую мы в узком семейном кругу окрестили «королевским лебедем». Спина с глухим стуком встречается с камнем, золотой венец соскальзывает с головы, звонко подпрыгивает раз, другой и с торжественным всплеском ныряет прямиком в фонтан.

— Я тогда сказал ему: «Ещё никто так низко не падал к моим ногам». А ты ты его почти переплюнула!

Она подняла голову. Грязь размазана по щеке. Волосы прилипли ко лбу. А глаза глаза пылали такой яростью, что смех застрял у меня в горле.

— Вы смеётесь надо мной?

— Нет! Нет-нет, я не То есть, может, чуть-чуть, но в основном я вспомнил брата! Вы просто это было как тот случай, только с платьем. И с цветами. И вы

— Как чудесно. — Она поднялась, отряхнула подол, но грязные разводы остались. — Ваше чувство такта, вижу, развито ровно настолько же, как и чувство приличия.

Я открыл рот. И сразу же его закрыл.

— Поскользнуться — это судьба, — продолжала она, сверкая глазами. — Но смеяться над чужим несчастьем? Это уже выбор. Ваш выбор.

Она гордо — насколько это возможно с грязными коленями — прошествовала к дверям храма и с грохотом захлопнула их за собой.

— Простите! — крикнул я вслед. — Я не хотел! Вы просто очень грациозно упали!

Тишина. Дверь не открылась.

Ворон, стоявший неподалёку, фыркнул — так отчётливо, будто подтверждал: «Сам виноват». Я глянул на друга и прошептал сам себе:

— Что ж, если это и была Амелия то, похоже, приземляется она куда эффектнее Эмира. Это впечатляет.

Я подошёл к Ворону, одним движением вскочил в седло и пустил коня в галоп обратно к тракту, ведущему к дворцу. В тот момент я ещё не знал, что всего через несколько часов снова встречу эту девушку. И не догадывался, что на этот раз паду уже я сам. Только не лицом в грязь, а гораздо глубже. В то самое пекло, из которого нет возврата.

Глава 6. Выбор

*«Говорят, золото не знает страха, а обсидиан — боли.
Но что случится, когда холодный камень встретит живое пламя?
В этот день тишина храмов рухнет, и начнется история,
которую не решится записать ни один летописец».*

— Эдгар, Король Драугона

Королевство Флоретия. Город Лиэстэрия. Дворец Альмерин. 400 год после первого вызова печати. Тэреон.

Бал в честь Осеннего Равноденствия и дня рождения принцессы Лювэнн стал вершиной флоретийского блеска. Хрустальные люстры дробили багряный свет заката, а музыка заполняла залы, подобно дурманящему вину. Это был праздник хрупкого мира, скреплённый тончайшим кружевом дипломатии.

Я вошёл в зал в парадном мундире Драугона. Мой взгляд равнодушно скользил по гостям, пока память упрямо возвращала образ той «неотёсанной» незнакомки у храмовых ворот. И вдруг мир замер. В полукруге свечей, под аркой из живых цветов, стояла **она**. Пульс ударил в висках тяжёлым молотом: Амелия — принцесса Флоретии. Моя случайная богиня из грязи оказалась недосыгаемой наследницей престола.

Её голос, чистый и уверенный, пролетел над притихшим залом:

— Благодарю каждого за этот вечер. Пусть этот бал станет тёплым воспоминанием в наших сердцах.

Я уже сделал первый шаг из тени, но замер. Из толпы выступил принц Арвэн Селланд. Он двигался с грацией хищной птицы, и его взгляд был прикован к принцессе. Я понял без слов: он уже наметил себе добычу.

— *Ишь ты, воробей серебряный,* — пронеслось в моей голове язвительное прозвище, которое я дал ему ещё в юности.

Он всегда был таким: напыщенным, любящим зеркала больше, чем военные отчёты. Арвэн шёл к Амелии с видом триумфатора, уверенный, что первый танец — его законный приз. Но я стоял ближе. Хвала богам, я был на несколько шагов впереди. Я вышел из тени, сокращая расстояние между нами. Каждый мой шаг был вызовом. Оказавшись рядом со своей судьбой, я склонил голову в глубоком, почтительном поклоне и протянул руку:

— Принцесса, позвольте мне быть первым, кто окружит вас в танце.

Когда наши взгляды встретились, время споткнулось. В её глазах плеснул испуг — так смотрят на оживший ночной кошмар или слишком навязчивый сон. Но через секунду оцепенение спало, Амелия улыбнулась и вложила ладонь в мою.

Я вёл её в центр зала, и гул толпы стихал. В голове всплыло наставление отца:

— *Тэреон, никогда не падай женщине в ноги в ту же секунду, как она тебе улыбнулась. Король должен сохранять дистанцию, даже если его сердце горит. Сначала убедись, что она выдержит вес твоей короны.*

Я посмотрел в её глаза — в этот омут искренности и ярости — и едва заметно усмехнулся своим мыслям.

— *Прости, отец. Но именно это твоё наставление я нарушу прямо сейчас.*

Потому что я уже не просто падал — я летел в бездну, и единственным моим желанием было, чтобы она никогда не отпускала мою руку. В ту секунду я понял, что я самый счастливый человек во всём этом мире. И самый обречённый.

— Вам, возможно, нравится смеяться над девушками, которые падают к вашим ногам, но я не из тех, кто в восторге от подобных развлечений.

— Это было недоразумение. Я смеялся не над вами. Просто память подбросила случай с моим братом. Поверьте, если бы я знал

— Вы бы всё равно стояли и смотрели, — прошептала она, и в этом шёпоте было больше правды, чем мне хотелось бы признать.

Но её рука уже лежала на моём плече. Оркестр заиграл вальс, и я повёл её в танце, стараясь, чтобы каждое движение было безупречно осторожным. Сквозь такты музыки я пытался пробиться к ней:

— Я приехал в храм, чтобы найти девушку, что ухаживает за алтарём богини Фины. Мне сказали, она светла, добра. Я не ожидал увидеть принцессу.

Амелия молчала. Лишь однажды подняла на меня взгляд, и в его глубине я увидел не гнев, а застарелую рану.

— Благодарю за открытие бала. Хорошего вечера.

Она растворилась в толпе, оставив меня одного в центре зала. Я понимал: этот вечер — лишь прелюдия к истории, которую нам суждено прожить вдвоём. Я был для неё грубым чужаком, скрытным незнакомцем, который внезапно вернулся в блеске парадного мундира и с ворохом невысказанных вопросов.

Пройдя через балкон, я встретился лицом к лицу с отцом. На удивление, он ничего не сказал, но посмотрел так, будто был готов убить прямо здесь. Я молча встал за спинами родителей, понимая, что позже меня будет ждать не один допрос.

Внезапно тяжёлые двери главного входа задрожали. Голос глашатая раскатился по залу величественным набатом, возвещая о прибытии истинной силы:

— Прошу всеобщего внимания! Королевская семья Драугона — Дом Вальтарис!

Он выдержал паузу, давая словам осесть в сознании гостей, прежде чем торжественно выкрикнуть имена. Створки с грохотом распахнулись, и отец, расправив плечи, шагнул в сияющий зал Флоретии.

— Его Величество, Эдгар Таэрón Вальтарис, Король Драугона, Щит Пламени, Страж Короны и Заветов.

— Её Величество Королева Сирена Миарéна Морвэйн-Вальтарис, Голос Морской Лазури и Мудрости!

— Его Высочество наследный принц Тэреон Кассариэль Драка́ар Вальтарис. Драконо-рождённый, Наследник Пламени Единого, Страж и Хранитель Драугона!

Я шагнул вслед за родителями в сияющий зал. В ту же секунду на меня обрушились десятки взглядов — колючих, изучающих, пропитанных липким страхом.

Далее глашатай объявил моих братьев и сестру. Зал затаил дыхание. Мы были не просто гостями — мы были стихией, ворвавшейся в этот ухоженный сад.

Я скользнул взглядом по толпе и мгновенно нашёл её. Амелия сверлила меня взглядом. В её зрачках полыхало неверие, граничащее с ужасом.

Мы пересекли зал и остановились перед королём Джаредом и королевой Менфисой. Поклон был безупречно вежливым, но в нём чувствовалась мощь.

— Ваше Величество, — голос отца прозвучал низко и густо, как раскат далёкого грома. — Выражаем вам своё глубочайшее почтение. Я искренне надеюсь, что эта ночь станет началом новой главы в истории наших земель. Мы прибыли, чтобы просить Совета. Полагаю, нам есть что обсудить. Многое из того, что слишком долго оставалось в тени.

Моя мама загадочно улыбнулась. С тонкой женской проницательностью она изучала Амелию и Хризалию, словно читала тайные знаки на их лицах.

Бал продолжался. К моему изумлению, Эмир подошёл к младшей принцессе с редкой для него мягкостью.

— Разрешите, принцесса?

— Только если ваше молчание не станет единственным моим спутником в этом танце.

— Я не мастер витиеватых речей, но ради вас я готов искать слова.

— В таком случае, будьте честны: что вы увидели перед собой, когда встретили меня впервые?

— Цветок укрытый шипами.

— Смело.

— Я не боюсь цветов. Особенно таких.

В то же время я, ощущая на себе взгляды сотен гостей, вновь пригласил Амелию на танец. Её ладонь легла в мою с холодной отстранённостью.

— Почему вы скрыли свой титул?

— А разве вы упомянули о своей в том саду?

— Я Это иное.

— Ровным счётом то же самое. В ту встречу мы были свободны от бремени имён и ожиданий.

Она демонстративно отвернулась, но пальцы всё так же крепко сжимали моё плечо.

— Я не прощу вам этой недосказанности.

— А я не прощу себе, если позволю нам разрушить всё здесь и сейчас.

Она осталась, сжав губы в тонкую линию. Но я чувствовал: лёд в её глазах начал трескаться, пропуская вперед не ярость, а глубокую, тревожную неуверенность.

Вскоре к нам потянулись просители. Я не разжимал пальцев, удерживая её ладонь, и делал шаг вперёд, перекрывая обзор каждому, кто пытался пригласить её на танец.

— Принцесса, позвольте мне удостоиться чести

— Благодарю, барон. Однако принцесса уже обещала следующий танец мне.

— Я не

— Обещала, — повторил я.

Когда второй принц — темноволосый северянин с излишней уверенностью в глазах — попытался перехватить Амелию, я вновь оказался на шаг впереди.

— Простите. Принцесса утомилась. Быть может, позже. Или никогда.

Тот коротко кивнул и отступил. Амелия же буквально задохнулась от возмущения.

— Принц Тэреон! Я в состоянии ответить за себя сама!

— В этом я не сомневаюсь. Но я не позволю кому бы то ни было отвлекать тебя от меня.

— Это звучит как пугающее собственничество. И когда мы успели перейти на «ты»?

— Возможно. Но это правда. Ты не представляешь, сколько вечностей я ждал этого вечера.

Она поспешно отвернулась, пытаясь скрыть вспыхнувший румянец, но я, не давая ей опомниться, вновь увлёк её в танец.

— Принц Драгона не просто ведёт танец, — донеслось откуда-то из-за вееров. — Он заявляет свои права.

Музыка ещё не успела затихнуть, когда наше уединение было нарушено. К нам уверенной, почти хозяйской походкой приблизился принц Арвэн Селланд. Очередной «подарок» из Реймари. Не дожидаясь приглашения, он перехватил руку Амелии и запечатлел на её коже поцелуй, который длился на долю секунды дольше, чем того требовали приличия.

— Принцесса, вы танцуете изумительно. Позвольте мне лично убедиться в этом в следующем танце.

Я увидел, как по шее Амелии пополз густой румянец, и в моей груди что-то неприятно кольнуло.

— Он что, ей понравился? Воробей? Что ж, сейчас исправим.

— Вы правы, принц Арвэн, — я вклинился в их пространство, заставляя Селланда отступить. — Принцесса действительно изумительно танцует со мной. А на вас у неё, увы, времени нет. И, боюсь, не предвидится.

Я уже был готов увести Амелию прочь, но Арвэн не сбавил напора. Его взгляд, прежде почтительный, затвердел, превращаясь в клинок. Он стоял на месте, преграждая нам путь не телом, а этой новой, внезапно прорезавшейся в нём жёсткостью.

— Принц Тэреон, у нас есть темы для обсуждения. К тому же, я прибыл сюда специально ради принцессы.

— Обсудите завтра. И я, представьте себе, тоже здесь ради неё.

Арвэн открыл было рот, чтобы возразить, но в этот момент за его спиной, словно видение, возникла Аурелия. Моя младшая сестра обладала редким даром появляться именно тогда, когда нужно было войти в пожар или изящно устранить помеху. Аурелия не теряла ни секунды. Она шагнула вперёд и мягкой, но железной хваткой взяла Арвэна под руку.

— Принц Арвэн, здравствуйте. Для меня будет несказанной честью станцевать с наследником Восточного королевства, — пропела она.

Её голос был слаще мёда и нежнее самого дорогого шёлка, но этот избыток любезности сквозил таким откровенным сарказмом, что Арвэн на мгновение лишился дара речи. Я видел, с какой непреклонной силой она буквально разворачивает опешившего принца, не давая ему и шанса на возражение, и решительно уводит его в самую гущу толпы.

Амелия застыла в немом шоке, забыв о злости. Воздух в зале наэлектризовался, когда глашатай объявил:

— Принц Арион Козлис, старший наследник престола Вантонии, с официальной свитой!

— *Ещё один? Да что они, со всей округи сегодня слетелись?*

Арион вошёл с вызывающим блеском: золотисто-рыжая копна волос, расшитый серебром камзол и хищная улыбка. Он сразу вцепился взглядом в Амелию, засыпав её самовлюблёнными речами о своём величии.

— Прекрасная Амелия, сколько о вас ходит рассказов и, признаю, ни один не дотягивает до реальности.

Амелия открыла было рот, чтобы ответить на приветствие, но Козлиса было не остановить. Он самозабвенно рассыпался в комплиментах, тут же перескакивая на рассказы о собственном величии, о Вантонии, о ястребах, которых он выращивает, и о будущем, где он «милостиво» видит её рядом с собой. Самовлюблённый павлин.

— Пора украсить этот зал достойным танцем. Встань рядом со мной как будущая королева — пусть все видят, где твоё место.

Он почти потащил её в круг, но я уже стоял между ними.

— Простите, Ваше Высочество, но у принцессы уже есть кавалер. И он не привык делиться.

— К чему этот скучный спор, Вальтарис? — Арион оскалился, его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по фигуре Амелии, словно он осматривал редкую кобылицу на аукционе. — Не будь жадным мальчиком. Девка с такой внешностью рождена для того, чтобы ею любовались. И не только любовались.

Он чуть наклонил голову, и в его глазах вспыхнул опасный, сумасшедший огонёк.

— Я уже вижу её на коленях посреди моих покоев, Вальтарис. Совершенно обнажённую, покорную, готовую выполнить любой каприз. Представь, как её волосы рассыпаются по моим рукам, пока она молит о пощаде. Думаешь, она так же гордо будет смотреть на меня сверху вниз, когда останется со мной наедине? Думаю, мы могли бы разделить это удовольствие. Уверен, вдвоём мы

Мир вспыхнул багровым. Мои глаза на долю секунды стали кроваво-красными — дракон внутри больше не знал дипломатии, он жаждал рвать плоть. Я развернулся и вложил всю накопленную ярость в один сокрушительный удар. Кулак врезался точно в холёную челюсть Ариона.

Тошнотворный, сочный хруст ломающейся кости заставил огромный зал онеметь. Голова принца мотнулась, брызги крови окропили его безупречный воротник, и он рухнул на пол, как мешок с костями.

— Я — Тэреон Вальтарис! — мой голос гремел под сводами, вибрируя от первобытной мощи. — С этой секунды моё королевство расторгает любые соглашения, союзы и пакты с принцем Арионом. Между нами больше нет ничего, кроме этой крови на полу.

Я шагнул к нему, возвышаясь над сломленным ничтожеством, и добавил тише, но так, что каждое слово впивалось в тишину, как когти:

— Считай, что ты купил это мгновение самой дорогой ценой в своей жалкой жизни.

Я взял Амелию за руку и повёл прочь из зала. За спиной вскипал рой возмущённых голосов, но ни одна душа не осмелилась сделать даже шаг, чтобы преградить нам путь.

У самых дверей я на мгновение замедлился, встретившись взглядом с отцом. Король стоял неподвижно, сохраняя непроницаемое лицо истинного монарха, на которого внезапно обрушился дипломатический кризис. Я коротко, почтительно кивнул ему, признавая свою вину и одновременно давая понять, что не жалею ни об одной секунде. Отец не ответил на кивок, но в уголке его губ промелькнула едва заметная, гордая усмешка, которую увидел только я.

Мы уже выходили, когда из зала донёсся негодующий, срывающийся на крик голос короля Джареда:

— Что ваш сын себе позволяет, королева Сирена?! Это же открытое объявление войны!

— Тэреон никогда не нападает без причины. И, зная нравы сына, я не удивлюсь, если эта причина — ваша собственная дочь или чьё-то грязное слово.

Больше я не слушал. Мы остановились лишь в безлюдной галерее, где запах воска и ночных цветов наконец вытеснил удушливую атмосферу бала. Здесь, в тишине, я наконец отпустил руку Амелии и повернулся к ней, чувствуя, как красное пламя в моих глазах медленно сменяется привычным тихим огнём.

— Прости, что тебе пришлось это слышать.

— Спасибо, — едва слышно выдохнула она.

На краткий миг Амелия позволила себе слабость — прижалась лбом к моему плечу. Всего на секунду, но этого хватило, чтобы в моей крови вспыхнуло что-то первобытное. Она стояла передо мной, хрупкая, на голову ниже, и совершенно не подозревала, каким взглядом я на неё смотрю. Я не мог оторваться, словно невидимые цепи тянули меня к ней.

Я медленно склонился, желая лишь мимолётного касания губ к её лбу. Но она вскинула голову, и я замер в волоске от её лица. Мир сузился до её зрачков и прерывистого дыхания на моих губах. Сердце забило в бешеном, рваном ритме. Я резко выпрямился, возвращая маску ледяного спокойствия.

— *Чуть не сорвался. Идиот. Ты не дикарь, Тэреон. Она не вещь.*

Но боги свидетели: я хотел этого касания сильнее, чем следующего вдоха.

Бал догорал. Музыка стала тягучей, лепестки цветов устилали мрамор, словно снег после бури. Гости расходились, и одна пожилая дама в шафрановых шелках лукаво шепнула Амелии:

— Присмотритесь к принцу Тэреону, Ваше Высочество. Такие мужчины редко отступают от задуманного.

Амелия вспыхнула, но королевская выдержка не подвела её — она ответила лишь сдержанной, едва заметной улыбкой. Стоявшая рядом королева Менфиса едва подавила улыбку, обменявшись быстрым взглядом с мужем.

Мы подошли последними. Король Джаред выступил вперёд, и в его голосе звучало торжественное облегчение:

— В гостевых покоях всё подготовлено к вашему приходу. Полагаю, после столь насыщенного вечера отдых будет вам в радость.

— Мы глубоко признательны за ваше гостеприимство, — отозвался Эдгар.

Я подошёл к Амелии последним. Взял её ладонь и коснулся перчатки губами — медленно, намеренно затягивая мгновение, пока грань этикета не натянулась до предела. В этом жесте была вся моя невысказанная жажда.

— Доброй ночи, принцесса, — прошептал я, глядя ей прямо в глаза с вызывающей полуулыбкой.

Она не дрогнула лицом, но я почувствовал, как в моей руке предательски дрогнули её пальцы. Этот безмолвный ответ стоил тысячи слов.

Тяжёлые створки дверей с грохотом отсеки натужное веселье бального зала. Мы оказались в пустом коридоре, где эхо наших шагов по мрамору звучало куда честнее, чем фальшивые скрипки оркестра. Не успел я перевести дыхание, как Эмир, не сбавляя шага, отвесил мне звонкий подзатыльник.

— Что это, мать твою, было, Вальтарис? — он заглянул мне в лицо с таким видом, будто искал следы магического помешательства. — Ты вообще в своём уме?

— Может, ты просто плохо меня знаешь?

Зориан издал тихий смешок. Драксарий шёл тенью, погружённый в свои мысли. Я ускорился, поравнявшись с Аурелией.

— Как там Селланд?

— О, он не замолкал ни на мгновение. «Глаза, подобные ясному небу» — к третьему кругу вальса меня тошнило от его восторгов. Хотя ведёт в танце он недурно.

— Я вообще не сразу понял, куда ты исчезла, — сказал Зориан. — Ко мне прицепилась какая-то леди. Спросила, есть ли у меня пара, и заявила, что я — цитирую — «словно Афродита в мужском облиции».

Он издал короткий смешок, полный искреннего недоумения.

— Что это вообще за сравнение? К моим глазам тоже проявили излишний интерес. Знаешь, Тэреон, я привык, что все рассыпаются в комплиментах твоей «драконьей искре», но слышать такое о себе Это чертовски странно.

Мы шли по переходам Флоретии — победители в маленькой светской войне. Хотя нутро подсказывало: главные сражения ещё впереди.

Добравшись до покоев, я замер на пороге. Кресло в форме распустившегося пиона казалось издевательством. Я смерил его взглядом, сел. Чёрт возьми, оно оказалось невыносимо уютным.

Откинувшись на спинку, я провёл ладонями по лицу, потом принялся мерить комнату шагами.

— Идиот. Какой же ты идиот, Вальтарис. Зачем ты устроил этот спектакль? Мало тебе политического кризиса, ты решил заставить её танцевать только с тобой?

Я снова рухнул в кресло и закрыл глаза. Бесполезно. Удар в челюсть Ариона всё ещё отзывался приятным покалыванием в костяшках — единственная деталь вечера, о которой я не жалел. Эту гниль стоило бы отдать на съедение драконам.

Но мысли о расправе не приносили покоя. Стоило векам сомкнуться, как тьма расцветала воспоминаниями. Её упрямый взгляд, бросающий вызов моему миру. То, как она сбивалась с дыхания, когда я притягивал её слишком близко. И запах. Боги, этот аромат её волос — нежный мед с какой-то дикой нотой, которая пробиралась под кожу, заставляя сердце частить. Мне казалось, этот запах до сих пор витает в комнате, издеваясь над моим рассудком.

В конце концов, я сдался. Набросив плащ, я вышел в ночной сад. Дворец погрузился в вязкую тишину. Я шёл без цели, вслушиваясь в шорох листвы и пытаюсь унять бешеный стук сердца, которое всё ещё не могло успокоиться.

Я свернул за угол живой изгороди и замер. Сзади послышался едва уловимый шорох. Я обернулся — никого. Только ветер играл с листвой. Сделал ещё несколько шагов — и вдруг

чья-то рука железной хваткой вцепилась в мой локоть, рывком затаскивая меня в узкий проход между кустами и каменной стеной.

Реакция сработала быстрее мысли. Я перехватил запястье, выворачивая руку, уже занёс кулак — но знакомый, чуть хрипловатый голос прошипел:

— Только попробуй, и Эмир узнает, что ты делал в общей купальне в прошлом году.

— Тарен?! Ты с ума сошёл?

— А ты перестань ходить в одиночку в такое время. Я не просто так.

— И что стряслось?

Тарен оглянулся через плечо, проверяя, не подслушивает ли кто, и понизил голос:

— У меня было видение. Прямо перед тем, как я тебя нашёл.

— Говори.

— Тени, Тэреон. Они уже не просто рядом — они уже внутри. Не здесь, — он кивнул куда-то в сторону дворца, — а в тех, кто должен вас защищать.

— Ты про советников?

— Про всех. Я не знаю точно, но — он провёл рукой по лицу. — Будь осторожен. И присмотришься к тем, кому доверяешь. Особенно к тем, кто слишком близко к принцессам.

— К Амелии?

— К обеим.

Он шагнул назад, сливаясь с тенями.

— Тарен, стой!

— Не могу. Мне нужно на запад, до рассвета. Иначе будет поздно.

— Для чего?

Он не ответил. Только посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом, в котором читалось что-то, чему я не мог найти названия. Прощание? Предупреждение? Или страх? А потом его не стало. Просто растворился в ночи, как и всегда.

— Вечно ты так, — выругался я сквозь зубы, провёл рукой по лицу и выглянул из-за угла. — Наговоришь загадок и исчезнешь.

Я вышел обратно на дорожку, всё ещё оглядываясь туда, куда исчез друг. Но сад был пуст. Только вдали, в серебристом мареве лунного света, мелькнули две фигуры. Амелия и Хризалия. Они о чём-то шептались, прерываясь на тихий, искренний смех. Я пошёл к ним, но теперь в голове звенело предупреждение Тарена.

Внезапно рядом что-то шевельнулось. Быстрое, змеиное движение. Инстинкты сработали раньше мысли — в тени колонны мелькнула фигура в чёрном, в руке хищно блеснуло лезвие, нацеленное в сторону девушек.

Одним выверенным броском я обрушился на незнакомца. Удар пришёлся точно в цель — быстрый, парализующий, рассчитанный на то, чтобы оглушить. Мужчина бесшумно осел на землю, словно осыпавшаяся тень.

— *Как ловко,* — раздалось в голове низкое, рычащее. — *Ай да наш принц.*

— *Заткнись, Мор.*

— *Зачем же так грубо? Я ведь помочь хочу,* — в голосе скользнула усмешка, большие похожая на оскал. — *Давай вскрыем ему глотку. Прямо здесь, одним движением. Никто и не узнает.*

— *Нельзя.*

— *Почему это нельзя?* — дракон зарычал, и в этом рыке слышалось нетерпение хищника, учуявшего кровь. — *Он поднял руку на твою судьбу, Вальтарис. На нашу судьбу. Он заслужил умереть. Прямо сейчас. Медленно.*

— *Потому что тогда мы станем такими же, как он. Я не палач.*

— *А я не человек,* — голос Мора зазвучал глубже, почти угрожающе. — *Мне плевать на твою мораль. Этот ничтожество посмел даже смотреть в её сторону с острым железом*

в руке. За одну только мысль о том, чтобы причинить ей боль, его следовало бы разорвать на куски.

Внутри всё кипело. Я чувствовал, как когти дракона скребут по граням сознания, требуя выпустить пламя. Но я сжал челюсти и приказал себе дышать.

— *Нет, Мор. Не сейчас.*

Дракон раздражённо рыкнул, прокатил по венам волну жара — но отступил. Не смирился, нет. Просто затаился, прожигая неподвижное тело пленника мысленным огнём, но подчинился.

Принцессы продолжали разговор, даже не обернувшись — мир для них остался прежним. Пока сердце умирало неистовый бег, я вскинул обмякшее тело нападавшего на плечо и бесшумной тенью растворился в глубине коридоров.

В покоях я действовал быстро: сорвал со стены декоративную, но прочную лиану и намертво стянул пленника узлами, которые руки помнили сами. Едва я опустился в кресло напротив, дверь распахнулась. Эмир вошёл без стука и замер.

— Хмм не знал, что ты по мальчикам, брат, — он приподнял бровь, но шутка погасла, стоило ему заметить брошенный в углу кинжал.

— Очень смешно. Он шел за принцессами.

Эмир мгновенно подобрался и с профессиональной дотошностью начал обыск. На стол легли меч с тёмным лезвием, флакон яда, скрытый в пряжке, и пергамент с неизвестным клеймом.

— Это... серьёзно.

— Согласен. И я намерен выяснить, кто заказчик.

Я резко поднялся и направился к двери, бросив через плечо:

— Глаз с него не спускай. Очнётся — не дай ему даже вздохнуть лишний раз.

Я буквально ворвался в кабинет генерала стражи. Реннав Астреллор вскинул голову, увидев мой взбудораженный вид.

— Нападение в саду. Целью были принцессы. Убийца схвачен и заперт в моих покоях. Жив. Поднимайте людей.

Пока генерал отдавал приказы и стража, лязгая сталью, устремилась к моим дверям, пленник на полу застонал, пытаясь отползти. Эмир присел рядом, и в его облике не осталось ни капли человеческого. Его глаза стали абсолютно чёрными — бездонными провалами, в которых утонул всякий свет и жалость. Дракон внутри него взял верх, и это было не просто безумием — это была ледяная, хищная концентрация.

— Ну, здравствуй, тварь.

Эмир буднично, почти лениво наложил ладони на колено убийцы. Резкое, короткое движение — и раздался влажный, дробящий хруст разрывающихся сухожилий и вылетающего из чашечки сустава. Колено выгнулось в неестественную, обратную сторону.

Убийца захлебнулся в диком, нечеловеческом вопле, выгибаясь дугой, но Эмир даже не моргнул. С тем же ледяным спокойствием он нанёс короткий, точный удар в челюсть, обрывая крик и снова погружая пленника в милосердную тьму. В этот момент в комнату ввалились стражники, застыв на пороге от увиденного.

— Живой, — бросил один, стараясь не смотреть в чёрные глаза Эмира и проверяя пульс на шее. — В допросную его. Живо! Под руки не брать — ноги волочите, он всё равно на них больше не встанет.

Подземелья Флоретии встретили нас сыростью, густым запахом старого железа и приторным, липким ароматом свежей крови. Этот запах не пугал меня — он пьянил, пробуждая дракона, который слишком долго томился в клетке дипломатии.

— *Ну же, Вальтарис,* — голос Мора прокатился в голове низким, рычащим гулом, похожим на раскат грома. — *Чувствуешь? Это наша стихия. Отпусти меня.*

— Нет, Мор.

— *Отпусти, сказал. Ты слишком долго прятал когти. Смотри, как этот червь корчится. Он посмел поднять руку на неё. На нашу.*

Я попытался оттолкнуть его, но Моргракс рванулся вперёд, захлёстывая моё сознание, как тёмная волна. Я почувствовал, как он довольно скалится где-то глубоко внутри — хищно, нетерпеливо, голодно. Ему нравилось здесь, нравилось то, что мы собирались сделать.

— *Не отказывай мне большие, всадник, — рык стал громче, и мои пальцы дрогнули, сжимая кинжал. — Ты слишком мягок, а я вырву из него ответ по кускам.*

Моя воля треснула. Моргракс хлынул в мои вены, сжигая остатки сомнений. Я перестал быть собой, я стал когтями и пламенем, жаждущими крови.

Убийца, распятый на доске, больше не напоминал человека. Он превратился в кровавую маску, живое воплощение агонии. В моей руке мерцал клинок с ядовито-зелёным отливом — сталь, заставляющая лёгкие плавиться изнутри от одного запаха. Но мне было мало.

Стража у дверей старалась не смотреть в мою сторону. Я чувствовал их страх — липкий, холодный, он наполнял коридор. Они видели перед собой не принца, а существо, которое смакует чужую боль.

— Ты поднял руку на принцесс, — мой голос звучал тише змеиного шелеста, вкрадчиво и абсолютно безжалостно. — Кто тебя купил? Глупец, я не тороплюсь. Каждое мгновение твоего молчания будет стоить тебе частички тела.

Я медленно провёл остриём ядовитого клинка по его щеке, оставляя алый, шипящий след. А затем вогнал кинжал в дерево в дюйме от его уха. Металл отозвался зловещим, вибрирующим звоном.

— Я ничего не скажу. Можешь убить меня. Это будет милосердием.

— *Милосердие?* — Мор рассмеялся в моей голове — низко, жутко. — *Я не знаю, что такое настоящее милосердие.*

— Как пожелаешь.

Я сжал его пальцы в своей ладони. Резкое, короткое движение — и сухой, влажный хруст ломающихся костей эхом отразился от каменных стен. Мужчина завыл — в этом крике, казалось, сосредоточилась вся боль мира. Но я не остановился. Мой взгляд упал на его ногу, на раздробленное колено. Тяжёлый сапог, окованный сталью, медленно опустился на изуродованный сустав.

— *Дави, — прошептал Мор. — Дави сильнее. Пусть почувствует, как его кости превращаются в пыль.*

Когда я начал давить, раздался отвратительный, дробящий звук — это остатки костей и хрящей превращались в кровавую кашу под моим весом. Пленник не кричал — он зашёлся в надрывном вопле, который перешёл в клочущий хрип.

В это время наверху, в тронном зале, Эмир заставил королей замереть. Он не ворвался — он вступил в зал, и от его фигуры веяло могильным холодом. Тень зверя всё ещё багрила его лицо, а глаза оставались абсолютно чёрными — только тонкая белая линия зрачка напоминала, что внутри ещё теплится человек.

Эдгар поднял взгляд и насторожился. Он перевёл взгляд на руку сына и увидел, как стальная рукоять кинжала в кулаке мнётся, словно мягкая глина, выдавливаясь сквозь пальцы.

— Вам нужно это увидеть. Самим, — голос Эмира прозвучал неестественно спокойно.

Джаред и Эдгар спускались в подземелья, пока не замерли у массивной железной двери. Из-за неё доносился тот самый сухой хруст и вопль, от которого даже у ветеранов стыла кровь. Когда мой отец отворил тяжёлую дверь, я обернулся.

В моих глазах больше не было гнева — там бушевало древнее пламя. Взгляд горел густым, пульсирующим алым светом, заливая подземелье яростным сиянием. Я медленно вращал в пальцах зазубренное лезвие, чувствуя чистое, хищное удовлетворение.

Отец положил тяжёлую ладонь мне на плечо. Он не стал меня останавливать — на его губах промелькнула мимолётная, хищная улыбка. В этот миг он увидел не просто сына, а будущего монарха, способного выжечь любого за то, что ему дорого.

— Хватит, — произнёс король Флоретии, но его голос дрогнул. Моя аура подавляла его, как ревущее пламя гасит слабую свечу.

Эдгар шагнул к пленнику и заговорил:

— Это не пытка. Это — предупреждение. Если не заговоришь сейчас, завтра для тебя не наступит ни в одном из миров. Ты просто исчезнешь в бесконечной боли.

— Мы не станем сдерживать принца в следующий раз, — добавил Джаред, стараясь не смотреть на кровавое месиво вместо колена.

Убийца задрожал. Он посмотрел в мои алые глаза и понял: кошмар не закончится.

— Ладно! Я лишь тень Но ваша Амелия — слепая дура. Она достойна сгнить здесь вместе с вами.

Мир исчез. С нечеловеческой скоростью я обогнул королей. Стул отлетел к стене, разлетаясь в щепки. В следующее мгновение я уже перехватил запястье пленника. Сухой, влажный хруст трёх пальцев утонул в его новом крике. Я сбил его на пол, вминая подошву сапога в его раздробленную лодыжку. Я прижал к его горлу зазубренный кинжал, от которого исходила ядовитая дымка.

— Извинись. Прямо сейчас. За каждое слово, что ты посмел изрыгнуть в её сторону. Ты будешь молить о смерти, тварь, но я не подарю тебе её так быстро.

— Стража! — громом отозвался голос Эдгара. — Уведите принца!

Я не двигался. Моргракс внутри меня рычал, требуя продолжения.

— Тэреон, — голос отца стал тише, но в нём зазвучала сила, не терпящая возражений. — Разорви связь с Мором. Немедленно.

— *Не смей,* — прошипел Мор. — *Он оскорбил её. Он назвал её душой. Ты позволишь этому червю дышать после такого?*

Я чувствовал, как Моргракс скребёт мой рассудок, требуя выжечь тварь под моими ногами. Из моей сути исходил утробный рокот. Мор яростно отказывался подчиняться.

А затем глаза короля вспыхнули.

Не алым, как мои. Пронзительным, чистым зелёным светом — мощью древнего, перед которой даже безумие Мора должно было склониться. Это был не просто король. Это был его дракон — духовный брат, тот, кто носил такую же древнюю кровь, как и Моргракс. И в этом зелёном сиянии читалось не приказание, а воля старшего сородича, которую не оспаривают.

— Если он снова произнесет её имя — я не закончил уже спокойней, позволяя страже увлечь себя к выходу.

За спиной Джаред уже откупоривал «Слезу Истины», а Эдгар заговорил на древнем наречии, от которого вибрировали камни. Перед тем как дверь захлопнулась, я услышал последний хрип мерзавца:

— Ваша принцесса лишь игрушка в руках тех, кто

Звук удара и нечеловеческий вопль отрезала железная дверь. Я замер в коридоре, пытаюсь выровнять рваное дыхание. Ладонь горела, в ушах стоял хруст костей. Я поднял голову и оцепенел.

В нескольких шагах стояла Амелия. Её кулаки были сжаты до белизны, а в глазах, полных слёз, читался немой вопрос: она пыталась разглядеть за кровавым пламенем моих зрачков того человека, с которым танцевала весь вечер.

Я хотел спрятать окровавленные руки, но не успел. Она шагнула вперёд и обняла меня — крепко, отчаянно, без единого упрёка. Её тепло хлынуло на меня, умиряя бурю и склеивая осколки рассудка.

— Спасибо. Спасибо, что спас нас.

Я медленно, почти благоговейно обнял её в ответ. Пальцы, мгновение назад ломавшие кости, теперь мелко дрожали на её спине. Дракон внутри глухо роптал, требуя спрятать её от всего мира, но я заставил себя отстраниться.

— *Она в безопасности*, — голос Мора прозвучал глуше, чем прежде. Рык ушёл, осталась только хриплая усталость. — *Дальше ты сам, Вальтарис. Твоя судьба — теперь твоя.*

— *Ты просто так сдаёшься?*

— *Я признаю старшего. Сильхайр показал мне моё место. Но это не значит, что я одобряю твою нежность.* — Он помолчал. — *Заботься о ней. Иначе я вернусь и выжгу тебя изнутри.*

Связь между нами дрогнула и погасла. Мор ушёл в глубину, оставляя меня наедине с Амелией. С человеком, ради которого стоило выдержать даже его безумие.

Я потянулся к внутреннему карману камзола. Пальцы наткнулись на холодный металл. В полумраке комнаты браслет блеснул — тонкое, изящное сплетение золотых нитей.

— Амелия. Я я подготовил это для тебя.

Я замялся, не зная, куда деть взгляд. Неловкость, дурацкая, мальчишеская, затопила меня, вытесняя остатки хищного удовлетворения.

— Я носил его с собой на балу. Всё время. Не хотел дарить там, на виду у всех. Чтобы — я запнулся. — Чтобы они не пялились. Я не хотел отдавать тебя им на растерзание.

— На растерзание?

— Ты видела этот зал. Каждый из них хотел кусок тебя. Танец, улыбку, обещание. А я — я провёл рукой по волосам. — Я просто хотел, чтобы это было только наше.

Она смотрела на меня пристально, полными слёз глазами. А я стоял — принц, воин, наследник престола — и чувствовал, как краснею.

— Позволь мне позволить надеть его. Сейчас. Если ты, конечно, не против.

Она быстро вытерла слёзы, прерывисто вздохнула и кивнула.

Я осторожно взял её запястье. Пальцы дрожали. Я возился с крошечным замком, проклиная свою неуклюжесть, пока наконец не раздался тихий щелчок.

— Готово, — выдохнул я.

Амелия поднесла руку к свету. Браслет блеснул — тонкий, изящный, почти невесомый на её коже.

— Тэреон он невероятный. — Она подняла на меня взгляд. — Правда. Я даже не знаю, что сказать.

— Ничего не говори.

— Но я должна спасибо тебе. Большое спасибо.

— Достаточно того, что ты здесь. И жива.

Она снова посмотрела на браслет, потом на меня — и улыбнулась. Робко, застенчиво, впервые за весь вечер без тени страха в глазах.

Через два часа мы вернулись в общий зал. Рубиновый огонь в моих глазах окончательно потух. Когда вошли короли, мой отец выглядел мрачнее грозового фронта.

— Мы узнали имя, — гулко произнёс он. — Заказчик — один из изгнанных советников вашего двора, принцесса. Всё это время он скрывался в северных лесах.

— И он исчез, — добавил Джаред, сжимая челюсти. — Исчез за несколько часов до нападения. У него были информаторы внутри дворца.

В зале повисла мертвая тишина. Я посмотрел на Амелию. В её глазах больше не было страха — только отражение моего пламени. Мы оба понимали: это лишь первый ход в игре, и теперь мы в ней заодно.

Утром тяжёлые створки Зала Совета захлопнулись с роковым, костоломным стоном. Внутри сошлись три силы: Флоретия, Драугон и Вантония. Воздух был настолько густым от напряжения, что его, казалось, можно было резать клинком. Амелия сидела рядом со мной, не

поднимая взгляда, её пальцы судорожно переплелись на коленях. Я чувствовал, как она переживает, хотя лицо её оставалось спокойным. Я же ощущал себя вулканом, внутри которого уже закипает смертоносная лава.

Напротив нас сидел Арион. От его вчерашнего лоска не осталось и следа. Весь остаток ночи в его покоех горели огни: лучшие лекари и маги-целители по кусочкам собирали его раздробленную челюсть, вливая в него литры регенерирующих зелий. Его лицо было бледным, как пергамент, а левая сторона челюсти неестественно раздулась и отливала багрово-синим. Несмотря на усилия магов, он едва держался прямо, вцепившись в подлокотники кресла.

— Надеюсь нас собрали не ради скучной чепухи? — выдавил он. Голос его звучал глухо, с трудом, слова вылетали со свистом сквозь плотно сжатые зубы. — Произошедшее лишь досадная шутка.

— Ваша «шутка», — мой голос лязгнул сталью, — заключалась в предложении разделить принцессу в постели. Вы действительно считаете это смешным?

— Боги Вальтарис вы в Драугоне такие деревянные. Это была метафора. Признак близости союзников

Я увидел, как Амелия вздрогнула от унижения, плечи её поникли, но она не опустила голову. Держалась. Под столом я накрыл её холодную ладонь своей, сжимая крепко и уверенно. Я вливал в неё свою силу, свою ярость, став для неё нерушимой скалой. Я почувствовал, как её пальцы постепенно обмякли в моей руке, а рваное дыхание выровнялось.

— В Флоретии честь — не побрякушка, которую можно швырять в грязь, а священный долг, — ледяным тоном отрезала королева Менфиса.

— Довольно! — Король Вантонии, Ларий Коэлис, прибывший во дворец в предрассветный час, рывком поднялся с места. Его лицо побагровело от яри. — Арион! Извинись. Немедленно. Живо!

— Но отец

Хлёсткая, звонкая пощёчина разрезала тишину зала. Арион пошатнулся, схватившись за повреждённую челюсть, и в его глазах, наконец, вспыхнул первобытный, животный страх.

— Извинись перед всеми, или я сегодня же вычеркну тебя из списка наследования. Хочешь быть шутком при дворе? Станешь им официально.

Арион, побледнев до синевы, выдавил из себя невнятные извинения. Я же ледяным, немигающим взглядом встретил глаза короля Вантонии:

— Дипломатия — не место для разврата и гнили. Если это ваш единственный путь к «примирению», Ларий, я предпочту честную, кровавую войну.

Дразегиас, стоявший за моим плечом, негромко, но отчётливо кашлянул. Шрам через всё его лицо хищно дёрнулся.

— В Драугоне за подобные речи в сторону принцессы можно получить сталь в печень. Глубоко. Остриём вперёд. И никто не станет звать лекарей.

Король Джарред поднял руку, призывая к тишине:

— Мы примем меры внутри союза. Официально поведение принца Ариона признано недопустимым и оскорбительным. Принц Тэреон имел полное право на защиту чести. А принцесса Амелия заслуживает уважения, подобающего её крови и титулу.

— Следующий, кто посмеет оскорбить моего ребёнка хоть словом, хоть взглядом — лишится не только чести. Он лишится головы. Это моё последнее предупреждение, — произнесла королева.

Когда мы вышли, Амелия не отпускала моей руки. В пустом коридоре я прижал её ладонь к своим губам.

— Прости, что тебе пришлось это слышать. Но я никогда не позволю, чтобы с тобой так обращались. Никому. Ни за какие короны в мире.

Амелия вздрогнула, опешив от интимности этого жеста, но не отстранилась. Она лишь молча кивнула и сжала мои пальцы так сильно, что я почувствовал её ускоренный пульс.

Мы дождались, пока делегация Вантонии скроется за воротами, и направились в тронный зал. Пламя в очаге металось, отражая сгустившееся напряжение. Амелия замерла у стены, явно не собираясь уходить.

— Амелия, прошу, иди в покои, — я попытался говорить мягче. — Это обсуждение не для твоих ушей.

— Я не ребёнок. Речь пойдёт о моей жизни.

Король Джарред посмотрел на дочь с непоколебимой твердостью:

— Сейчас ты не принцесса, а моя дочь. В покоях ты будешь в безопасности. Выполни волю отца.

Амелия замерла на мгновение. Я видел, как она хочет возразить, как внутри неё борется принцесса и просто девушка, которая не желает прятаться. Но отцу она перечить не смела. Бросив на меня взгляд, полный горечи, она вышла.

Когда я вернулся в зал, споры уже вспыхнули с новой силой. Но у дверей стоял отец. Король смотрел в ту сторону, куда ушла Амелия. Не на меня. На неё.

— Это она? — спросил он тихо, но так, что я услышал сквозь гул голосов.

— Да.

Он помолчал. Кивнул. В его глазах мелькнуло что-то — понимание? Одобрение? Я не разобрал.

— Тогда иди. И знай, что делать.

Я не ответил. Вернулся к спорящим советникам, а Эдгар не спеша прошёл к своему креслу, сел, скрестил руки на груди и больше не проронил ни слова.

— Нельзя терять время, — отчеканила Равёл Рбса, мастер закона. Женщина в вишнёвом наряде с ледяным взглядом выглядела воплощением дисциплины. — Предатель всё ещё на свободе.

— Я отправлюсь первым. Один, — спокойно заявил я. — Пока отряд соберётся, я уже буду в пути.

— Один?! — возмутился Норирам, советник короля. Его имя я запомнил не сразу, но ассоциация с «норой» пришла мгновенно. Признаться, он и выглядел как суслик: пухлые щеки, круглые, вечно настороженные глаза, будто он в любой момент готов юркнуть обратно в укромный угол.

— Мой конь, Ворон, лучше любой охотничьей собаки. Ему нужно пространство и тишина, шум целого отряда только собьёт его со следа. Я уйду вперёд, чтобы он мог работать спокойно. К тому времени как вы подтянете силы, я уже найду логово этой крысы.

Спор завершился шатким компромиссом: я выхожу первым, но держусь на расстоянии дня пути от основных сил. Всё это время отец сидел молча — ни слова, ни жеста, ни взгляда, который мог бы повлиять на советников. Только смотрел на меня. И ждал.

Когда я вышел из зала, услышал за спиной чей-то тихий голос:

— Ваше Величество, вы не скажете своего слова?

Ответ отца прозвучал спокойно и холодно:

— Он уже сказал. Моё слово — не заглушать его.

Тёмный лес встретил нас сырым, липким туманом. Ритм сердца Ворона сливался с моим, превращая нас в единую тень. Я только начал искать следы на тропе, когда из белесой мглы, словно призрак, вынырнула всадница. Темно-синий плащ, белоснежная лошадь, мерцающая в сумерках, и этот взгляд

— Амелия?! — я осадил коня. — Немедленно возвращайся!

Она скинула капюшон. В её глазах горело то самое упрямство, которое я знал с детства — моё собственное, родное и невыносимое. За спиной лук, на поясе меч. Она явно была готова заранее.

— Ты сказал, что едешь один, — с вызовом бросила она. — Теперь ты не один.

— Принцесса

— Здесь нет принцессы. Здесь только Амелия. И я иду с тобой, хочешь ты того или нет.

Лес сгущался. Прохлада обвивала шею, как ледяное дыхание зверя. Ворон, обычно дичившийся чужаков, на удивление спокойно принял её кобылу, Лераниэль. Словно они, как и мы, были частями одной древней легенды.

Мы ехали в молчании. Лес был неестественно тих. Внезапно Ворон фыркнул и встал на дыбы. Из чащи донесся скрежет и влажный хрип.

— Назад! — скомандовал я, выхватывая меч.

Из тьмы вынырнуло чудовище, покрытое угольно-черной слизью. Огромный медведь с костяными наростами-крыльями на спине и пастью, полной игл. Тварь взревела и бросилась на нас. Мой клинок вспыхнул серебром, рассекая плоть, но точку поставила Амелия. Стрела со свистом вошла точно в глаз монстра. Тварь рухнула.

— Метко, — признал я, переводя дух. — Но ты ещё можешь повернуть назад.

— Поздно. Ты спас меня, я прикрыла тебя. Мы квиты, Вальтарис.

Двигаться дальше пришлось под аккомпанемент тошнотворного запаха гнили. Второе существо — мелкое, юркое, с горящими зелёными глазами — выскочило прямо на Амелию. Она ранила его в бок, а я, рванув Ворона наперерез, съел твари голову.

— Это не волк, — пробормотал я, соскальзывая с коня. — Это что это вообще? Проклятое животное?

— Проклятое?

Я развернулся к ней, впервые за всё время глядя прямо в глаза.

— Мы охотимся не просто на человека. И я не злюсь из-за твоего упрямства — я за тебя боюсь. Мы на окраине, а лес уже пытается нас сожрать.

— Я бы всё равно пошла. Даже если бы ты запер меня.

— Тогда держись вплотную. Если ты погибнешь, мне придётся возвращаться к твоим родителям с твоим телом на руках. А я я этого не переживу.

Мы ехали шаг за шагом, вслушиваясь в шорохи леса. Сумерки сгущались, и липкая тревога, вызванная вчерашним балом и появлением Ариона, начинала душить меня. Я чувствовал, как Моргракс внутри меня ворочается, учуяв мой гнев, и я должен был заговорить — о чём угодно, лишь бы нарушить эту гнетущую тишину и отогнать тьму.

— Знаешь, на вчерашнем балу мужчин было в три раза больше, чем женщин, — бросил я, не оборачиваясь. — Настоящий военный смотр, а не праздник.

Амелия горько усмехнулась, и этот звук полоснул меня по сердцу.

— Конечно, много, Тэреон. Отец считает, что мне пора выйти замуж, и вчера он всюду искал мне подходящего жениха. Неужели ты весь вечер только и делал, что пересчитывал кандидатов в моём списке?

— Ошибаешься, — я покосился на неё. — Из всей этой толпы гостей моё внимание было приковано только к одной.

Она поджала губы, но не отвела взгляда.

— И что же в ней такого особенного?

— Ты хочешь, чтобы я перечислял при тебе её достоинства? Боюсь, мы не доедем до ночи.

Амелия фыркнула, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на смущение.

— Ты говоришь так, будто она уже твоя.

— А разве нет? — я позволил себе лёгкую улыбку. — Она провела со мной почти весь вечер. Танцевала только со мной. И если бы она правда хотела уйти к другому — могла бы. Но, видимо, этот «кандидат» оказался настолько хорош, что принцесса решила задержаться.

Она резко отвернулась, но я успел заметить, как вспыхнули её щёки.

— Ты невыносим, Вальтарис.

— А ты — завидная невеста. И сама была бы не против пообщаться с кандидатами, я правильно понимаю?

— Даже если и так? Что в этом плохого?

— Ничего. Просто ни один из них не имеет на тебя права. Пока я дышу.

Амелия на секунду замолчала, явно не ожидая такой прямой атаки.

— Надеюсь, эта счастливица не пострадала от твоего взгляда? — она прищурилась. — Судя по твоему лицу, ты сейчас готов испепелить всё в радиусе мили.

Я покосился на неё, стараясь, чтобы мой взгляд казался максимально суровым. Она сидела в седле с таким видом, будто этот проклятый лес был её личным садом, а не местом, кишасшим тварями.

— *Ужасно упрямая. Совершенно невыносимая. Острая на язык, как зазубренный кинжал,* — я мысленно перечислял её «грехи», чувствуя, как внутри всё ещё кипит раздражение. — *Никакого почтения к здравому смыслу. Характер — сплошные шипы.*

Но, наблюдая за тем, как серебристое мерцание её кобылы подчёркивает тонкий профиль Амелии, я поймал себя на том, что мои мысли начинают предательски менять направление.

— *Но ведь смелая. Другая бы на её месте уже давно лишилась чувств или повернула назад, а она даже бровью не повела, когда на нас выскочила та тварь.*

Я скользнул взглядом по её фигуре.

— *И лук этот он ей чертовски к лицу. В этом облачении, с растрёпанными волосами, она такая милая.*

Осознание того, что я только что назвал её «милой», ударило меня под дых сильнее, чем копыто коня.

— *И ведь именно с ней мне придется прожить всю жизнь. Каждый божий день. До самого конца,* — я судорожно вздохнул и сильнее натянул поводья, глядя прямо перед собой. — *Боги, дайте мне сил.*

Я не знал, прошу ли я сил, чтобы вытерпеть её характер, или чтобы окончательно не потерять голову от этой невыносимой девушки.

Закат окрашивал небо в золото, когда тишину пререзал лай собак и треск веток. В ущелье под нами мелькнули охотники с гончими и стражники в пыльных доспехах. Амелия резко накнула капюшон, пытаясь скрыться в чаще, но я перехватил поводья её лошади.

— Стоять. Я головой за тебя отвечаю. Будешь рядом со мной.

— Но если они узнают, что я сбежала без спроса

— Они уже знают, Амелия. Им нужно увидеть тебя живой, иначе они погубят людей, прочёсывая лес в темноте.

Я вывел нас на тропу, преграждая путь офицеру.

— Ваше Высочество! — закричал стражник, осаживая коня так резко, что тот едва не сел на круп. — Слава Фине! Мы думали принцесса

Он спешил и упал на одно колено. Его лицо было серым от пережитого ужаса.

— Простите Мы не уберегли. Мы искали вас повсюду. Каждый куст, каждый камень Даже северный склон прочесали, думали, вы могли туда упасть. Подняли всех собак. Сифос вне себя.

— Встаньте, это не ваша вина, — Амелия соскользнула с седла и подошла к стражнику с такой грацией, будто и не отбивалась час назад от монстров.

— Но вы же — офицер запнулся, глядя то на неё, то на меня. Он явно не понимал, как принцесса оказалась в лесу наедине с принцем Драгона.

Я встал рядом с ней.

— Передай остальным: принцесса под моей защитой. Пусть прекращают поиски и возвращаются, пока тьма не поглотила лес. Всем нужен отдых.

— Позвольте вас проводить?

— В этом нет нужды. Мы вернёмся следом.

Стражник кивнул, всё ещё не веря своему везению, и вскочил в седло. Когда топот копыт стих, тишина в чаще стала почти осязаемой. Амелия отвернулась, наблюдая, как последние искры золота гаснут на верхушках деревьев.

— Я слышала ночью в подземелье что ты говорил тому человеку. О том, что сделаешь с ним.

— И я бы сделал это. Без колебаний.

— Ты говорил это с такой силой Я даже испугалась тебя.

— Не хочу, чтобы ты меня боялась. Просто знай: я не позволю никому причинить тебе боль. Никогда.

Амелия шагнула ко мне и обняла — крепко, до боли, будто пытаюсь спрятаться во мне от всех интриг этого мира.

— Спасибо. За то, что спас меня и Хризалию.

Я обнял её в ответ, вдыхая аромат меда и лесной прохлады.

— Это мёд? — тихо спросил я, не разжимая рук.

— Да. Медовый эликсир. А что?

— Ничего, — я улыбнулся уголком губ. — Просто ты пахнешь чем-то очень родным.

Она чуть отстранилась, с недоумением глядя на меня, но я не стал объяснять. Только спросил, всё ещё не отпуская её:

— Ты любишь мёд?

— Да — она пожала плечами, не понимая, к чему этот вопрос. — Люблю. А что?

— Хорошо, — я позволил себе улыбнуться шире. — Очень хорошо.

Она хотела что-то спросить, но я мягко покачал головой:

— Потом. Когда-нибудь расскажу.

Мы стояли молча, пока первые звёзды не проступили на небе.

— Пора возвращаться.

Амелия кивнула. Мы снова оседлали коней и направились ко дворцу, чей силуэт высился впереди светлым исполином.

Спустя пару часов в тронный зал вернулись короли. Их лица, и без того суровые, теперь казались высеченными из камня. Ночная охота в лесу не принесла желаемого: след предателя-советника, на который мы напали, оборвался у старых скал. Заказчик ускользнул за считанные часы до того, как кольцо стражи сомкнулось.

— Мы возвращаемся в Драугон. Сегодня же, — голос отца не терпел возражений.

По залу пронёсся гул. Наше пребывание длилось чуть больше суток, и вопросов оставалось больше, чем ответов, но отец был непреклонен. Оставаться здесь, когда во дворце рыщут информаторы врага, было самоубийством.

Мама сохраняла спокойствие, пока Эмир пытался подобрать слова.

— Отец, мы не можем просто так уехать

— Можем. И уедем. Точка.

Драксарий замер под маской равнодушия, Зориан молча смотрел в пол. Аурелия, уже серьёзная, без тени улыбки, стояла рядом с матерью.

Я уже был в седле, когда понял: её нет. Среди лязга доспехов и команд отца всё казалось декорацией. Командир стражи сухо сообщил, что принцессу срочно вызвали к матери. Я знал этот тон — слишком вовремя. Джаред просто решил спрятать дочь, пока драконы не покинули его гнездо.

Я медленно развернул Ворона, лихорадочно сканируя окна и аркады. Ладонь запульсировала, обжигая кожу знакомым светом. Я чувствовал её присутствие всем существом — той частью души, что теперь неразрывно принадлежала ей.

И я нашёл её. Высоко на балконе, почти под крышей, мелькнул силуэт. Она вцепилась в каменные перила так сильно, что, казалось, я слышу хруст камня. Ветер трепал её волосы, а солнце золотило их на рассвете.

Наши взгляды встретились. Воздух между нами натянулся струной. В её глазах не было покорности — только немая ярость и та же тоска, что грызла меня. Её лишили слова, заперли за титулами и правилами.

Я не мог сорваться с места — за спиной стоял король, и долг требовал тишины. Но я поднял руку. Глядя ей прямо в глаза, я прижал ладонь к сердцу, а затем коротко, властно кивнул. Это был не прощальный жест. Это была клятва.

— *Я вернусь. Ты под моей защитой.*

Она не шелохнулась, но я увидел, как она подалась вперёд, провожая нас взглядом.

— Красиво, — послышался голос Эмира. — Даже слишком. Только смотреть надо было не так долго, а то карета чуть не уехала без тебя.

— Заткнись, Эмир.

Бал окончен. Началась большая игра. Но никто во дворце не знал главного. Перед самым отъездом я отдал свой самый важный приказ. Моя личная тайная стража — лучшие клинки Драгона, способные сливаться с тенями, — осталась здесь. Они стали невидимым щитом для Амелии и Хризалии. Моим щитом.

Мы ехали молча. Копыта Ворона мерно отбивали шаг по каменной дороге, Драгон приближался, но мысли были далеко — там, за лесом, на балконе, где ветер трепал её волосы.

— Эта та, кого ты искал? — голос Эмира прозвучал негромко, почти лениво, но я знал этот тон.

— Да.

— И что теперь?

— Я не намерен терять её.

Эмир что-то буркнул себе под нос — то ли одобрительно, то ли насмешливо, разобрать было невозможно.

— Красиво сказано. Посмотрим, что из этого выйдет, когда отец узнает, как далеко ты готов зайти.

Я не ответил. И не успел — впереди послышался стук копыт. Король Эдгар, ехавший в голове отряда, придержал коня, пропуская нас вперёд, и окинул обоих сыновей долгим, тяжёлым взглядом.

— Флоретия, — сказал он глухо, — так и осталась с предателями внутри дворца. Как будто не прошло двадцати лет. Ничего не изменилось.

Он помолчал, потом перевёл взгляд на меня, затем на Эмира.

— Я не рад, что придётся связывать с вами судьбу Драгона.

— Отец

— Молчи, — он поднял руку. — Вы оба достаточно взрослые, чтобы понимать: за каждым вашим шагом — королевство. За каждым словом — честь. За каждым

Он не договорил. Только покачал головой, развернул коня и поехал дальше, оставляя нас в облаке пыли и недосказанности.

Я проводил его взглядом. А потом — машинально, просто чтобы отвлечься — бросил взгляд на младшего брата.

Эмир сидел в седле расслабленно, но в кармане его плаща я заметил уголок ткани — нежно-розовый, почти прозрачный на солнце. Шёлковый платок. Женский.

Я прищурился.

— Откуда это?

— Что? — Эмир проследил за моим взглядом и дёрнул плечом, пряча платок глубже.

— Ничего. Ерунда.

— Я видел. Розовый. Шёлк.

— Одна леди подарила.

— Та самая «леди» сейчас осталась во дворце?

— Не твоё дело.

Я не стал спрашивать дальше. Только усмехнулся про себя и снова посмотрел вперёд, туда, где на горизонте уже угадывались башни Драгона.

Глава 7. Там, где ты

*«Тот, кто идёт в логово зверя, должен знать,
кем он хочет выйти — другом или приманкой».*

— Принц Тэреон, Наследный принц Драугона

*Королевство Флоретия. Город Лиэстэрия. Дворец Альмерин. 400 год после первого
вызова печати. Амелия.*

Дни после отъезда драконов тянулись как густая тина. Дворец Альмерина тонул в привычной суете, но я бродила по залам тенью. Образ Тэреона выжег клеймо в моей памяти, а вопрос — почему его ладонь пульсировала золотом при звуке моего имени — не давал дышать. Он уехал, не попрощавшись, оставив лишь холодный ветер и сухой хруст костей врага, эхом звучащий в моей груди.

— А может, он и не хотел прощаться? — шептала я темноте, но сердце бунтовало.

Всё изменилось в одно мгновение в пустом коридоре. Из ниши, словно соткавшись из мрака, вышел незнакомец в тёмном плаще. Сифос среагировал мгновенно: лязг стали, и клинок моего стража замер у горла чужака.

— Назад! Руки так, чтобы я их видел!

Незнакомец даже не вздрогнул. Он лишь медленно опустил взгляд на остриё меча, а затем перевёл его на меня.

— Принцесса Амелия, — коротко поклонился он, игнорируя приставленный к горлу клинок. — Принц Тэреон назначил охрану для вас и принцессы Хризалии. Мы следовали за вами с момента его отъезда.

— Принц оставил приказ? Следить за мной?

— Охранять, принцесса. Бесшумно. Он просил убедиться, что вы в безопасности до тех пор, пока он не получит знак, что угроза миновала.

Тёплое чувство разлилось по телу. Тэреон не бросил меня. Он был рядом через своих людей, через невидимый щит. И это признание стало последней каплей.

На следующее утро я вошла в кабинет отца, где пахло сургучом и старой бумагой.

— Я еду в Драугон, — мой голос разрезал тишину, как удар грома. — Официально — культурная делегация. На деле мне нужно поговорить с наследным принцем.

Я повернулась к Палладию, который застыл с отчётом в руках, и добавила, не терпя возражений:

— Готовьте карету. Оседлайте мою лошадь. И пишите письмо в Драугон. Сегодня же. Я уезжаю на рассвете.

— Амелия, это невозможно! — вскричала королева-мать. — Нужно обсуждение в совете!

— Я больше не обязана ждать ваших обсуждений, пока меня держат за спинами тайной стражи, как хрупкую вазу! — я почувствовала, как голос превращается в стальную струну.

Норифам, чьё присутствие всегда вызывало у меня зуд под кожей, резко вскочил, обрывая меня на полуслове. Его лицо покраснело от возмущения.

— Этот дракон сбивает вас с пути! Его влияние — яд! Он не вашего уровня, Амелия. Он — опасность!

— Опасен? Знаете, что по-настоящему опасно? Решать за меня, кого мне бояться. Мир рушится, а вы пытаетесь удержать меня за проклятым стеклом!

Зал взорвался. Тишина сменилась хаосом голосов. Старые, убелённые сединами советники, видевшие не одну войну, переглядывались и негромко спорили — в их взглядах я видела тень одобрения. Но молодые карьеристы, те, кому едва перевалило за тридцать, кричали громче всех, требуя благоразумия и «защиты интересов трона».

— Они боятся. Не за меня — за свою власть над послушной куклой, — горько подумала я.

Устав от этого лая, я вскинула руку. И в этот миг по моей ладони пробежало золотистое свечение. Тёплое. Горькое. То же самое золото, что я видел у него. Гул мгновенно стих. Все замерли, глядя на мою руку как на ожившее пророчество. Это была магия рода, дикая и древняя, проснувшаяся во мне как эхо его силы.

Мама подошла ко мне, коснувшись моей щеки.

— Ты всё равно уедешь, да? Даже если я запру тебя в башне?

— Уеду. Но я хочу, чтобы вы проводили меня как будущую королеву, а не как беглянку. В гнетущей тишине раздался голос Айларин, наставницы по дипломатии:

— Письмо будет готово через час. Лошадей оседлают.

* * *

Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар. 400 год после первого вызова печати. Тэреон.

Я перечитывал письмо, пока чернила не поплыли перед глазами: «принцесса Амелия прибудет в течение трёх дней».

В груди дрогнуло. Не страх перед битвой. Не раздражение. Что-то новое, острое, почти чужое для моей выжженной дисциплиной души. Я сжал кулак — пальцы зачесались от желания немедленно что-то делать.

— Лия!

Горничная возникла мгновенно.

— Покои для принцессы. На этаж ниже моих, с окнами на сад. Простыни — из тончайшего льна, серебристо-лавандовые. Цветы — белые лилии, никаких роз. Горничных — только тех, кто умеет молчать. Инону передай: лёгкое меню, лепестки, пряности. И чай из ВилЭссари. Чтобы к рассвету всё было идеально.

Лия кивнула и исчезла. Я прижал ладонь к лицу, пытаюсь унять бег мыслей.

— Зачем я так реагирую? Я не должен волноваться из-за визита принцессы.

— Ты её боишься, что ли? — раздалось за спиной.

Эмир подпирал дверной косяк с той самой невыносимой ухмылкой, которую мне всегда хотелось стереть с его лица тренировочным мечом.

— Это дипломатия. Уважение к госте.

— Ага, конечно. Дипломатия с лилиями и кухней высшей магии? Может, стихи ей почитаешь? Или сразу корону на подушечке вынесешь?

Зориан, стоявший чуть поодаль, тихо хмыкнул, не скрывая лукавого взгляда.

— Если бы я не знал брата, решил бы, что он влюбился.

— Займитесь делом. Оба. Или я отправлю вас встречать её в женских платьях, чтобы вы хоть как-то соответствовали уровню своего разговора.

Эмир расхохотался и утащил Зориана. Когда шаги стихли, я снова повернулся к окну.

— *Влюблён* — слово обожгло горло.

Бред. Не может быть просто влюблённостью — этим легкомысленным чувством, о котором поют менестрели. Это нечто древнее, тяжёлое.

Я смотрел на серые скалы Драугона и понимал: всё изменилось в тот миг, когда магия отозвалась на её имя. Она не просто гостя. Она — та, чья судьба переплетена с моей в неразрывный узел. Идеальный порядок в её покоях я делал это не из вежливости. Я готовил дом для женщины, которая должна стать его частью. Женщины, с которой мне предстоит делить трон, постель, вечность. Женщины, которая станет матерью моих детей и продолжением рода.

От этой мысли перехватило дыхание. Я привык контролировать всё — от границ королевства до собственного сердцебиения, но сейчас контроль ускользал. Она едет сюда. В мой дом. В мою жизнь. И я уже не просто хочу этого — я в этом нуждаюсь.

Из коридора донеслись ехидные голоса братьев:

— Он что, с ума с Мором сорвался? Будто не принцессу ждёт, а возвращение королевы Фирги. Я думал, он сейчас прикажет разбить фонтан из лепестков прямо в её комнате.

— С ума сошёл. Бедные горничные.

Они, продолжая обмениваться колкостями, свернули за угол и тут же резко притормозили. Навстречу им вышла Аурелия. Услышав их насмешливый тон, она опасно сузила глаза.

— Что вы тут веселитесь, будто вам позволили не ехать на бал?

— О, ты бы видела нашего вечно сурового Тэреона. Он в таком восторге, что, кажется, готов весь этаж превратить в алтарь. У него аж глаз дёргался, когда он выбирал между лавандовым и жемчужным шёлком для простыней.

— Амелия едет? Сюда? — сестра не стала дослушивать. Развернулась и поспешила вниз. — Я сама всё проверю! Этим остолопам доверять — только перья по полу раскидывать.

Она ворвалась в комнаты прислуги, голос звучал властно и чётко:

— Эва! В покои принцессы — лилии и ирисы, аромат едва уловимый. Блю! Шторы выглаживать идеально, под цвет постели. Кира! Балкон вычистить, чтобы дышала свежим воздухом, а не паутиной. Всё должно быть безупречно. Это её первый шаг в этом доме.

Даже Эмир, пробравшийся следом, уважительно хмыкнул:

— Я не говорил, что это Амелия, но ты права. Тагтаук будет тобой гордиться.

Два дня пролетели как в горячечном бреде. Я поднял на уши весь дворец. Аурелия, мой штормовой напарник, не отставала ни на шаг. Мы носились по коридорам, точно одержимые — только взрослые наследники обычно не кричат на поваров и не перепроверяют личные дела прачек.

— Аурелия! Списки слуг в её покои! Кто назначен? — кричал я через ползала.

— Уже проверяю! Если хоть одна сплетница окажется ближе чем на десять шагов к её двери — это будет твоя вина!

Главный повар Инон страдал молча. Но когда я в сотый раз заглянул к нему на кухню, он воздел руки к небу:

— Милость Четверых, мой принц! Семь блюд? Зачем семь? Вы мне сердце вынете раньше, чем эта девушка переступит порог!

— Семь — символ гармонии, Инон. У неё должно быть всё лучшее.

— Лучшее? — он схватился за грудь, закатил глаза. — О, святая Фина, дай мне сил не упасть в обморок прямо здесь, у плиты.

— Ты справляешься.

— Я справляюсь? Я молюсь, чтобы она была голодная, как дракон, иначе моя репутация погибнет!

Отец и мама старались не попадаться нам на глаза. Но однажды я ворвался в Главный зал:

— Где списки? Кто проверял охрану? Кто осматривал слуг?

Мама медленно приподняла бровь:

— Ты хочешь лично проинспектировать всех? От придворных врачей до младших прачек?

— Всех!

Отец проводил меня тяжёлым взглядом и тихо произнёс, повернувшись к матери:

— Кажется, мы его потеряли.

Мама мягко улыбнулась и накрыла ладонью руку мужа:

— Тэреон так долго искал её. Неужели ты думал, что наш сын, найдя свою судьбу, просто приведёт её во дворец, не проверив каждый камень? Он — Дракон. А Драконы создают для своей пары идеальный мир.

Отец тяжело вздохнул:

— Я просто забыл, как это бывает шумно. Надеюсь, к её приезду во дворце останется хоть один придворный, которого Тэр не сведёт с ума.

Мама чуть склонила голову набок и, улыбнувшись, лукаво посмотрела на мужа:

— А сам помнишь, что вытворял ты, когда добивался меня? Весь твой полк тогда неделями не спал.

Король медленно встал, нависнув над женой, и в его глазах вспыхнуло то же пламя, что жгло моё сердце.

— Я помню всё, Сирена. И ни капли об этом не жалею.

Он наклонился и запечатлел на губах супруги короткий, властный поцелуй, ставя точку в их споре.

А я действительно потерял голову. В тот вечер я достал из гардероба парадные одежды — те, что надеваю разве что на Великий бал. Пальцы медленно поглаживали тяжёлую застёжку. Аурелия тем временем отчитывала двух перепуганных служанок:

— Нет! Этот аромат слишком резкий. Мы встречаем принцессу, а не пытаемся её отравить! Где лаванда и мята? А ты! Шторы не отглажены. Ясно дала понять: всё должно быть идеально.

Заметив меня, сестра обернулась:

— Тэреон, если ты ещё раз приведёшь в эти покои кого-то без моего согласования, я лично скормлю тебя Фламменель.

— Думаю, Мору это не понравится. С каких это пор ты стала верховным хранителем порядка?

— С тех самых, как ты превратился в полнейшее безумие.

Я не стал возражать. Пусть я и правда сошёл с ума. Если ценой этого безумия будет она — я готов заплатить.

На рассвете пришло известие: она будет здесь через час. Я дважды перечитал письмо, натягивая маску спокойствия, хотя мысли метались, точно пойманные птицы. Лицо — непро ницаемое, как скалы Драугона. Всё готово: вычищенные лестницы, гордые знамёна, замершая у входа семья.

И вот в лучах осеннего солнца показалась процессия.

Амелия появилась в платье цвета выдержанного вина — истинного оттенка нашего края. Тяжёлый бархат подчёркивал каждый изгиб. Но настоящим вызовом стали волосы: распущенные, тёмные волны рассыпались по плечам, будто в них всё ещё играл горный ветер. Дерзко. Почти мятежно для официального визита.

Я замер. Не мог дышать. Она изменилась — сбросила прежнюю скорлупу, позволив истинной сути выйти наружу.

Я очнулся, только когда она оказалась в нескольких шагах и склонилась в реверансе перед моей семьёй. А когда выпрямилась, её взгляд скользнул по братьям и замер на мне. Я не отвёл глаз. Стоял неподвижно, пожирая её взглядом, впитывая каждый дюйм этой новой, обжигающей красоты.

— Ваше Высочество — голос прозвучал мягко и сдержанно.

Торжественная часть пролетела как в тумане. Аурелия увела гостью в покои. А я остался стоять на крыльце, провожая её взглядом с какой-то нелепой, мальчишеской улыбкой. Ужасно не по-королевски. Но в ту секунду мне было всё равно, что подумают советники или братья. Главное — она здесь. И теперь между нами больше не было стен Альмерина.

Глава 8. Секрет

*«Говорят, безумие — идти в логово дракона без меча.
Но куда большее безумие — признать,
что только в этой клетке ты чувствуешь себя в безопасности».*

— Принцесса Амелия, Наследная принцесса Флоретии

Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар. 400 год после первого вызова печати. Тэреон.

Аурелия шагала впереди, её голос мерно струился под монументальными сводами — спокойный, ровный, как и положено хозяйке, провожающей гостью. Она говорила о камнях и веках, о том, как гранит помнит шаги первых королей, но Амелия слушала сам замок. Здесь всё дышало первобытной силой: колонны, уходящие в полумрак, витражи, дробящие утренний свет на алые и золотые блики. Они не давили — они приветствовали её тихим гулом древней магии, который Амелия ощущала каждой клеткой.

Они остановились перед дверями из тёмного дерева. Резные драконы скалились со створок, их гранатовые глаза вспыхивали живым огнём. Аурелия толкнула дверь, и та поддалась бесшумно — в Драугоне даже тишина была знаком высшего порядка.

Амелия шагнула внутрь. И окунулась в иной мир.

Здесь не было удушливой тяжести Флоретии — только высокие своды, наполненные воздухом, и серебристый тюль на окнах, струящийся призрачной дымкой. В глубине покоев высилась кровать под алым балдахином, отливающим золотом, точно закатное небо. Воздух пах лавандой и благородным деревом — терпко, свежо, успокаивающе.

— Это ваши покои, — Аурелия остановилась на пороге, позволяя гостье осмотреться. — Надеюсь, вы найдёте здесь покой.

— Благодарю, — Амелия встретила её взгляд спокойно, без излишней теплоты, но и без холодности. С достоинством, подобающим наследнице престола. — Вы очень добры.

— Доброта здесь — редкость. Но ради гостьи можно сделать исключение.

Аурелия представила горничных — Лиссу и Мэриэль. В их взглядах не было колючего любопытства, к которому Амелия привыкла во Флоретии, только спокойная готовность служить.

Когда двери закрылись, Амелия шагнула к окну и распахнула тяжёлую ткань. Балкон парил над бездной. Под ней до самого горизонта расстилались изумрудные макушки елей, прошитые туманными лентами троп. Вдалеке курились дымки городка, а первые лучи солнца медленно разрывали утреннюю вуаль.

Опершись на кованые перила, Амелия сделала глубокий вдох. Здесь пахло жжёным деревом, холодным камнем и той пронзительной свободой, от которой кружилась голова. Это величие пугало, но странным образом казалось родным.

— Вы голодны? — голос Аурелии за спиной прозвучал мягко. — Или хотите ещё немного побыть здесь?

— Я поела бы, — Амелия обернулась. — И спасибо, что встретили. Что не оставили одну.

— Вы — гостья Драугона. А мы умеем встречать. — Аурелия сделала шаг назад, пропуская её вперёд. — Пойдёмте. Инон, наш повар, ждёт не дожждётся, когда вы оцените его творения.

Они прошли в главный зал, залитый золотым светом. На столах из тёмного ореха, среди живых цветов, ждали угощения, ароматы которых дурманили: тёплые булочки с маком, мёд акации и пряные фрукты. Но главным был подарок шефа — золотистые ломтики горного трюфеля в медовой глазури с хвоей.

Сам повар — добродушный лысый мужчина с роскошными усами — стоял поодаль, затаив дыхание. Увидев, что гостья выбрала его блюдо, он просиял и низко склонился.

— Сам подбирал специи, принцесса. Хотелось, чтобы вкус был тёплым, но неожиданным. Как само утро в нашем доме.

Амелия поднесла кусочек к губам. Хвоя, мёд и терпкая земля — это был вкус Драугона. Вкус жизни, в которой её больше не пытались сломать.

— Оно действительно удивительное.

— *Это ты удивительная*, — промелькнуло в моей голове.

Аурелия наблюдала за гостьей молча, и в её взгляде читалось что-то тёплое, почти сестринское, но она не позволяла себе лишнего. Сдержанность, с которой она держалась, была не холодностью, а уважением к чужой дистанции.

Спустя несколько минут в зал вошёл король. Его движения были скупыми и уверенными, как у человека, привыкшего повелевать горами. Взгляд короля сразу нашёл Амелию, и он едва заметно склонил голову.

— Добро пожаловать в ДарКсар, принцесса.

— Благодарю за приём, Ваше Величество.

Какое-то время беседа текла в спокойном русле дорожных новостей и погоды, но внезапно Эдгар отодвинул чашу с чаем и посмотрел на неё иначе — не сурово, но с пронзительным интересом, проникающим под кожу.

— Скажите мне откровенно, дитя Цветочного Королевства С какой именно целью вы решили посетить нас? Что вы надеетесь найти здесь или, быть может, изменить?

— Я приехала не как гостья, а как представитель нашего союза. Я хочу понять, с кем мы собираемся делить будущее. Не по письмам и сухим докладам, а по глазам, голосам и поступкам. Я хочу стать частью этого мира если он примет меня.

— И надолго ли вы здесь, Амелия?

— Настолько, насколько потребуется, чтобы узнать правду. Или пока меня не попросят уйти.

Эдгар приподнял бровь и коротко усмехнулся, бросив мимолётный взгляд в сторону меня.

— Скажу одно: вы точно дочь своей матери. Сильная. Остальное покажет время.

Он вновь взял чашку, давая понять, что допрос окончен. Аурелия весело подмигнула гостье с другого конца стола, а Инон снова спрятал улыбку в усы. Кажется, принцесса только что выиграла свой первый бой в ДарКсаре.

Всё это время я сидел на другом конце длинного стола, почти не прикасаясь к еде. Мир сузился до одной точки — до неё. Я наблюдал, как принцесса держит спину, как её тонкие пальцы касаются приборов. Взгляд у Амелии был прямым, но в глубине зрачков иногда мелькала настороженность — тонкого льда, готового треснуть под тяжёлым взглядом. Она старалась держаться с достоинством, и, видит небо, это получалось у неё чертовски хорошо.

Неподалёку от меня пристроились Эмир, Зориан и Драксарий. Эти трое, как всегда, были неразлучны. Они вполголоса обсуждали дела, но я чувствовал их внимание спинным мозгом — так чувствуют приближение дракона или затаившегося в тени противника. Зориан усмехнулся и покачал головой, пригубив из кубка.

— Десять золотых, что он сам заговорит с ней до конца завтрака.

— Не заговорит, — так же тихо, но с явным азартом отозвался Эмир. — Это же Тэреон. Он скорее составит план осады Лиэстэрии в уме, чем выдаст хоть один комплимент.

— Ладно, ты выиграл, — услышал я разочарованный вздох Зориана. Видимо, моё гробовое молчание лишило его веры в мои социальные навыки.

— Принц Тэреон, — вдруг произнесла Амелия. — Вы так молчаливы. Это осторожность или просто привычка?

Я медленно поставил бокал на скатерть, полностью разворачиваясь к ней. Зориан и Эмир в этот момент, кажется, синхронно подавились воздухом, сдерживая дикий хохот.

— Привычка. Осторожность обычно проявляется в другом.

— Например?

— В выборе, кому стоит отвечать, а на кого не стоит тратить слова.

— Тогда мне повезло, что вы решили ответить мне, а не бокалу с вином.

— Возможно. Или, наоборот, бокалу повезло бы больше.

Эмир закашлялся, поспешно закрывая рот ладонью и отворачиваясь к окну. Зориан и вовсе сделал вид, что уронил нож, и нырнул под стол, чтобы скрыть трясущиеся от смеха плечи. Драксарий лишь тяжело вздохнул и с обречённым видом откинулся на спинку стула.

— Великие боги, — пробормотал младший наследник. — Этот завтрак станет легендой, о которой будут шептаться веками.

Аурелия, сидевшая напротив, ударила меня ногой под столом. Я даже не вздрогнул, лишь перевёл на неё тяжёлый взгляд. В глазах сестры полыхало обещание скорой и мучительной расправы, но Эмир, почувствовав, что атмосфера накалилась до предела, решил «разрядить» обстановку своим фирменным способом:

— А что же прекрасная принцесса Хризалия? Почему она не почтила нас своим визитом?

— С ней всё хорошо. Сейчас она в провинции Элбормин, занимается подготовкой к зимнему Совету.

— М-м-м. Значит, вы здесь одна... в разведке? Или она всё же решится заглянуть к нам позже?

— Я здесь с официальной миссией. А моя сестра предпочитает не соваться в логово драконов без крайней необходимости.

В зале повисла тишина. Та самая, когда воздух становится плотным, а каждое движение — слишком громким.

Эмир замер с поднесённым ко рту кубком, так и не сделав глотка. Зориан медленно перевёл взгляд на меня — в его глазах застыло что-то между удивлением и немым вопросом: «Она вообще понимает, что сказала?» Драксарий, до этого ковырявший вилкой в тарелке, поднял голову и посмотрел на Амелию с каким-то новым, почти детским любопытством. Аурелия перестала жевать и замерла с вилкой на полпути ко рту.

Даже король Эдгар, всегда невозмутимый, чуть приподнял бровь — и тут же опустил, пряча реакцию за глотком чая. Королева Сирена мягко улыбнулась в свои мысли, не проронив ни звука.

Никто не сказал ни слова. Потому что каждый из них думал об одном и том же: это «логово» станет её домом. Она просто ещё не знает.

— Эмир, хватит провокаций, — наконец подал голос отец. — Если есть вопросы по делу — задавай. Если нет — молчи.

Но для моего брата это и было «самым важным делом». Завтрак подошёл к концу, Амелия поднялась, грациозно поклонилась моим родителям и произнесла:

— Прошу прощения, Ваше Величество. Путь был долгим, и мне бы хотелось немного отдохнуть.

— Конечно, дитя. Иди.

Я поднялся вслед за ней, но замер. Мой взгляд столкнулся со взглядом Сифоса — личного стража Амелии. Он стоял тенью, рука на эфесе, а в глазах — холодное недоверие к стенам ДарКсара. Для него мой дом был вражеской крепостью.

Я незаметно кивнул своим людям. Троицким лучшим. Их задача была проста: стать невидимым вторым кольцом вокруг Амелии, страхуя Сифоса там, где южанин мог не учуять угрозу наших гор. Через несколько минут Сифос остался у дверей, смерив моих воинов тяжёлым взглядом — он не впустил внутрь никого. Даже меня.

Амелия оказалась в тишине. На мраморном столике её ждал свежий букет полевых цветов, принесённый, пока мы завтракали. Она коснулась лепестков, вдохнула их аромат — и мир качнулся.

Густой, липкий туман мгновенно затопил разум. Силы вытекли из тела, будто кто-то разом оборвал нити жизни. Она потянулась к двери, чтобы позвать Сифоса, но ноги стали ватными. Беззвучно, без единого стога, принцесса рухнула на изумрудный диван. Тихий шорох бархата — и её дыхание начало затихать, становясь всё реже с каждой секундой.

В это время я был на тренировочной площадке. Солнце жгло плечи, но мне было холодно. В десятый раз я поднимал меч, и сталь казалась непривычно тяжёлой. Движения стали вязкими, словно я сражался в густой воде.

В груди кольнуло — резкая, холодная игла тревоги. Что-то было не так. Золотой блеск Хранителя в моих глазах на мгновение вспыхнул, отражая не свет солнца, а надвигающуюся тьму.

— Опять сбились с баланса, — мастер Дразегиас подошёл ближе. — Левую ногу выносите быстрее. Вы как будто в мыслях где-то в другом месте, мой принц.

— Может, и так. Не каждый день принимаешь у себя дома будущую жену, чьи глаза видят тебя насквозь.

— Тогда не упустите момент. В бою слишком долгие размышления — это смерть. В жизни — вечное сожаление.

Я не ответил. Снова выпад, на этот раз яростнее, до хруста в суставах. Час за часом я изнурял себя, пытаюсь заглушить физической болью странный, тягучий гул в крови. Это было драконье чутьё — древний инстинкт, который каждые пять минут заставлял меня оборачиваться в сторону северного крыла. Внутри всё сжималось в холодный узел. Магия под кожей пульсировала рваным, тревожным ритмом. Я порывался бросить меч и бежать к ней, но одёргивал себя: ворваться в спальню гости без приглашения — значит прослыть дикарём и навсегда спугнуть её доверие. Я обязан был ждать.

Закончив тренировку, я вышел с площадки, вытирая пот со лба. Взгляд скользнул по стражникам, застывшим вдоль стен, и вдруг — замер.

Один из них стоял слишком прямо. Слишком неподвижно. Под глухим шлемом не было видно лица, но что-то в его позе, в том, как он слегка сместил вес на одну ногу, показалось мне до боли знакомым.

Я сделал шаг в его сторону. Стражник не шелохнулся. Ещё шаг — и я остановился прямо перед ним.

— Сними шлем, — тихо сказал я.

— Ваше Высочество? — голос из-под забрала был приглушённым, но в нём сквозило притворное недоумение.

— Я сказал — сними.

Стражник медленно поднял руки к шлему. Стянул его. Из-под железного забрала на меня смотрело лицо, которое я знал с детства.

— Тарен, — выдохнул я сквозь зубы. — Какого чёрта?

— Тише, — он поднёс палец к губам и кивком указал в сторону. — Пройдём за двор. Там поговорим.

Я молча развернулся и пошёл к заднему двору, чувствуя, как он следует за мной. Только когда мы оказались за стеной, в тени, где не было лишних ушей, я резко обернулся.

— Объяснись. Ты сказал всем, что уезжаешь на месяц. Что ты здесь делаешь?

— Уехал. И вернулся.

— Зачем?

— Видение. Такое сильное, что я развернул коня посреди ночи и гнал обратно, не останавливаясь.

— И что ты увидел?

Тарен посмотрел на меня. В его глазах, обычно насмешливых, сейчас была только тяжесть.

— Тень, Тэреон. Я видел тень. Она стояла в коридоре дворца Флоретии. Сначала я думал, что это один человек. Но потом — он сглотнул. — Потом она разорвалась пополам.

— Что значит «разорвалась»?

— Буквально. Одна фигура разделилась на две. И они пошли в разные стороны. В разные концы коридора.

— И что в этом такого? Магия, иллюзия

— У обеих были золотые глаза, — перебил меня Тарен. — Яркие, светящиеся в темноте. Такие же, как у тебя.

— Ты единственный, кого я знаю с такими глазами. Хранители Драугона, да. Но сейчас — только ты. Я сначала решил, что это ты. Что ты пришёл к ней ночью, что всё в порядке

— И?

— И я понял, что это не ты. Или не совсем ты. Тэреон, одна из них повернулась ко мне. И у неё было твоё лицо. Твои глаза. Но взгляд — чужой. Холодный. Такой, каким ты никогда не смотришь.

— Ты уверен?

— Я никогда не был так уверен ни в чём. Слушай. Я не знаю, что это значит. Может, пророчество. Может, предупреждение. Но кто-то или что-то пытается тебя заменить. Или подделать.

— И куда они пошли? Те две тени?

— Одна — к покоям принцесс. Другая — в сторону тронного зала. Береги её, Тэреон. И береги себя. Потому что, если та тень доберётся до неё раньше тебя я не знаю, сможешь ли ты их различить.

Он поднял шлем, надел его, кивнул мне и растворился между строениями. Я остался стоять, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

На обед Амелию не пригласили, решив дать ей отдохнуть. Но к ужину моё беспокойство переросло в тихую панику. Воздух вокруг стал густым, как смола. Мне стало трудно дышать. Каждый вдох давался с трудом, словно лёгкие заполнял тот самый туман, в котором сейчас тонула она.

Я чувствовал её и больше не мог позволить этикету стоять на моём пути.

— Где Амелия?

— Она, вероятно, всё ещё отдыхает, — спокойно отозвалась Аурелия.

— Уже вечер, Аурелия. Она спит слишком долго.

— Думаешь, я не умею следить за временем? Я проверю её, когда сочту нужным.

— Проверь. Немедленно!

— Не смей мне приказывать, Тэреон. Я сама решу, когда

— Пожалуйста. Пожалуйста, Аурелия. Умоляю.

В её глазах мелькнуло что-то — удивление, смешанное с тревогой. Она впервые видела меня таким. Аурелия не стала спорить. Нехотя, но быстро кивнула и направилась к выходу. Я последовал за ней, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в висках ударом молота.

— Тэреон, — бросила она на ходу, не оборачиваясь. — Если она просто спит — я тебя убью. Сам знаешь.

— Убьёшь. Я согласен.

Эти слова вырвались сами. Аурелия на мгновение замерла, но промолчала. Она понимала.

Ключи от покоев Амелии были только у неё самой и у Аурелии — «на всякий случай», как я настоял при подготовке. И сейчас я каждой клеткой тела чувствовал: этот случай настал.

Перед дверью, словно изваяние из серого гранита, высился Сифос. Его преданность Амелии поражала меня почти так же сильно, как и его непоколебимость.

— Принцесса выходила? — бросил я, едва сдерживая желание ворваться в покои.

— Нет, принц Тэреон. Покои закрыты изнутри. Её Высочество просила не беспокоить.

Я сделал шаг вперёд. Но Сифос преградил мне путь.

— Мой приказ касается всех.

Я почувствовал, как зрачки обожгло знакомым жаром. В глазах начало темнеть, оставляя лишь узкий багряный коридор ярости.

— Тэр, тише, — Аурелия коснулась моего локтя. — Я сама. Жди здесь.

Она прошла мимо стража — её он пропустил, лишь коротко склонив голову. Я замер, вцепившись пальцами в косяк. Связь внутри натянулась, как струна перед обрывом.

Сестра скрылась за дверью, и время превратилось в густой дёготь. Тишина, выплеснувшаяся из комнаты, не была покоем — это была могильная, давящая пустота, от которой моё внутреннее пламя испуганно притухло.

— Амелия? — голос Аурелии дрогнул. — Амелия! О боги! Лекаря! Быстро!

Сифос рванулся внутрь первым — стремительно, без единого звука. Я не пытался его остановить. Не до того было. В его взгляде, мелькнувшем на мгновение, не было страха передо мной. Там был ужас человека, который видел, как по капле утекает жизнь, которую он поклялся беречь.

Я бросился следом. Реальность схлопнулась до одной точки — до изумрудного дивана, на котором в страшной, липкой неподвижности затихала та, что стала моим вторым дыханием. Каждое её мимолётное, хриплое усилие вдохнуть отдавалось во мне физической болью. Она ещё была здесь, но уже касалась пальцами тени.

Через минуту дворец ДарКсар содрогнулся от топота. Яхот — наш лучший лекарь — влетел в покои, едва удерживая сумку.

— Что случилось? Где она?

— Она просто лежит и почти не дышит! Я не знаю, как это вышло! — голос Аурелии сорвался, и я впервые услышал в нём панику.

Лекарь уже был на коленях у дивана, профессионально осматривая зрачки и пульс гостьи. Он коротко принохался к её губам.

— Яд. Тонкий состав, действует через слизистую. Нужно противоядие, немедленно.

— Живо! — взревел я, оборачиваясь к страже. — Сюда всех горничных! Тех, кто готовил покои — в первую очередь!

Король и королева вошли в комнату почти одновременно. Увидев бледную, как смерть, Амелию, отец тяжело выдохнул.

— Что за чертовщина, Тэреон? Что здесь произошло?

— Кто посмел тронуть её в нашем дворце? — мама сжала кулаки так, что побелели костяшки. — Это неслыханно.

— Я не знаю. Но клянусь всеми драконами, я лично прикончу того, кто это сделал.

В комнату втянули горничных. Они дрожали, прижимая руки к лицам.

— Кто из вас ставил цветы?! — хрипло спросил я. Гнев настолько сдавил горло, что я едва мог говорить.

— Я — Лисса сделала шаг вперёд.

— Где ты их взяла?

— У северной оранжереи Садовник сказал, это особый сорт для неё

— Имя!

— В капюшоне был я не видела лица

Аурелия, стоявшая у изголовья, вдруг тихо сказала:

— Тэреон. Она дышит. Ей уже лучше.

Я резко обернулся к страже:

— Закрыть северную оранжерею! Всех, кто там был — под стражу! И найдите мне этого ублюдка!

Амелия вдруг слабо застонала, её пальцы едва заметно дрогнули. Яхот, только что вливший ей эликсир, облегчённо выдохнул:

— Живая

Я тут же опустился на колени перед диваном, наплевав на то, что на меня смотрят родители, на застывшую в дверях стражу и на тяжёлое дыхание Сифоса. В этот миг в мире существовала только она — и эта пугающая, мертвенная бледность её кожи. Я осторожно взял её ладонь в свои руки, сжал пальцы, стараясь передать ей хотя бы каплю своего жара, своего пламени, которое сейчас исступлённо билось в груди.

Тонкий рукав её платья немного задрался, обнажая запястье, и моё сердце на мгновение пропустило удар. Там, на тонкой коже, тускло блеснул металл. Браслет. Она не выбросила его, не спрятала в шкатулку — она носила его.

Этот холодный блеск ударил меня сильнее, чем недавняя тревога. Она приняла мой дар. Она искала в нём защиту, а я я не успел.

— Амелия, — выдохнул я, почти касаясь лбом её пальцев. — Вернись. Слышишь?

Метка на моей ладони вспыхнула с новой силой, и в этот раз боль была не острой, а тягучей, словно моё золото пыталось просочиться под её кожу, чтобы вытолкнуть этот холод обратно.

— Я найду каждого, кто к этому причастен, Амелия. Теперь я сам буду твоей тенью. Если понадобится, я ни на метр не отойду от тебя, пока ты здесь. Ты под моей защитой.

Расследование завершилось быстро. Мы выяснили, что цветы были отравлены ещё до того, как попали к Лиссе. Те, кто мог это проверить, уже покинули дворец или затаились под чужими именами.

— Лепестки Где я

— В безопасности, — раздался глубокий, ровный голос.

Это был мой отец. Король Эдгар сидел в кресле у изножья кровати — он простоял на страже всю ночь, не позволяя себе сомкнуть глаз.

— Ты была отравлена, — добавила мама. — Но наши лекари успели. Ты оказалась сильнее, чем мы смели надеяться.

Амелия огляделась. В комнате было ещё трое: Драксарий, Лилия и я. Я стоял у самого окна, застыв в тени, словно не решаясь подойти ближе.

— Я должна — Амелия попыталась встать, но ноги тут же подкосились.

Я сорвался с места прежде, чем она успела упасть, сел на край кровати прямо позади неё, подпирая её спину своим телом, давая опору, чтобы она могла сидеть.

— Ты едва дышала несколько часов назад, — прошептал я ей в самое ухо.

— Но я жива. И мне нельзя лежать, пока тот, кто сделал это, разгуливает на свободе. Я должна знать, кто за этим стоит.

— Допрос окончен, принцесса Амелия, — мягко вмешалась Лилия. — Это не Лисса.

— Это попытка начать войну, — Амелия стиснула зубы, и в её глазах вспыхнул опасный блеск. — Или предательство. Я хочу видеть всех. И Лиссу тоже. Я поговорю с ней лично.

Мама встала и подошла к кровати, положив руку на плечо Амелии:

— Ты только что вернулась с того света, девочка. Тебе нужен покой.

— Сейчас мне нужна правда. Кто-то пытался убить меня в вашем доме. Я не сомкну глаз, пока не узнаю, кто это.

Драксарий, до этого хранивший молчание, шепнул Лилии:

— Она пугает меня похлеще отца

Король Эдгар вдруг негромко рассмеялся и закинул ногу на ногу — жест, который я невольно повторял за ним всю жизнь.

— Это потому, что у неё кровь из чистого огня, а воля высечена из камня. Ты попра-
вишься, Амелия. Но пообещай: сначала отдых, а завтра — допросы.

Амелия посмотрела на меня. Её глаза были как тихий, укрытый пеплом огонь — не
яркий, но обжигающе тёплый. В ту секунду я хотел только одного: сжечь весь мир, если это
потребуется, чтобы она никогда больше не чувствовала боли.

— Один день. Не больше.

Сказав это, она снова начала проваливаться в сон, так и не отстранившись от меня. Её
голова тяжело опустилась мне на плечо. Я чувствовал, как её дыхание становится ровным, но
её ладонь всё так же крепко сжимала мою, будто даже во сне она боялась потерять эту связь.

— Выйдите, — тихо попросил я.

Когда дверь за семьёй и советницей закрылась, я остался со своей судьбой наедине. Осто-
рожно, почти не дыша, я подхватил её на руки и уложил на подушки. Откинул выбившуюся
прядь со лба, укрыл одеялом, стараясь не потревожить её покой. Но когда я попытался осто-
рожно высвободить свою ладонь, она вдруг забормотала. Это был нечёткий, пугающий шёпот
человека, всё ещё блуждающего в кошмарах яда.

— Только не оставляй меня — её пальцы судорожно сжались на моей руке. — Слышишь?
Тэ пожалуйста, не оставляй.

— Я не оставляю. Слышишь? Ни за что не оставляю свою будущую жену одну. Больше
никогда.

Я смотрел на её приоткрытые губы, на беззащитный наклон шеи, и внутри поднялась
волна такого нестерпимого желания защитить и присвоить, что я невольно начал наклоняться
к ней. Расстояние сократилось до считанных сантиметров. Я уже чувствовал её слабое, преры-
вистое дыхание на своих губах. В последний момент я заставил себя замереть.

— *Дурак. Она без сознания, едва не погибла, а ты пользуешься её слабостью?*

Я сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони — эта боль помогла отрезветь.
Она доверилась мне, а я едва не предал это доверие своим малодушием. Не выпуская её руки,
я замер на краю кровати, готовясь охранять её сон до самого рассвета.

Когда в предрассветных сумерках пальцы Амелии на мгновение дрогнули и сжались
крепче на моей ладони, я наконец выдохнул. Она была жива, в безопасности и в этот бесцен-
ный миг — только моей.

На следующий вечер я вошёл к Амелии и задержал на ней взгляд чуть дольше, чем поз-
воляли приличия, но всё же не решался подойти вплотную.

— Ты хорошо выглядишь.

— Благодаря вашему лекарю. Без него я бы

— Не говори так. Мы бы в любом случае нашли способ вытащить тебя.

На мгновение между нами повисло напряжение, тугое и острое, как натянутая тетива.

— Это не Лисса, — повторил я слова советницы. — Она призналась, что у неё был инте-
рес не ко мне. К Эмиру. Но яд — это не её почерк. Слишком тонко для неё. Слишком умно.

— В тебя, должно быть, всё королевство влюблено, — в голосе Амелии скользнула
усмешка. — И в твоего брата, как выясняется.

— Я не несу ответственности за чужие фантазии. — Я пожал плечами. — Но я виноват в
том, что не заметил, как яд ползёт не только в цветах, но и в тихих голосах за нашими спинами.

— Зависть? — Амелия приподняла бровь. — Чему тут завидовать, Тэреон? Тому, что
меня пытались отправить в могилу в первый же день? Или тому, что я жива и всё ещё здесь?

Я сделал шаг и медленно наклонился к ней, оперевшись ладонями о простыни прямо у
её ног. Теперь наши лица были совсем рядом, и я видел, как расширились её зрачки от такой
внезапной близости.

— Они завидуют не яду, Амелия. Они завидуют интересу к тебе.

— Ваш интерес чертовски дорого обходится моему здоровью, принц. Может, в следующий раз вы будете смотреть на меня чуть менее выразительно? Ради общего блага.

Я не смог сдержать короткий смешок, отстраняясь. Её самообладание восхищало меня всё больше. Но взгляд Амелии тут же снова стал серьёзным, когда она вспомнила о цели своего визита.

— Значит, кто-то очень не хочет видеть меня живой. И это больше не просто ревность. Это страх перед тем, что союз между нашими королевствами станет реальностью.

— Тогда нам нужно действовать быстро. Пока враги надеются, что ты сломлена, ты должна показать им обратное.

— Я хочу видеть всех, кто собрался на Совет. Пусть каждый в этом дворце узнает: я жива. И я не отступлю ни на шаг.

— Я распоряжусь, чтобы тебя сопровождали.

— Нет, Тэреон. Я пойду сама. И я хочу, чтобы ты был рядом. Но не как мой защитник, а как свидетель.

— Свидетель чего?

— Моей воли. Моего решения идти до конца. Даже если на этом пути меня снова будет ждать яд.

Собрание в Зале Звёзд проходило на повышенных тонах: обсуждали яд, удар по союзу и необходимость немедленно вызвать короля Джарета. Но когда тяжёлые створки дверей с грохотом отворились, по залу пролетел вздох, похожий на шелест сухой листвы.

Амелия вошла сама. Пугающе бледная, осунувшаяся, она держалась так прямо, будто в позвоночник ей вставили стальной клинок. Она выверяла каждый шаг, сражаясь с собственной слабостью. Я шёл на полшага позади — не касаясь, но держа ладонь у её локтя, готовый подхватить, если её решимость вдруг иссякнет. В звнящей тишине я слышал каждый её прерывистый вдох.

За моей спиной тенью следовал Сифос, буквально впечатывая свой враждебный взгляд мне между лопаток. Он замер у входа лишь тогда, когда мы прошли вглубь, но его рука так и не покинула эфеса меча. В зале воцарилось оцепенение: никто не ожидал увидеть «умирающую» принцессу, восставшую ради правды.

— Не стоит тревожить короля. Я жива. И я хочу знать, кто в этом доме осмелился на подобное.

Амелия заняла своё место, но я не пошёл на своё. Я не сел по левую руку от отца, как подобает наследному принцу. Вместо этого я молча опустился в кресло рядом с ней, будто так и должно было быть. Пока заседание продолжалось, я мысленно молился богине:

— *Чтобы она поправилась. Чтобы она снова улыбнулась. Чтобы мне хватило мудрости добиться её.*

После совета было решено: Амелии нужны покои потише, подальше от суеты двора. Но стоило одному из советников предложить восточное крыло, как я резко выпрямился. Гулкий звук моего голоса пресёк все споры:

— Нет. Подготовьте комнату, примыкающую к моим личным покоям. Немедленно. Пока мы не найдём предателя, она будет под моей защитой.

Советники замялись, но прежде чем они успели открыть рот, вперёд шагнул Сифос. Его доспехи зловеще лязгнули в наступившей тишине.

— Это непозволительно, Ваше Высочество. Покои наследного принца — не место для принцессы Флоретии. Мой долг — оберегать её, и я не смогу выполнять свой долг, если она будет заперта в ваших стенах, куда мне нет свободного доступа.

— Твой долг? Ты уже «оберегал» её, Сифос. И где ты был, когда она задыхалась от яда в собственных покоех? Твоя хваленая бдительность не помогла ей. Ты уже один раз не уследил, и принцесса чуть не погибла прямо у тебя под носом.

Сифос побледнел, челюсти его сжались так, что на скулах заиграли желваки. Я видел, как его пальцы до белизны сдавили рукоять меча, но мне было плевать.

— Больше я такой ошибки не допущу. Она будет там, где я смогу её услышать. А ты встанешь у внешних дверей. Если кто-то из вас, — я обернулся к замершим советникам, — посмеет спорить, я лично доложу королю Джареду, что вы не способны защитить его дочь в собственных стенах.

Спорить никто не решился.

Слуги бросились выполнять приказ: меняли простыни, осматривали стены на наличие скрытых ниш или следов магии. Амелия стояла у окна в оцепенении, молча наблюдая за суетой. Но когда я подошёл и сказал, что всё готово и теперь она будет жить за моей стеной, она буквально взорвалась:

— Что?! Я, по-твоему, младенец в колыбели? Мне действительно нужна нянька?

— Нужна! Раз ты сама себе помочь не в состоянии!

— Я не отдам тебя второй попытке, Амелия. Ни яду, ни мечу. Ты будешь там, где я смогу услышать твой вдох, если тебе станет плохо. Это не обсуждается.

— Второй?..

— Третьей. Никакой попытки больше не будет.

Амелия подняла подбородок, но, ничего не ответив, направилась в новую комнату. Сделав шаг через порог, она внимательно осмотрелась. Обернувшись ко мне в дверях, прищурилась:

— Надеюсь, ты не собираешься проверять каждый мой вдох?

— Только если ты решишь умереть мне назло.

Она закатила глаза и скрылась за дверью. После того случая Амелия выстроила вокруг себя крепость: проверки, горничные и никаких визитов без приглашения. Холод между нами стал почти осязаемым. Чтобы хоть как-то его растопить, я, сам от себя не ожидая, нацепил маску Эмира — его наглую ухмылку и дурацкие интонации.

Привалившись к косяку, я проорал в закрытую дверь:

— О, свет моих очей! О, неземное величие! Позволь хоть краешком глаза коснуться твоего сияния, иначе моё сердце засохнет, как сад без росы!

— Тэреон? С тобой всё в порядке? Это это ты?

— Это чувства говорят во мне! Позволь хотя бы оставить у твоего порога розу, чьи лепестки бледнеют перед твоим румянцем

— Тэреон, это сушёная морская звезда.

Я представил, как она хмурится, разглядывая мой «подарок» через щель.

— В моём воображении это была прекрасная роза.

— Ты окончательно тронулся, брат, — раздался за спиной голос настоящего Эмира. Он смачно отвесил мне подзатыльник и ткнул пальцем в мой «дар». — Это морская звезда. Засохшая. Ты только что поднёс девушке дохлую морскую тварь, чёртов романтик.

— Во-первых, не дохлую, а высушенную. По моей просьбе. Мор достал её из воды — это редкость, таких в наших краях почти не встретишь. А во-вторых, она ценит необычное. Тебе не понять тонких материй.

Эмир вытаращился на меня, перевёл взгляд на звезду, потом снова на меня.

— Ты уговорил Моргракса нырнуть за морской звездой. Чтобы подарить её девушке. Которая на тебя злится.

— Именно.

— Ты точно сошёл с ума.

Он ушёл, выразительно крутя пальцем у виска. А я ещё раз взглянул на свою «розу». Мор старался, выбирал самую красивую — с длинными лучами и тёмно-алым отливом, как закат над океаном. Жаль, что она не оценила.

С того дня Амелия с подозрением осматривала всё, что оказывалось у её двери, ожидая нового странного подношения. А я через пару дней устал притворяться. Все эти наглые реплики были не про меня. Я вернулся к себе прежнему: тихому, спокойному и наблюдательному. Оказалось, что мне хочется нравиться ей по-настоящему. Без чужих масок и засохших морских звёзд, какими бы редкими они ни были.

Однажды ночью я сидел в кресле в своей полутемной спальне, наслаждаясь тишиной. Свет не зажигал — в полумраке мои глаза видели достаточно. Вдруг послышался осторожный скрип смежной двери. Я замер, решив, что это сквозняк, но в комнату проскользнула она.

Амелия держала в руках тяжёлый канделябр. Волосы распущены, ни грамма макияжа, никакой придворной маски — она была настолько настоящей, что у меня перехватило дыхание. Она не заметила меня в тени кресла и на цыпочках прокралась к моему шкафу.

— Наконец-то Замёрзла.

Она потянула на себя тяжёлое шерстяное одеяло. Лямка халата соскользнула с плеча, открывая нежную линию шеи и ключицу. Я видел тысячи обнажённых плеч на балах, но сейчас это было иначе. Слишком лично. Я не мог отвести взгляд.

Амелия резко обернулась, заметив мой взгляд. Канделябр качнулся, свет ударил мне в лицо.

— Ты что здесь делаешь?! — она одёрнула халат, поправляя лямку, и щёки её вспыхнули. — И и не смей так смотреть!

— Сiju в собственной спальне. А вот что делает принцесса Флоретии в покоях чужеземного принца посреди ночи?

— Я замёрзла! И вообще я думала, ты спишь.

— Думала, не замечу, как ты шарить в моём шкафу?

— Я не шарила. Я взяла одеяло. Всего одно.

— Без спроса. Посреди ночи. В покоях взрослого мужчины, — я медленно поднялся из кресла, давая ей возможность оценить разницу в росте. — Причём, заметь, мужчины высокого, крепкого и, как принято считать, весьма привлекательного. Тебе не стыдно?

Амелия попятилась. Один шаг, другой — пока не упёрлась спиной в створку шкафа. Канделябр в её руке дрогнул, отбрасывая пляшущие тени на стены.

— Мне мне холодно было. Я думала, ты спишь. Я бы тихонько взяла и ушла. Никто бы не узнал.

— А теперь узнал. И что ты скажешь, если кто-то войдёт? Увидят наследницу Флоретии в спальне наследника Драгона. В халате. Среди ночи. Я, конечно, понимаю, что я — объект воздыхания половины королевства, но ты могла бы выбрать более подходящее время для визита.

Она вжалась в дерево, но не отвела взгляда.

— Объект воздыхания? Ты сам себе комплименты делаешь, Вальтарис, или у тебя для этого есть специальный советник?

— Я просто констатирую факты. Высокий, крепкий, благородный. К тому же наследник престола и редкая умница, — я усмехнулся. — Неудивительно, что принцессы теряют головы и лезут в мой шкаф за одеялами.

— Я не лезу! Я взяла одеяло! — Она одёрнула халат, поправляя лямку, и в её глазах вспыхнуло негодование. — И вообще ты не настолько хорош, чтобы ради тебя лезли в шкафы!

— А зачем тогда ты здесь, Амелия?

Она замерла. Я видел, как её щёки заливаются румянцем, как она лихорадочно подбирает ответ.

— Я замёрзла!

— Уже говорила.

— И это правда!

— Конечно. — Я сделал шаг назад, давая ей пространство. — Замёрзшая принцесса идёт не за горячим чаем, не за вторым одеялом в собственной спальне, а пробирается в комнату мужчины, чтобы стащить его вещи. Звучит убедительно.

— Тэреон!

Она выпалила моё имя так, будто это было ругательство, и, крепче прижимая к груди добытое одеяло, скользнула мимо меня к двери. Я не стал её останавливать. Только улыбнулся, когда за ней захлопнулась створка.

Я опустил обратно в кресло, чувствуя, как тепло разливается в груди. Самолюбование поутихло, осталась только тихая, глубокая нежность. Её смущение, её попытка сохранить лицо, когда она сама понимала, что оказалась в неловком положении, — всё это было так живо, так настояще, что согрело меня лучше любого одеяла.

Утром я ждал её у двери её спальни. Не специально — просто ноги сами привели меня туда. Комнаты соединялись, и этот короткий переход между нашими покоем стал для меня самым желанным путём во всём дворце. Амелия вышла с одеялом в руках — аккуратно сложенным, перевязанным лентой. Она протянула его мне, стараясь не встречаться взглядом.

— Я вернуть. Оно твоё.

— Знаешь, — сказал я, пряча улыбку, — теперь оно пахнет иначе. Наверное, стоит отдать в стирку.

— Что значит — пахнет иначе?! Я не воняю!

— Я и не говорил, что воняешь.

— Ты намекнул!

— Я просто констатировал факт. Ты в него куталась или в грязи валялась?

— Я укрывалась им! В постели! Чистой! И я не валялась ни в какой грязи!

— Ах да. Твоя любовь к грязи проявилась при другой встрече. У храма, помнишь? Может, привезти тебе ту самую? Она тебе больше понравилась?

Амелия замерла, осознав, что я её подловил. Её щёки горели, глаза метали молнии, но в них уже проскальзывало что-то ещё — смущение, растерянность, искра.

— Ты невыносим.

— Я слышал. А ты можешь оставить одеяло себе.

— Что?

— Оставь, — я протянул его обратно. — Теперь оно официально твоё.

— То есть я могу им пользоваться?

— Ты уже пользуешься.

— Просто так?

— Просто так.

Амелия медленно взяла одеяло из моих рук, прижала к груди и, не сказав больше ни слова, скрылась за дверью. Но перед тем как закрыть её, бросила быстрый взгляд — и в нём не было льда. Я остался стоять у её двери, чувствуя, как тепло разливается в груди. Теперь она не отдаст это одеяло. Никогда.

Поздно вечером мне нужно было задать ей срочный вопрос по делам Совета. Я толкнул дверь и, входя, начал прямо с порога:

— Амелия, у меня срочный во

Слово застряло в горле. Комната была залита призрачным лунным светом. Она лежала на боку, уткнувшись лицом в то самое одеяло. Девушка укуталась в него с таким безграничным доверием, с такой нежностью на её губах играла слабая, безмятежная улыбка. В этот миг мне отчаянно хотелось верить, что во сне она обнимает меня.

— прос.

Рука сама потянулась к карману. Я достал кристалл для снимков — редкую вещь для фиксации моментов истины. Один кадр. Снимок вышел волшебным: тёплым, пропитанным ночной тишиной и её спокойствием.

Я уже собирался уходить, но что-то внутри словно сорвалось с цепей. Я подошёл к кровати, склонился над ней и, затаив дыхание, коснулся губами её виска. Сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица. Я безумно хотел поцеловать её в уголок губ, но не посмел. Это был лишь невесомый, мимолётный жест, после которого я вылетел из комнаты так, словно за мной гналась стая разъяренных грифонов. С тех пор каждую ночь, оставаясь один, я доставал этот кристалл. Я любовался её лицом и своей собственной улыбкой на снимке — той самой, которую никто и никогда не должен был увидеть.

В ту ночь Амелия в полудреме перевернулась, сильнее сжимая в руках свой трофей. Лёгкое касание к виску, почти неосоздаваемое, будто тёплый ветер прошёлся по коже, заставило её вздрогнуть. Она открыла глаза — в комнате было пусто, лишь тени от занавесок дрожали на полу.

— *Приснилось. Конечно, приснилось.*

Но странный трепет внутри не давал ей покоя. Чувство уюта, тихой радости и отчётливый, густой запах перца и мёда, который, казалось, стал ещё сильнее, окутывал её до самого рассвета.

Спустя три дня случайность разрушила мою крепость. Горничная прибиралась в спальне, двери были распахнуты, и сквозняк сорвал сиреневую ленту с головы проходившей мимо Амелии. Та влетела в комнату, потянулась за лентой на моей постели и случайно задела подушку.

Кристалл — небесно-голубой, похожий на замёрзшее озеро — выкатился на свет. Стоило её пальцам коснуться грани, как воздух вспыхнул проекцией.

Амелия застыла. На снимке была она: растрёпанная, сонная, обнимающая одеяло с такой нежностью, будто в её руках была вся вселенная. Во всём её облике было столько мягкости, сколько она никогда не позволяла себе наяву.

— Что?..

Через секунду она уже летела по коридору мне навстречу.

— Это ты?!

— Нет, это ты — ляпнул я. Поняв, что сморозил глупость, я поспешно исправился: — Амелия я Ты спала и выглядела так мило.

— Мило? — она прищурилась. — Принц Драгона, наследник престола, будущий король — подкрадывается ночью к спящей принцессе, целует её в висок и называет это «мило»? Ты в курсе, как это звучит со стороны?

— Как правда, — пожал я плечами. — Мог бы сказать «восхитительно». Или «божественно». Но ты бы не поверила.

— А «мило» я должна поверить?

— В «мило» есть что-то честное. Я не мастер комплиментов, Амелия. Ты же знаешь.

Она скрестила руки на груди, но в глазах уже танцевали искры.

— Допустим. Но ты меня поцеловал.

— Я почти. Хотел, но не посмел. Самую малость. Коснулся. Можно считать это поцелуем?

— Нельзя.

— Тогда не целовал.

— А что ты делал?

— Прощался с тобой. Мысленно. На всякий случай.

Она замерла.

— С чего вдруг — «на всякий случай»?

— Ты в моём дворце, Амелия. Здесь уже пытались тебя убить. Я каждую ночь боюсь, что утром не услышу твоего дыхания за стеной. И я хотел запомнить тебя такой. Живой. Тёплой. С этой глупой улыбкой во сне.

Тишина повисла в коридоре. Амелия смотрела на меня так, будто видела впервые.

— Ты ненормальный, Тэреон Вальтарис.

— Я знаю.

— Но — она отвела взгляд, и её голос стал тише, — если ты когда-нибудь ещё раз меня сфотографируешь без спроса предупреди хотя бы.

— Чтобы ты успела причесаться?

— Чтобы я успела решить, стоит ли тебя убить на месте или сначала выслушать.

Я не сдержал улыбки.

— Договорились.

— И не стирай его.

— Что?

— Снимок. Не стирай. — Она подняла на меня глаза. — Только никому не показывай. Иначе я скажу всем, что принц Драгона по ночам крадётся к спящим девушкам и фотографирует их в обнимку с одеялами.

— Это шантаж?

— Это дипломатия, Ваше Высочество.

Я рассмеялся. Впервые за много дней — по-настоящему.

— Клянусь. Никому. И спасибо, что не убила.

— Ещё успею, — она развернулась и пошла к себе, но на пороге обернулась. — Тэреон?

— Да?

— В следующий раз будь смелее. А то фотографии — это, конечно, трогательно, но живого человека обнимать теплее.

И тут, словно по капризу судьбы, кристалл в её руке вспыхнул снова. Изображение сменилось.

Это был не её ночной снимок. На проекции застыл я — без рубашки, в простых штанах, сидящий на траве в потаённом уголке сада. И я был не один. Вокруг меня возились три крошечных дракончика: один усердно грыз мою ладонь, второй примостился на макушке, свесив кожистые крылья, а третий отчаянно карабкался на плечо. Мои волосы были растрёпаны, а на лице сияла такая безмятежная, глупая улыбка, какой я не позволял себе даже в кругу семьи. Мой личный, тщательно охраняемый секрет.

— Ох — выдохнула Амелия. Её глаза округлились, переводя взгляд с кристалла на меня и обратно. — Что это?

— Это это не то, что ты думаешь.

— Значит, ты не только маньяк-фотограф, но ещё и нянька? Ты и спишь с ними в обнимку, «грозный Хранитель»?

— Амелия! Они ещё маленькие. И я не сплю с ними просто они любят греться рядом.

Она фыркнула, а затем разразилась лёгким, мелодичным смехом. Это был первый раз, когда она смеялась так открыто, и этот звук окончательно добил мою выдержку.

— Ладно, ладно, не оправдывайся. Это даже мило. Принц-дракон в окружении малышей. Я должна была догадаться.

Я поглубже запихнул кристалл в карман, чувствуя себя абсолютно разгромленным. Вся моя суровая маска, которую я выстраивал годами, разлетелась вдребезги из-за одного нелепого кадра.

— Ты никому об этом не скажешь.

— Даже Эмиру?

— Особенно Эмиру. Он меня до конца жизни будет «мамочкой» называть.

— Твои секреты в безопасности, принц. Обещаю. Но в следующий раз, когда будешь прятать свою «особую коллекцию», убедись, что её не найдёт любопытная горничная.

* * *

Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар. 400 год после первого вызова печати. Амелия.

Я не знала, что разбудило меня той ночью — шелест ветра или эхо шагов за стеной. В груди разливался странный жар, будто я дышала не воздухом, а самым пламенем Драугона. В памяти всплыл его взгляд, суровый, но внезапно ставший мягким, и та неловкая ночь, когда я застала его спящим у камина.

Он был совсем не таким, как обычно. Чёрные волосы упали на лоб, дыхание было мерным. В этом сне властный принц казался почти беззащитным.

— *Вот же сволочь. Командует мной, а выглядит при этом как ожившая легенда.*

Злость на его самоуправство смешивалась с жгучим любопытством. Я осторожно коснулась его волос — они оказались намного мягче, чем я ожидала. Сердце колотилось так громко, что могло его разбудить. В ту минуту, в полумраке, я впервые призналась себе:

— *Красивый и совершенно невыносимый. Богиня, за что мне это?*

Я собиралась сбежать, как вор, но посмотрела на то, как неудобно он откинул голову на жёсткую спинку кресла.

— *Упрямый идиот. Утром шея будет болеть, а виноватой снова назначишь меня.*

Стараясь не шуметь, я подложила ему под голову мягкую подушку. Тэреон что-то невнятно пробормотал, но не проснулся, лишь уютнее поёрзал. Я немного колебалась, но всё же достала кристалл, с которым мы тренировались во Флоретии. Держа его дрожащими руками, я сделала запись. Тайную. Глупую. Таковую, которую никогда бы не решилась показать никому.

Я сидела на кровати, сжимая холодный камень. Кристалл отозвался на прикосновение, и в полумраке соткался призрачный образ спящего принца.

— Что я делаю? Зачем храню его?

Сама не понимая себя, я медленно наклонилась и коснулась губами зыбкого свечения. Холодный свет, игра теней но сердце ухнуло вниз, будто поцелуй был реальным. Я тут же отпрянула, спрятав артефакт под одеяло.

— Богиня, я веду себя как маньячка. Правы были няни: с кем поведёшься Его сумасшествие заразно.

Я зарылась лицом в подушку, молясь лишь о том, чтобы его драконье чутьё не подсказало ему, какой глупостью я тут занимаюсь.

Две недели в Драугоне пролетели как один длинный вдох. Каменные залы дышали жаром, коридоры шептали легенды, и я сама незаметно стала частью этой тишины. Но пришло время уходить. Если останусь дольше — перестану принадлежать себе.

Аурелия обняла на прощание, Эмир отпустил очередную шутку о драконьих обедах. Всё было правильно, тепло. Но Тэреон не появлялся до последней минуты. Я уже спустилась к воротам, кутаясь в дорожный плащ, когда услышала тяжёлые, знакомые шаги.

— Ты и правда уезжаешь.

— Да. Мир решит, что я окончательно переселилась в ваш вулкан.

— А разве нет? В твоих глазах теперь больше жара, чем в лавовых потоках.

Я промолчала, глядя на него совсем иначе, чем в день приезда. Он всё понял без слов.

— Спасибо, Тэреон. За твою семью. За то, что спас. И за то, что не сказал слов, которых я боялась.

— А если я скажу их сейчас?

Я замерла.

— Не надо.

— Амелия, я

— Не надо, — повторила я твёрже. — Пожалуйста.

Он замолчал. Долго смотрел на меня — так, будто запоминал каждую чёрточку.

— Знаешь, — сказал он наконец, и голос его был тихим, почти хриплым, — когда ты приехала, я думал, что мы просто союзники. Два королевства, один договор. Всё по делу.

— А теперь?

— А теперь — он усмехнулся уголком губ. — Теперь я не знаю, как буду тут без тебя. Мы ведь стали друг другу чем-то большим, Амелия. Ты ведь это понимаешь?

— Друзьями? — спросила я тихо, почти надеясь, что он не услышит.

— Друзьями, — он не стал спорить. Но в его голосе было столько горечи, что я почувствовала её кожей.

— Ты хороший друг, Тэреон. И ценный союзник. Я я правда это ценю.

— Дорогая цена, — он криво улыбнулся. — Платить своим сердцем за право видеть тебя раз в полгода.

Я не нашла слов. Стояла и смотрела на него, чувствуя, как слёзы подступают к горлу.

— Ты всегда можешь написать мне, — выдавила я.

— Письма — чернила на бумаге. А я я хочу слышать другого.

— Ты и правда невыносим.

Хрупкое молчание разрезал резкий фырк коня и лязг сбруи. Сифос уже сидел в седле — холодный, собранный, абсолютно чужой этому моменту. Его конь выбивал искры из камней двора.

— Ваше Высочество, пора. Дорога долгая, мы и так задержались сверх меры.

Сифос не смотрел на принца. Его взгляд был прикован к горизонту, а рука привычно лежала на поводьях. Весь его вид говорил: сказка окончена, впереди — долг и Флоретия.

Я в последний раз взглянула на Тэреона, кивнула и направилась к своей лошади, принимая неизбежное.

— Амелия, — окликнул он, когда я уже взялась за поводья.

Я не ответила. Вскочила в седло и, не оглядываясь, выехала за ворота. Но спиной чувствовала его взгляд — тяжёлый, тёплый, не отпускающий. И знала: он сдержит слово.

* * *

Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар. 400 год после первого вызова печати. Тэреон.

Я вошёл в её пустые покои спустя два часа после отъезда. Здесь ещё пахло её духами — тонкими, цветочными, совершенно чужими для нашего сурового края. На столике я заметил маленький бархатный мешочек. Внутри, переливаясь холодным светом, покоился кристалл записи.

Стоило согреть грани камня дыханием, как из сердцевины выплеснулось свечение. В воздухе соткался призрачный силуэт. Я смотрел на самого себя — спящего в кресле, с растрёпанными волосами. Но моё внимание приковала подушка под моей головой. Та самая, которую я обнаружил, проснувшись в одиночестве. Я видел это её глазами. Кадр чуть дрожал, выдавая волнение той, кто держала кристалл. Она не просто зашла — она позаботилась о моём сне, боясь разбудить.

— Ну что ж, судьба моя, теперь ты от меня не отделаешься. Кристаллы не забывают, а я — тем более.

Я спрятал камни в карман. Один — как напоминание, кого я должен защитить. Второй — как право прийти за ней. И я приду, даже если придётся перевернуть весь мир.

Я вышел из комнаты и сделал несколько шагов по коридору, когда заметил Эмира. Брат опирался плечом о каменный косяк, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с той самой ухмылкой, которую я знал с детства — смесь насмешки и невысказанного участия.

— Смотрю, ты уже обживаешь её покои, — протянул он. — Скоро сам начнёшь здесь ночевать.

— Тебе какое дело?

— Да так, — он пожал плечами. — Просто спросить. Не видел ли ты кольцо?

Я нахмурился.

— Какое кольцо?

— То самое, — Эмир приподнял бровь и развёл руками с таким видом, будто объяснял прописную истину ребёнку. — Которое ты, по идее, должен был надеть цветочной принцессе на пальчик. Пока она не ускакала со своим верным псом Сифосом.

— Кольца нет.

— Как так — Эмир театрально схватился за сердце, округлив глаза. — Я думал, ты заказал его, как только Амелия переступила порог нашего логова. Просчитался, братец. А я уже мысленно готовил поздравительную речь.

— Успеешь. Если доживёшь до этого момента.

— Ты меня пугаешь, Вальтарис. Но я подожду. — Он оттолкнулся от косяка, хлопнул меня по плечу и, не оборачиваясь, бросил: — Когда поедешь за ней — скажи. Я прикрою.

Брат ушёл, оставив меня одного в пустом коридоре, а я достал из кармана крохотный набросок кольца, которое пока существовало только на бумаге, но скоро должно было стать самым тихим обещанием, какое я когда-либо давал.

Глава 9. Право на тепло

«Мы смотрим в небо с разных берегов,

Слов не сказав, мечтая о встрече,

Но судьба уже шепчет: «Скоро...»».

— Из песни «О Склонившихся Венцах»

Королевство Флоретия. Город Лиэстэрия. Дворец Альмерин. 400 год после первого вызова печати. Амелия.

Три недели. Ровно столько прошло с моего возвращения во Флоретию, но по ощущениям — минули месяцы. В садах легла первая изморозь, и последние цветы угасали под холодным дыханием осени, цепляясь за жизнь, как за ускользающую память. Я обходила их стороной — казалось, в каждом увядшем лепестке проступало знакомое лицо.

Дни были заполнены до предела. Вместе с Хризалией я брала уроки у леди Летиции, которая была не намного старше нас: мы постигали магию растений, оттачивали речь и ораторское искусство. Я училась умирять своенравные лианы, направлять рост стеблей и разливать вкрадчивое дыхание земли. Иногда я смеялась — искренне, по-настоящему. Но каждый вечер, оставаясь наедине с собой, ловила себя на том, что взгляд невольно ищет в сумерках сада тёмный силуэт.

В залах дворца я была безупречной принцессой: мягко улыбалась, идеально держала спину, кивала в такт светским беседам. Но настоящая я жила лишь в письмах, которые так и не решилась отправить.

Однажды, не выдержав тесноты стен, я вышла ночью в тот самый сад, где Тэреон спас нас. Я замерла на том же месте и прошептала в пустоту:

— Ты не смеешь сниться мне каждую ночь

Но он снился.

* * *

Королевство Драугон. Город Валаррад. Дворец ДарКсар. 400 год после первого вызова печати. Тэреон.

В Драугоне время тянулось тяжело, будто сам воздух стал гуще и оседал в лёгких пылью веков. Я изматывал себя тренировками, лично проверял посты и дисциплину всадников, надеясь, что рутина вытеснит лишние мысли. Но память упрямо возвращала её взгляд: непокорный, искрящийся, пугающе живой.

Я следил за молодым драконом, уходил в патрули к южным границам, подолгу находился в храме Четырёх, а по вечерам замирал у окна, сжимая в руке кристалл светлого топаза, принадлежавший Амелии.

— *Не бывает дракону пленником цветка И всё же*

Сон не шёл. Письма, начатые десятки раз, так и остались ненаписанными.

Тем временем замок бурлил: ноябрь принёс колючие холода и суету приготовлений к двойному дню рождения — отца и Эмира. В Зале Совета Эмир небрежно тонул в кресле, слушая монотонный бред советников о «дипломатических союзах» и поиске супруги.

— Бал должен быть грандиозным, — вещал седовласый Кúdo, расправляя бесконечный список гостей. — Представители домов приедут специально ради вас. Мы обязаны показать, что мощь дома Вальтарис непоколебима, а молодой принц готов к дипломатическим союзам.

Эмир поморщился, не поднимая головы.

— Толпа, как в прошлые годы? Сотни навязчивых взглядов, десятки одинаковых улыбок и ни одного живого лица? Не хочу.

— Ваше Высочество, — мягко, но с едва уловимой твёрдостью произнесла леди Амбриэль, — бал — это не просто веселье и не ваша личная прихоть. Это долг. Возможность укре-

пить союзы, показать силу короны. И, быть может, среди гостей окажется та, кто сможет разделить с вами не только танец, но и будущее.

— Другими словами, невесту, — Эмир усмехнулся, но в его глазах не было насмешки — только усталость. — Вы прямо говорите, леди Амбриэль. Хотя бы в этом я ценю вашу честность.

— Я говорю то, что должна, Ваше Высочество, — она слегка склонила голову. — А вы делайте выводы.

Но вдруг принц замер, превратившись в изваяние. Его дракон, Ультарен, бесцеремонно ворвался в сознание, выжигая перед глазами образ девушки с изумрудной зеленью глаз — той самой, что уже который месяц не давала Эмиру покоя.

— Ульт, что ты творишь? — прорычал Эмир, пытаясь смахнуть наваждение.

— Опять она? — голос дракона в голове Эмира сочился едва сдерживаемым раздражением. — Сколько можно, а? Я уже устал от неё! Она мне снится начала, представляешь? Дракону — и снится какая-то зеленоглазая девица, потому что её образ засел в твоей башке так глубоко, что я уже не знаю, где мои мысли, а где твои.

— Ульт, прекрати

— Нет, ты прекрати! — Ультарен не унимался, и каждое его слово било по нервам с нахальной, почти издевательской интонацией. — Ты уже сколько месяцев ходишь как потерянный? Советники тут тебе невест подыскивают, а ты даже не слушаешь, потому что перед глазами — только она. Даже я от неё устал, а мне с ней, между прочим, век жить. В твоей голове. Так что давай, бери себя в руки и зови уже эту твою изумрудоглазую, пока я сам не рванул в Флоретию и не приволок её сюда за шиворот.

— Она не моя.

— А должна быть! Потому что я больше не намерен терпеть твои страдания. Выбери. Или она, или я устраиваю такой пожар на этом балу, что твои советники забудут, как выглядит спокойная старость.

Образ девушки побледнел, но тепло в кончиках пальцев осталось. Эмир сжал челюсти, возвращаясь в реальность, и медленно поднял голову.

— Пригласите дом Лювэнн, Рэйвор и Лирён, — произнёс он тихо, но так, что возражения застряли у стариков в горле. — Раз я обязан скучать на балу, пусть они скучают вместе со мной.

В зале заскрипели перья, а Эмир снова отвернулся к окну. В его осанке больше не было скуки — только ожидание, замешанное на тайном страхе: а вдруг она не приедет? Где-то глубоко в сознании Ультарен довольно фыркнул и свернулся клубком, оставив Эмира наедине с его мыслями. Но каждый знал: дракон прав. И они оба это понимали.

* * *

Королевство Флоретия. Город Лиэстэрия. Дворец Альмерин. 400 год после первого вызова печати. Амелия.

Всё изменилось в одно пасмурное утро, когда в главном зале распечатали конверт с тяжёлым гербом Драгона. Тихий шелест бумаги в руках отца показался мне оглушительным.

— Большой бал в честь короля Эдгара и принца Эмира, — произнёс король Джаред, пробегаая глазами по строчкам. — Нас приглашают.

Хризалия, до этого безучастно смотревшая в окно, вздрогнула. Её пальцы судорожно сжали край вышитой салфетки.

— Эмир — едва слышно сорвалось с её губ. Она тут же поправилась, возвращая голосу ровный тон: — Должно быть, это будет выдающееся торжество.

Я промолчала, пряча невольную улыбку. Я не спрашивала, будет ли там Тэреон. Я знала — будет. Королева Менфиса сухо кивнула, принимая приглашение как важный политический жест, а Хризалия бросила на меня лукавый взгляд, в котором промелькнула искра предвкушения.

— Ты улыбнулась, когда отец произнёс его имя, — заметила я, когда мы остались одни.

— Не выдумывай, — Хризалия поправила локон, скрывая нежный румянец. — Просто принц Эмир — единственный, с кем я могу говорить на равных. Как с другом. Не более того.

Её голос в конце дрогнул. Я не стала настаивать, чувствуя, как коснулась её хрупкой тайны. Но, вернувшись в спальню, я сама не находила себе места. Мысли кружились, как палая листва, возвращаясь к одному и тому же вопросу:

— А есть ли у него невеста?

Тэреону двадцать два. Он мог выбрать кого-то сам или за него давно решили советники и родители. Может, она уже живёт неподалёку. Может, она

Я не заметила, как провалилась в тяжёлый сон. Мне снилось, что я стою в тени высокой арки. Та девушка была выше меня, грациозная, со светлыми волосами, отливающими медом на солнце. Фарфоровая кожа, острый, пронзительный взгляд голубых глаз. На ней было платье из мерцающей серебристой ткани с белой вышивкой — тонкое, почти прозрачное, облегающее каждый изгиб так, будто его нарисовали на коже.

Тэреон стоял рядом. Его ладони, широкие и горячие, лежали на её талии, но не просто лежали — они жадно, по-хозяйски сжимали её плоть, пальцы впивались в бёдра, сминали тонкую ткань, оставляя на ней складки. Он прижимал её к себе так крепко, будто хотел вжать в собственное тело, чувствуя каждое её движение сквозь шёлк, и его руки при этом не стояли на месте — они двигались, ощупывали, сдавливали, собственнически тискали её, как вещь, которую можно мять сколько угодно.

В следующий миг он наклонился и поцеловал её — не по этикету, а по-настоящему: глубоко, жадно, до боли. Я видел, как его пальцы с силой запутались в её светлых локонах, запрокидывая её голову назад, как вторая рука скользнула ниже, сжала ягодицу, приподнимая её, заставляя податься навстречу. И она радостно вскрикнула от этого яростного, интимного напора.

Отстранившись лишь на мгновение, они оба повернули головы в мою сторону. Тэреон не выглядел виноватым — он смотрел на меня с холодным, почти безразличным безразличием, всё ещё не выпуская девушку из своих рук, всё ещё продолжая сжимать её, мять, ощупывать, будто меня здесь вообще не было. А затем они рассмеялись. Этот смех, звонкий и издевательский, ударил меня по лицу сильнее пощёчины.

— Посмотри на неё, — медовым, ядовитым голосом произнесла незнакомка, поглаживая Тэреона по щеке. — Неужели ты и правда поверила, Амелия? Думала, что пара бесед и несколько многозначительных взглядов сделали тебя интересной принцу Драугона?

Рука принца скользнула по её спине, спустилась ниже, шлёпнула по ягодице — собственнически, небрежно, подтверждая её право на него.

— Ты была лишь временным развлечением, дорогуша. Забавная зверушка из другого королевства, которую было просто жалко. Но он мой. Был, есть и будет. А теперь — проваливай. Тебе здесь не место. Иди, поплачь в свой уголок, принцесса никчёмная.

Я вскрикнула, захлебнувшись собственным вздохом, и резко села на кровати. Сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица, а в ушах всё ещё стоял этот издевательский, звонкий смех.

В комнате царила глубокая, тяжёлая ночь. За окном не было ни звука — даже сверчки умолкли, словно боясь потревожить эту мёртвую тишину. Лишь бледный лунный свет пробивался сквозь щель в шторах, разрезая спальню на свет и непроглядную тьму.

— Это просто сон, — прошептала я в пустоту. — Всего лишь дурацкий сон.

Я замерла, прислушиваясь к биению своего сердца. Сомнение, ядовитое и острое, уже начало подтачивать мою уверенность. А что, если сон — это лишь отражение того, что я и так знала где-то глубоко внутри? Что, если я действительно лишь случайная гостья в его жизни? Игрушка, которую просто не успели выкинуть?

Дрожа от ночного холода и внутреннего озноба, я спустила ноги с кровати. Пол обжёг ступни, но я едва это заметила. На неслушающихся ногах я дошла до шкафа и, оглянувшись на дверь, словно воровка, открыла тяжёлую створку. Там, спрятанное за ворохом платьев, лежало оно. Одеяло, которое я тайком стащила из его покоев в ту ночь.

Я прижала его к лицу, жадно вдыхая едва уловимый аромат — запах хвои, терпкого дыма и чего-то неуловимо «драконьего». Его запах. Тот самый, от которого внутри всё переворачивалось. Вернувшись в постель, я с головой зарылась в эту тяжёлую ткань, пытаюсь спрятаться от образа золотоволосой женщины из сна, от его рук на её теле, от того, как он сжимал её, мял, тискал — и как смотрел на меня после.

Первая слеза, горячая и солёная, скатилась по щеке и впилась в грубую шерсть одеяла. За ней — другая. Я сжалась в комочек, кусая губы, чтобы не разрыдаться в голос.

— Он бы так не поступил, — прошептала я в складки ткани, и голос сорвался на всхлип. — Он не такой. Не поступил бы со мной так правда?

Но темнота комнаты не давала ответов, и я осталась один на один со своим вопросом, прижимая к себе единственную вещь, которая ещё связывала меня с ним.

Спустя два дня пути карета остановилась перед тёмным дворцом. Я вышла первой в платье винного бархата — тяжёлом и строгом, под стать Драугону. Хризалия сияла в золоте, напоминая холодный луч солнца. Первым, кто встретил нас, был высокий мужчина со светлыми волосами и ясным взглядом.

— Принцесса Амелия, — он вежливо улыбнулся. — Добро пожаловать обратно в ДарКсар.

Я ответила сдержанным кивком и, едва коснувшись его руки, легко сошла на землю. Хризалия последовала за мной, но, принимая руку Эмира, задержалась на мгновение дольше, чем требовали приличия. Их взгляды встретились — в глазах сестры я заметила любопытство с примесью вызова. Эмир смотрел на неё долго, почти непозволительно, и его пальцы на миг сильнее сжали её ладонь, прежде чем отпустить.

У подножия лестницы нас ждала Аурелия. После взаимных реверансов к нам подошли двое мужчин в тёмных одеждах: один голубоглазый, другой — с волосами цвета ночи.

— Принцессы, — произнёс принц Зориан, склонив голову. — От имени семьи просим прощения, что вас не встретили Их Величества. Совет затянулся.

— Но мы искренне рады вашему прибытию, — добавил Драксарий с безупречной, но холодной вежливостью.

В этот момент в глубине коридора раздались тяжёлые шаги. Из тени вышли король Эдгар и королева Сирена — внушительные, словно сами скалы, на которых стоял дворец.

— Ваши Высочества, добро пожаловать, — произнёс король. — Простите за задержку. Мы склонились в поклоне. Королева коротким жестом приказала слугам:

— Проводите гостей в их покои.

Следом прибыла вторая карета с моими родителями. Король Джаред помог матери спуститься, и после официальных приветствий все направились во дворец.

Меня жалило отсутствие Тэреона. Внутри всё похолодело: неужели сон был вещим? Неужели он сейчас смеётся в компании другой?

— Он не думал, что ты приедешь? — тихо спросила Хризалия, заметив мою бледность.

— Знал. Просто не приехал.

Но перед самым ужином, в полумраке анфилады залов, я увидела его. Тэреон ждал, прислонившись к колонне. Тёмный камзол, серебряное шитьё и взгляд, в котором не было привычной гордости — только усталость и странная робость.

— Прости, охота затянулась, и я не успел встретить тебя вовремя, как подобает. Но я бесконечно рад, что ты здесь.

— Ты должен был быть там, — я замерла, борясь с желанием уйти. — Но спасибо, что пришёл хотя бы сейчас.

— Я хотел быть первым, кто увидит тебя. И всё равно опоздал.

— И я хотела быть первой, кого ты встретишь, — тихо сказала я.

— Тогда, может быть, мы начнём сначала? Прямо сейчас.

Тем временем у входа в зал Хризалия замешкалась. Эмир уже стоял рядом, словно возникнув из самой тени дворца.

— Вы выбрали идеальное платье для этих стен, — заметил он с едва уловимой полуулыбкой.

— Вряд ли оно вам запомнится, Ваше Высочество.

— Запомнится. Особенно тот момент, когда вы впервые на меня так посмотрели.

— Я всегда так смотрю. Или вы непривычны к женскому вниманию?

— Только к такому, от которого забываешь слова.

Принцесса вскинула бровь, но, проходя мимо него в зал, всё же позволила себе мимолётную улыбку.

— Тогда постарайтесь вспомнить их к началу бала. Мне будет интересно вас послушать.

— А если не вспомню?

— Тогда у вас будет целый вечер, чтобы придумать новые, — она бросила взгляд через плечо. — Я не спешу.

Ужин был роскошным, но тяжёлым. Главным блюдом стала дичь, которую Тэреон добыл на сегодняшней охоте. Мясо казалось странным: оно не просто томилось в печи, а словно было опалено самим первородным пламенем. Золотистая корочка несла на себе печать яростного, мгновенного жара, какой не даст ни один очаг, и этот едва уловимый аромат дикого огня пропитывал весь зал.

Аромат этой «опаленной» дичи смешивался с пряными персиками и натянутой вежливостью. Пока короли вспоминали былые Советы, а матери обсуждали поставки специй, за их смехом отчётливо сквозила тревога. Мы — наследники — почти не вмешивались. Мы лишь переглядывались украдкой, пытаясь понять: видишь ли ты, как стремительно рушится старый мир?

Я молчала. Эмир сидел с каменным лицом, Хризалия мастерски скрывала эмоции. Тэреон казался спокойным, но его глаза постоянно искали мои. Когда он поймал мой взгляд и едва заметно, ободряюще кивнул, я тут же уткнулась в тарелку.

Когда ужин закончился и зазвучали сухие пожелания доброй ночи, я пошла по коридору, почти не осознавая пути. Ноги сами несли меня к покоям Тэреона — словно тело помнило путь, которого разум ещё не осознавал. Мои пальцы уже коснулись дверной ручки, когда за спиной раздался ровный голос Хризалии:

— Куда ты?

— Никуда!

Сгорая от стыда, я почти бегом бросилась к своим покоям. В комнате уютно трещал камин. Я медленно сняла платье и украшения, сбрасывая вместе с ними груз прожитого дня и роль безупречной принцессы, которая всё ещё жала мне в плечах.

Сон не шёл. Я металась под простынями, прокручивая в голове обрывки фраз и несказанные слова. Наверное, Хризалия сейчас так же сидит у окна, глядя на луну. Наверное, Эмир ворочается в постели, недовольный миром. А может быть, кто-то, как и я, просто ждёт. Чего? Я и сама не знала.

Утро ворвалось в окна ослепительным золотом. Небо над дворцом окрасилось в нежные розовые тона, пока во внутренний двор один за другим въезжали экипажи. На дверцах сияли гербы: серебристый кинжал Лирена, василёк Мильвера, сапфировый лев Довара и крылатый волк Рейвора.

Из карет выходили ожившие портреты: юные лорды с чеканными профилями и принцессы с лебединой осанкой. Их фарфоровые улыбки несли на себе печать безупречной дворцовой искусственности.

Король Эдгар и Эмир принимали поклоны на ступенях лестницы. Девушки кокетливо смеялись, пряча взгляды за ресницами:

— А где же принц Тэреон? — шептались одни.

— Где ваш младший брат? — вторила принцесса с золотыми солнцами в ушах.

Эмир отвечал профессионально холодной улыбкой, направляя потоки прибывших:

— Принцессу Фиору Лирен из Королевства Тарнель — в западную башню.

Я наблюдала за этим муравейником тщеславия, пока на меня не наткнулась одна гостья. Темноволосая принцесса с острым подбородком окинула меня брезгливым взглядом:

— А это ещё кто? Слугам теперь тоже дозволено гулять при дворе?

— Я не служанка.

— Правда? У тебя очень простой вид. Неужели на такие лица теперь тоже выписывают приглашения?

Прежде чем она успела выплюнуть колкость, рядом возник Тэреон — непоколебимый и прямой, словно вырезанный из тёмного дерева.

— Принц Тэреон! — гостья мгновенно сменила тон на ласковый, но он едва удостоил её кивком, протягивая руку мне.

— Прости, я задержался. Пойдём.

Я вложила ладонь в его руку. Когда мы шагнули прочь, Тэреон сжал мои пальцы чуть крепче — короткий жест, тяжёлый, как клятва.

В этот момент толпа притихла. К лестнице приближались Зориан и Аурелия. Оба в чёрном, молчаливые и отстранённые, они казались чужими на этом празднике жизни. Леди Лианэль из Вантонии и юная Кассандра из Талморина провожали Зориана жадными взглядами. Кассандра шагнула вперёд, готова улыбку, но Зориан прошёл мимо, не повернув головы. Его равнодушие было абсолютным. Похоже, «солнечный принц» сегодня не собирался никого согреть.

Тем временем лорд Эстиваль из Теринноса — тридцатилетний, пропитанный дорогим парфюмом и надменностью — решил, что настал его звёздный час. Увидев Аурелию, он преградил ей путь театральным поклоном.

— Прекраснейшая Аурелия, не подарите ли вы мне танец прямо здесь?

Аурелия даже не изменилась в лице. Она не удостоила его и мимолётным взглядом, лишь чуть сильнее сжала руку Зориана. Двойняшки прошли мимо, словно лорд был назойливой пылью.

Драксарий, предвидя пытку однообразными вопросами «как ты вырос», забаррикадировался в своих покоях. Он впустил только нас с Тэреоном — единственных, с кем можно было не носить маску. Тэреон облегчённо выдохнул и на ходу скинул тяжёлый меховой плащ.

— Наконец-то место, где никто не лезет с расспросами, — буркнул он, рухнув в кресло.

Я осталась стоять у резного столика, переводя взгляд с одного брата на другого.

— Вы будто сговорились. Чёрное, серебро, даже поза одна... Как две капли воды. Хотя, — я лукаво прищурилась, — Драксарий всё же будет помилее.

— Осторожнее с комплиментами, принцесса. В следующий раз из передраг тебя будет вытаскивать Дракс, а не я.

— С радостью, — подхватил младший принц, сверкнув карими глазами. — Только предупреди заранее. Я, в отличие от него, не такой безрассудный.

— Безрассудный, но эффективный. Напомни-ка, кто вытаскивал тебя из ледяного ущелья?

— А кто туда первым полез с криком «кажется, я слышал вой дракона»? — парировал Дракс.

Я рассмеялась. Тэреон, уже не скрывая ответной улыбки, откинулся на спинку кресла.

— Лучше бы я остался с гостями, там хотя бы соблюдают приличия.

— Так иди, а я обсужу с Амелией планы на вечер. Уверен, она предпочтёт общество галантного кавалера, который не ворчит, как старый дед.

Дракс с комичным пафосом поцеловал мою руку, бросив на брата вызывающий взгляд. Улыбка мгновенно сползла с лица Тэреона. Он посмотрел на брата в упор, и воздух в комнате стал тяжёлым и горячим. В самой глубине его зрачков вспыхнуло багровое свечение. Но Дракс не отвёл взгляда. Он выпрямился, и в его глазах внезапно зажёгся холодный, ослепительно-голубой свет. Это было столкновение льда и пламени.

— Вальтарис! — громко позвала я, чувствуя, как по коже бегут искры от их столкнувшейся магии.

Дракс первым весело фыркнул, и свечение в его глазах погасло.

— Видишь, Амелия? Он до сих пор не умеет проигрывать, — мальчишка подмигнул мне, хотя в его позе всё ещё сквозило достоинство истинного принца. — Сразу подключает Мора, стоит кому-то просто пригласить даму на танец.

Тэреон медленно выдохнул, заставляя алый огонь померкнуть, но его взгляд по-прежнему был прикован ко мне. В этот момент в дверь негромко постучали. Вошла Хризалия, а за ней — Зориан и Аурелия. Драксарий, скрестив руки на груди, устало выдохнул:

— Что, весь замок решил переехать ко мне?

— Нам все надоели ещё до начала бала, — хором ответили двойняшки.

— Не хватает только Эмира, — заметила Хризалия, оглядываясь.

Комната наполнилась привычным хаосом. Зориан запрыгнул на подоконник, болтая ногой в воздухе; Аурелия устроилась на ковре, обложившись подушками; Хризалия нырнула в глубокое кресло, поджав ноги под себя. А мои, скованные каблуками, налились свинцом. Тэреон заметил мою мимолётную гримасу боли. Ни слова не говоря, он молча подвинул брата, освобождая место на диване, и едва заметно кивнул мне. Я села рядом. Плечи почти соприкасались, диван был слишком узок для двоих — и это было то самое «тесно», которое называют домом.

Не прошло и пары минут, как дверь содрогнулась от мощного удара — такого, будто в неё вломились с разбега или ударили кованым сапогом. Тэреон даже не вздрогнул, лишь неторопливо поднялся и парой широких шагов преодолел расстояние до входа. Стоило ему повернуть замок, как створка распахнулась настежь, едва не слетев с петель. В комнату вихрем влетел Эмир. Он не вошёл — он буквально рухнул в пространство гостиной. С глухим, надрывным стоном он повалился на свободный диван, не заботясь о приличиях. Ноги в сапогах взлетели на обивку, руки раскинулись в стороны, будто он только что закончил смертный бой с самой жизнью.

— Доби-и-или

— Что стряслось, «герой»? — Тэреон с хитрым прищуром присел на край дивана, сложив руки на груди. — Выглядишь так, будто в одиночку сдерживал нашествие малышей.

— Вы все! Сбежали и бросили меня на растерзание! Предатели!

Мы с Тэреоном переглянулись. Слишком уж комичным был этот «павший боец», принесённый в жертву светскому этикету. Короткий смешок вырвался у меня против воли.

— Прости, что не выставили оцепление против армии влюблённых девиц, — поддел его Тэреон. — Мы думали, ты наслаждаешься триумфом.

— Наслаждаюсь? — Эмир издал звук, похожий на сдавленный рык, и резко сел, наставив на нас палец. — Каждая вторая спрашивает, с кем я открою бал. Каждая первая — не занято ли место будущей королевы. А потом начался настоящий цирк. Семь! Семь мужчин подошли

ко мне просить руки Аурелии! Один вообще, судя по седине, ровесник отца! «Принц, я имею честь просить руки вашей сестры!» Я ему чуть не сказал: «Дед, тебе не руку, тебе трость просить надо, чтобы до двери дойти!»

Аурелия демонстративно закатила глаза, но в уголках её губ предательски дрогнула улыбка. Драксарий, до этого молча наблюдавший за сценой, фыркнул и ловко увернулся от подушки, которую Эмир швырнул в него.

— Ты просто выглядишь самым безобидным. Надо было отвечать им на древнедраконьем — решили бы, что ты проклят, и сбежали.

— Отличная идея, — пробормотал Эмир. — Скажу, что женюсь только на той, кто переспорит моего дракона.

Хризалия, всё это время тихо сидевшая в кресле, вдруг поднялась и бесшумно подошла к нему. Она остановилась за спинкой дивана, и, прежде чем Эмир успел продолжить свой гневный монолог, её пальцы мягко, но настойчиво коснулись его висков. Именинник открыл рот для очередной тирады, но Хризалия, не прекращая движений, легонько коснулась его скулы — и он выдохнул. Весь гнев вышел из него разом, будто проколотый воздушный шар. Он прикрыл глаза и позволил ей водить пальцами по его волосам, по затылку, по шее — медленно, успокаивающе, как убаюкивают дикого зверя.

— Потерпи. Два дня — и они уедут.

Эмир только хмыкнул в ответ, но его плечи, до этого напряжённые до предела, наконец расслабились. Тэреон, наблюдавший за этой сценой, едва заметно усмехнулся и перевёл взгляд на меня. Я всё ещё сидела босиком, подобрала ноги, и чувствовала, как от этого простого, домашнего жеста — его брат, его семья, эта неловкая, шумная, но такая родная возня — внутри разливается странное, щемящее тепло.

Покой нарушила Блю — служанка Драксария. Она робко заглянула в комнату, судорожно комкая фартук.

— Простите, Ваши Высочества Вас ищут. Король в гневе, бал вот-вот начнётся.

Мы поднялись почти одновременно. Прежде чем я успела нашить ногами туфли, Тэреон незаметно подтолкнул их носком ближе к моим ступням. Пустяк, секундный жест, но по коже пробежала дрожь. Мы поправили парадные наряды и вышли в коридор — навстречу золотому свету и гулу праздника. Там, снаружи, мы снова станем масками, но здесь, в этой комнате, мы всё ещё принадлежали друг другу.

Главный зал сиял хрусталём и дурманил ароматами. Эмир, стоя на возвышении, встречал гостей с монаршей выправкой. Ни капли сарказма — только ледяная гордость.

— Рад приветствовать вас в залах ДарКсара. Этот вечер — знак нашего уважения к союзникам и соседям. Пусть он принесёт каждому нечто важное. И пусть начнётся первый танец.

Зал замер. Эмир сошёл с помоста. Его взгляд скользил по лицам, пока не остановился на Хризалии. Она замерла, не веря собственным глазам, когда именинник шагнул прямо к ней и протянул руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.